

Наследник для
МИЛЛИОНЕРА
РИНА СТАРКОВА

Волков не должен был узнать о ребёнке, но судьба распорядилась иначе. Теперь я — Вероника Волкова, настоящая жена миллионера. Казалось бы, счастье рядом, но наши отношения после родов, как минное поле, а вокруг слишком много врагов...

1.

наши дни

Степан

Одним рывком распахиваю двери своего дома, вылетаю на улицу. Дождь без устали лупит землю, в лужах играют пузыри. Они надуваются белым куполом и бесследно лопаются, превращаясь в грязную пену. Точно так же, как моя вера в лучшее, в искреннее и светлое. А косая ливневая стена смывает следы счастья безвозвратно.

— Макси-и-и-ик, — верещит Вероника с таким надрывом, что у меня сердце взрывается и в хрустальную крошку размалывается.

Она выбежала за мной в одном лёгком кипельно-белом платье, которое стало мокрым моментально и прилипло к худому телу. Губы её дрожат, и кожа почти такого же цвета, как это чёртово платье: белоснежная, с серыми впадинами. Падает коленями в грязь, поскользнувшись, ногтями впивается в сырую землю и кричит что есть силы.

Моя охрана сразу бежит поднимать Волкову на ноги, но молодая женщина заливается слезами и скулит, как дикое животное, раненое ядовитой стрелой.

— Вероника, иди в дом! — бросаю резко и отворачиваюсь.

Смотреть на неё слишком больно.

Я должен помочь Веронике, успокоить, пообещать, что всё хорошо будет.

А будет ли?

Моя голова сейчас лопнет, и мозги придётся собирать на мокром асфальте.

Водитель подгоняет большой внедорожник, тормозит в сантиметре от меня, и я запрыгиваю в машину.

— Нет, нет! Я поеду с тобой! Я поеду! — голос Вероники эхом разрывает пространство.

Но я с силой захлопываю дверь, стараясь вдохнуть воздух полной грудью. Страх сковывает, туманит рассудок, лапает омерзительными щупальцами. Бегущей строкой "а что если..?", а дальше картинки с кровавым месивом, от которых под кожей проносятся мурашки.

Водитель срывает тачку с места, и только за коваными воротами я могу сфокусировать взгляд в экран телефона.

— Как так получилось, Андрей? Почему не досмотрели? — рывкую в телефонную трубку начальнику охраны.

— Извините, господин...

— Срочно поднимай всех знакомых. Кто-то решил объявить мне войну, похитив моего наследника!

2.

Год назад

— Степан-

Сквозь сон снова слышу надрывный плач ребёнка. Тяжело выдыхаю, приподнимаясь на постели. Комната озарена луной, и в бликах света вижу Веронику. Бледную, уставшую, с растрёпанными волосами. В своей белой ночной сорочке она напоминает приведение.

— Ну, Максик, что же с тобой? — обречённый шёпот в пустоте звенит эхом. — Я не знаю, как тебе помочь.

Протираю глаза тыльной стороной ладони, грохаюсь обратно на подушку и со стоном рычу.

Максим продолжает громко плакать на руках у Вероники. И так уже неделю! Неделю назад моя жизнь перевернулась с ног на голову, выбилась из привычной колеи и смешала в себе самые разнообразные эмоции. Этот калейдоскоп завертелся настолько быстро и безжалостно, что голова уже идёт кругом и тошнит.

Пару раз под горячую руку попала секретарша. Довёл Оксану до слёз, и та быстро написала заявление на увольнение. Искать где-то нового сотрудника, такого же грамотного и не приносящего хлопот, мне не хотелось. Пришлось повысить Оксане зарплату.

Позавчера я уснул в своём кабинете и чуть не проспал совещание, а три дня назад задремал за рулём. Больше сам не сажусь. Водитель возит.

Я думал, что пережить беременность тяжело. Капризная будущая мама обнимала свой живот, нежно и ласково заглядывала в мои глаза и с придыханием выдавала: "Мне кажется, ребёнок хочет манго". В час ночи. Когда завтра важный проект и вставать в шесть утра. Или её любимое: "Я такая толстая!", от которого у меня холодная волна прокатывалась по спине и волосы дыбом вставали.

Вероника кошмарила не только меня. Доставалось и домработнице Насте, которая "добровольно" соглашалась поехать в детский магазин выбирать для будущего малыша одежду, и домоправительнице Лизе, которая заказывала детскую мебель и разную технику для облегчения жизни молодой мамочки. Каждый раз не того цвета, недостаточно удобную или просто не во вкусе Вероники. Про Константина вообще молчу! Несчастный повар так настрадался, изобретая для беременной шедевры кулинарии, что как только Волкова родила, взял отпуск за свой счёт на три недели. И без того нервный Виктор пил травяные пилюли для успокоения, а к девятому месяцу беременности перешёл на антидепрессанты.

Беременность прочувствовали все.

Но то, что происходит после родов — вот сущий ад!

Моя нежная и трепетная Вероника, которая любила весь мир и без остановки пела для ребёнка разные смешные песенки, наглаживая свой огромный живот, превратилась в нечто из фильмов ужасов. Крюгер в сравнении с ней и то помилее выглядит. Весь дом она держит в страхе, не давая никому приблизиться к Максимке. Даже с Людой своей разругалась, когда та притащила для мелкого "неправильные" погремушки.

Максим успокаивается, и как только Вероника предпринимает попытку уложить его в кроватку, он снова заходится плачем.

Всё по кругу.

— Ты устала, милая? — смотрю на неё, а у самого слёзы наворачиваются.

Кажется, жена моя всю эту неделю вовсе не спит.

— Нет, — врёт.

— Давай я покачаю, а ты поспи.

— Я сама! — огрызается.

— Вероника, так нельзя. Максиму нужна здоровая мама, полная сил и энергии. А ты просто себя убиваешь. Давай я помогу, уложу его.

— Нет! Я всё сделаю сама! — нервничает. — А-а-а! А-а-а-а!

Её укачивания больше похожи на мольбу о помощи. Отворачиваюсь на бок и закрываю

голову подушкой.

— У тебя колики, сынок? М? Или ты опять голодный? — снова этот замученный голос, который мне сердце разрывает.

Вскакиваю с постели и подхожу к жене. Попытку забрать ребёнка она пресекает ядовитым взглядом.

— Давай дадим ему смесь! Мы же купили дорогую, хорошую, почти от твоего молока не отличается.

— Ты хочешь, чтобы твой ребёнок химией питался? — рычит, как дикое животное.

— Вероника, послушай. У меня нет сил терпеть твои загоны. И Максимке от этого плохо, — глажу Нику по волосам, но она отбрыкивается.

— Тебе всё равно на ребёнка! — хриплый голос дрожит, а из глаз прыскают слёзы.

— Давай наймём няню, ты поспишь хоть одну ночь, — наступаю на Веронику, а та пятится назад, прижимая к груди орущего малыша.

У Максимки уже всё личико красное. Корчится, голосит. Мучается.

— Ты намекаешь, что я не справляюсь? — надрывно шипит, прижимаясь спиной к стене.

Сердце кровью обливается от одного только взгляда на Веронику. Она хочет быть лучшей, словно курица наседка трясётся над малышом, но так она делает только хуже самой себе. Её нервная система уже превратилась в оголённый искрящийся провод, убивающий всех, кто пытается помочь.

— Ты отлично справляешься! — добродушно улыбаюсь, а ребёнок орёт ещё громче.

— Максим так не думает, — обречённо закрывает глаза, а по щекам льются слёзы. — Я ужасная мать.

— Не говори ерунды, — строго. — Ты просто очень устала. Нужно принимать помощь, милая. Никто не собирается вредить Максимке, все просто хотят помочь.

Тяну руки, чтобы забрать сына, и в этот раз Вероника сдаётся.

Прижимаю к себе ребёнка в смешном слипе с синими мишками.

— Тшшшш, — целую малыша в красный лобик и расплываюсь от восторга.

Максик успокаивается, и я даю ему пустышку. Комната заполняется забавным чмоканьем.

Кто бы мог подумать, что я могу так любить. Что эти отцовские чувства будут настолько сильными и трепетными. Что душа будет трястись от радости и замирать, когда маленькая ладошка так крепко хватает за палец. Почему никто не рассказывал, что дети такие классные? Конечно, я хотел ребёнка. Наследника. Пацана. Чтобы вырастить мужчиной, чтобы всему научить, чтобы воспитать достойно. Мир ему показать. Но я и подумать не мог, что вся вселенная застынет на одном человечке. Ради него и ради его матери — горы сверну. Они — моя семья.

Мои Волковы.

3.

— Вероника-

Максик засыпает на руках у Стёпы, а я всё ещё стою, прижавшись спиной к прохладной стене.

Я плохая мама.

Эта мысль ковыряет моё сознание чайной ложечкой.

Прошла всего неделя после родов, а я уже смертельно устала. Никаких сил не осталось.

И ребёнок чувствует, что я не в адеквате. Я нервничаю, Максим плачет. От его крика у меня мурашки по телу. Я не понимаю что происходит, нервы завязываются в тугие узлы, а малыш заливается ещё сильнее.

Педиатр осматривал нашего кроху и сказал, что всё в полном порядке.

Тогда почему он так орёт?

Максим постоянно капризничает. Спит только на руках. В роддоме до выписки я ещё как-то могла уложить его рядышком с собой, чтобы поспал, а как только приехали домой — всё.

Закончилось спокойствие и тишина.

Ещё пара таких ночей, и я правда не выдержу. Но давать ребёнка чужим людям я не соглашусь. Никогда. Никакой няни в этой доме не будет! Только через мой труп! У Максика есть Я, и только Я смогу о нём позаботиться. Знаю, что мне нужно расслабиться и успокоиться, но даже Стёпе я не доверяю.

Потому что затаила на него вселенскую обиду, которая медленно сжирает меня вместе с потрохами.

Когда нас выписывали из роддома, собрались все! И моя мама с дядей Петей, и Люда с Артуром, и Волков со своим отцом. Мало того, что Стёпа подарил мне огромный букет, который я еле держала в руках, так ещё и щедро отблагодарил персонал роддома, всем сообщив, что здесь родился наследник Волкова! Все смотрели на меня, как на белую ворону. Жена миллионера, которая не сияет красотой после родов, а выглядит просто ужасно. Располневшая, с шальными глазами и красными щеками. Не влезла ни в одно платье! На фото с выписки Стёпа одет с иголки, в модном пальто и дорогих итальянских ботинках, а я стою рядом, как будто бомжиха. Ей богу, даже беззубый дядя Петя выглядит лучше меня! Этот снимок я попросила никому никогда не показывать, но своенравный Волков повесил его в своём кабинете.

Это ещё что!

Ефим Святославович взял внука на руки, недовольно заглянул в лицо новорожденного и громко, с хитрым прищуром сказал:

— Стёп, а ты уверен, что ребёнок от тебя? Что-то не похож совсем.

Меня в тот момент такая злость взяла, что я готова была задушить свёкра собственными руками. Растерзать просто! Ну или как минимум хорошенько вклепать ему пощёчину.

Ничего из этого я не сделала.

Мама за меня заступилась, ибо как же не похож? Нос как у Волковых, губы такие же. И тёмненький, как папа. Но Ефиму Святославовичу этого было недостаточно, и он заказал тест на отцовство! А Стёпа, мой законный муж, поддержал эту идею.

Волков должен был сказать, что ребёнок точно от него, что он мне доверяет!

Я три дня не разговаривала со Стёпой.

А потом пришли результаты, что с вероятностью девяносто девять и девять процентов он является отцом Максимки, и новоиспеченный папаша не приполз извиняться чуть ли не на коленях. Я сказала, что простила.

А саму всё ещё выворачивает наизнанку от этой омерзительной ситуации.

Стёпа правда думал, что я нагуляла малыша на стороне! Ком обиды всё ещё стоит в горле, мешая дышать. Особенно сейчас, когда Волков держит Максимку на руках, смотрит на него влюблённым взглядом и осторожно целует в лобик.

— Вероника, иди спать, — уверенно выговаривает Стёпа, а я невольно морщу нос.

— Не пойду!

— Ты устала. Отдохни.

— Я не устала!

И кого я обманываю? Себя? Я просто мечтаю выспаться! Хотя бы одну ночь в тишине и спокойствии. Да что там ночь, хотя бы пять часов поспать без перерывов, и я буду в норме. Уже похожа на зомби! А это ведь ни готовить, ни убираться мне не нужно. А если бы я жила с мамой, где на мне ещё и домашние дела? Как вообще нас наши родители вырастили!

— Госпожа Волкова, — Стёпа обдаёт меня ледяным взглядом. — Быстро в постель! Сегодня ты отсыпаешься, я на завтра все рабочие встречи отменю, буду с вами весь день.

Вздыхаю, вытираю мокрые щёки и слушаюсь.

Он прав.

Мне нужно поспать.

Едва моя голова успевает коснуться подушки, как я проваливаюсь в сон.

4.

— Степан-

Когда Вероника вошла ко мне в спальню в ту роковую ночь, обнимая заметно округлившийся живот и придерживая стойку капельницы тонкими пальцами, я и подумать не мог, что исход наших отношений будет таким...

... - Стёпа, почему ты не сказал о своих чувствах мне в лицо? Зачем нужны были все эти сложности с письмами?

— Я хотел сказать, но струсил.

— Серьёзно? — фыркнула. — И у тебя не возникла мысль, что я не стану читать?

— Но ты же прочитала...

— Только сегодня! Мы потеряли столько времени...

Помню, как подошёл к ней, измученной и смешной. С этой проклятой капельницей и милым животиком под ночной рубашкой. Заглянул в голубые глаза, полные света и добра, и понял, что уже не смогу без неё.

— Ну и какой будет твой ответ? Выйдешь за меня?

— С удовольствием...

Наша фиктивная помолвка всплыла в прессе. Всё это шоу лопнуло, как мыльный пузырь.

Стоило видеть лица журналистов, когда мы давали новое интервью о том, что теперь мы вместе по-настоящему, без фальши и тупых игр, без договоров. И без сроков.

Я верю, что наша любовь продлится вечность и преодолит любые преграды. Даже выдержит испытание под названием "родительство".

Всё скоро вернётся на круги своя. Максимка подрастёт и возвратит мою нежную и ласковую жену.

А ещё быстрее вернётся настоящая, добрая и любящая Вероника, если я найму няню.

Пока хожу по длинному коридору, держа на руках спящего сына, мечтаю только об этом... О спокойствии.

Время тянется бесконечно. Первый час на руках с ребёнком проходит нормально, на втором часу начинаю зевать, в сон клонит. Возвращаться в комнату к Веронике и попробовать уложить Максимку в кроватку не вариант. Сын закапризничает, и своим плачем призовет тысячу демонов в лице Волковой. Ника взбесится и отчитает меня. Мне ссоры ни к чему.

Поэтому принимаю решение улечься вместе с малышом в своей спальне. На удивление

сын не просыпается. Ложусь рядом, закрываю глаза.

— Стёпа! — ужаснувшийся визг заставляет меня резко подскочить.

Вероника прижимает к себе Максимку, тот моментально начинает плакать.

— Ты чего не спишь? — смотрю в разъярённое лицо жены.

Тяжело дышит, ноздри раздуваются. Свирепый взгляд прекрасных голубых глаз упорно пытается испепелить меня с лица земли.

— А ты почему спишь?! Ещё и Максимку рядом положил! А если бы раздавил его во сне? А если бы он упал с края кровати? Ты совсем не думаешь о безопасности ребёнка!

— Вероника, ничего ведь не случилось, он прекрасно спал рядом со мной.

— А если бы случилось? — с надрывом.

Закрываю глаза и устало сжимаю пальцами переносицу.

— Ничего тебе доверять нельзя! — выдаёт упрекающим тоном.

Вот опять. Истерит мама, малыш чувствует и заводится.

Вероника уходит, забрав плачущего Максимку с собой. Смотрю на часы — пять утра. Принимаю душ, бодрит.

Трогать жену сейчас опасно для жизни. Видимо, она выспалась и готова пережить ещё один день.

Хоть все встречи по работе я отменил, в офис поехать всё же пришлось.

В своём кабинете я быстро разбираюсь с документами, Оксана приносит кофе. Секретарша уже выучила как дважды два, что нужно приносить бодрящие напитки, даже если я не прошу.

Пошла вторая неделя, как Максим дома.

Пью ароматный крепкий кофе, мечтаю побыстрее закончить с делами и вернуться домой. Куплю Веронике огромный букет цветов. Погода прекрасная, повезу свою семью гулять в парк. Осень в этом году просто потрясающая. Листья уже жёлтые, красочные, но всё ещё тепло. Идеально для мирных прогулок с коляской.

Аппарат на столе противно пикает, и слышится тихое: " Господин, к вам пришла Эвелина Орлова. Пустить?"

Закрываю глаза на секунду, тяжело вздыхаю.

Что ей опять нужно?

Мы же всё решили, обсудили, договорились.

С тех пор, как Эльдар Орлов домогался до Вероники, Эвелина сама не своя.

Нажимаю кнопку на переговорнике:

— Пусть заходит!

Дверь распахивается, и бывшая жёнушка wpłyвает в кабинет. Молча смотрит своими выразительными глазами, подбородок дрожит.

— Здравствуй, Эвелина, — начинаю первым, продолжая изучать девушку.

— Привет, — тихо, еле шевелит бледными губами.

Прикид у неё сегодня "классный". Никогда не видел эту рыжеволосую бестию в потёртых джинсах и дешёвом драповом пальто.

— Присаживайся, — указываю рукой на стул для посетителей.

— Стёп, — опускает взгляд, скрещивает пальцы на руках и смотрит на них внимательно, выдерживая паузу.

Странная она сегодня.

Жизнь хорошо её помотала.

Орлов оказался подонком и изменщиком. Так ещё и воришкой. Я всё понять не мог, откуда такой помпезный дом, тридцать три дорогие машины, квартиры за границей, но всё стало ясно, как только он попался на махинациях.

А дальше орест.

Орлова теперь ждут восемь лет в исправительной колонии, а Эвелину жизнь, которой она всегда боялась.

— Что ты хочешь, Эвелина? — пауза явно затянулась, а мне нужно быстрее вернуться к своей семье.

— Мне нужна помощь, Стёп, — из глаз Орловой прыскают слёзы, и она закрывает лицо руками, утопая в собственном горе.

Жалкое зрелище. Слёзы бывшей жены выводят меня из состояния равновесия, начиная изрядно злить.

— Ты сама оказалась в этой заднице, Эвелина, — смотрю ей в глаза.

Орлова вытирает мокрое лицо, аккуратно, по аристократически.

— Мне нужны деньги, Стёп, — в голосе её тут же проскакивают холодные нотки.

— Деньги? — усмехаюсь.

В этом вся её суть. Сначала Эвелина сделает очень много плохого и отвратительного, потом как ни в чём не бывало придёт просить финансовой помощи. И ведь не стыдно ей! После всего!

— Стёп, мне больше не к кому обратиться, — подходит ближе, наконец-то садится напротив меня.

Холодной ладонью осторожно накрывает мою руку и выдаёт скорбящую улыбку.

— Стёп, мы же не чужие люди. Помоги мне, пожалуйста!

— Не чужие? — одёргиваю кисть. — Это после чего мы с тобой стали не чужими? Может, после того, как ты секретную информацию моей корпорации сливала своему Орлову? Или после того, как аборт сделала? М? А может, после нашего скандального развода?

— Стёп, — виновато качает головой. — Прости меня.

В кабинете повисает тишина.

Замученная Орлова снова заливается слезами, а я отвожу взгляд к окну. Раньше я ненавидел бывшую жену. Безумно хотел отомстить, растоптать, уничтожить. Стремился сделать побольше, вывести на ревность, чтоб её накрыло. А судьба вон как всё по полочкам разложила. Теперь я счастливый семьянин и отец замечательного мальчишки, а она... с вершины жизни, с золотых гор и неба в алмазах падает на самое дно. А мне настолько безразлично, что даже посочувствовать этой стерве я не могу.

— Стёпочка, — голос вот вот сорвётся. — Ты же знаешь, что у меня никого нет, что мне никто не поможет. Ты единственный мой близкий человек.

— Ошибаешься! — получается яростнее, чем я хотел.

— Стёп...

— Эвелина, этот разговор окончен. Я тебе не помогу.

— Стёпа... — шепчет одними губами.

— Уходи, иначе я вызову охрану.

Орлова всхлипывает. Смотрит на меня исподлобья. Ненавидит.

— Я так и знала, что ты мудака. Думаешь, Вероника с тобой по любви? — усмехается. — Ей тоже только деньги твои нужны. У тебя невыносимый характер, ты злой и циничный, и

как только Вероника это поймёт, то бросит тебя!

Закончив пламенную речь, Эвелина вскакивает с места и стрелой пронесится к выходу. Хлопает дверью так, что окна дрожат.

Шумно выдыхаю и возвращаюсь к документам. Голова и так не варит после бессонной ночи, так ещё и бывшая кукушку выдолбила. Мне бы поспать хотя бы полчаса.

Открываю шкаф и вхожу в просторную спальню. Скинув обувь, падаю на кровать. Вырубает мгновенно.

— Ты что, спишь? — голос звучит отдалённо, как будто под водой.

Морщусь и отмахиваюсь.

— Стёпа, просыпайся! — знакомый голос... как у Вероники.

Замечательно! Нигде нет покоя.

Дома она тиранит всех, кто попадает на глаза, а меня в первую очередь. От наших глупых перепалок и её постоянных упрёков уже глаз дёргается, честное слово! Так теперь и во снах меня достать решила.

— Волков! Ты совсем обнаглел? — вскрикивает Ника и стучит мне подушкой по голове.

Моментаально поднимаюсь на ноги. Жена стоит рядом со мной, прижимая к себе малыша.

— Ты? Ника, ты что тут делаешь? — сонно моргаю, стараясь понять кто я, где я, и как жена сюда попала.

— Пока я одна с Максимкой сижу, ты тут отсыпаешься? — обиженно надувает губы.

— Прости, — виновато улыбаюсь, смотря на сонного сына на её руках. — Я задремал всего на полчаса.

— На полчаса? — ошарашенно распахивает глаза. — Время семь часов вечера!

Чёрт!

— Я не знаю, как это произошло. Просто...

— Просто тебе плевать на нас! — шипит.

— Вероника, следи за языком, — холодно выцеживаю сквозь зубы.

Это уже слишком. Мои нервы, к великому сожалению, не из стали. Физически ощущаю, как рвутся нити спокойствия. Знаю, что послеродовой период для женщин сложный. Стараюсь принять и понять каждый её загон. Но ко мне можно тоже хоть каплю сочувствия проявить? Я же не бросаю Нику по ночам одну сидеть с Максом, я же вместе с ней, помочь стараюсь, поддержать.

— Знаешь, если ты так устал от Максика, то я с удовольствием перееду вместе с ним жить к моей маме!

— Нет уж, — качаю головой. — Завтра мы начнём искать няню.

5.

— Вероника-

— Я уже говорила, что никаких нянь к Максимке не подпущу! — скалю зубки.

И как только Стёпа не понимает, что я не могу доверить чужому человеку своего ребёнка ни на минуту. А вдруг няня не поменяет вовремя памперс и малыш будет в мокром? Или забудет покормить? Или уснёт и оставит без присмотра?

— Вероника, нам нужна няня. Обязательно. Я хочу провести с тобой время, понимаешь? В ресторан сходить, например. Погулять где-нибудь. Помнишь, как мы оленей ездили кормить?

Я демонстративно закатываю глаза.

— Не упрямясь. Мы найдём хорошую няню. С медицинским образованием.

— Максим ещё слишком маленький!

— Это больше не обсуждается. Няня у моего сына будет. Это для твоей же пользы.

Я могу много чего ещё наговорить в защиту своего материнства. Но сдерживаюсь.

И к концу ноября муж всё таки уговаривает меня окончательно. Сынок уже подросток, два месяца прошли, как в тумане. За это время я, кажется, спала всего две ночи. Сдала позиции не только в этом. Мы теперь на искусственном вскармливании. Педиатр сказал, что моего молока не хватает. Сначала я переживала и расстраивалась, а потом поняла, что так на самом деле легче и спокойнее. И кормить сыночка теперь могу не только я, но и Стёпа. Пока заботливый папа занимается с Максиком, я могу, о боги, спокойно полежать в ванной!

— Завтра начнём проводить собеседования с кандидатками на роль няни, — Стёпа сидит рядом со мной, пока я с закрытыми глазами наслаждаюсь горячей водой и душистой пеной.

Пахнет персиками.

— Хорошо. Только выбирать будем очень ответственно. У Максика всё должно быть самое лучшее.

Кажется, я помешана на этом. Мне хочется, чтобы у моего сына было всё то, чего самой не хватало в детстве.

— Думаю, что няня будет жить с персоналом на первом этаже.

— Зачем? — вливаюсь строгим взглядом в лицо Стёпы.

— Чтобы ты могла наконец-то заняться своим творчеством. Ты столько песен написала за время беременности. Нужно съездить на студию...

— Я буду с Максиком. Запись песен подождёт.

— Ника, тебе не кажется, что ты перегибаешь?

— Нет! — фыркаю и снова закрываю глаза.

Горячая ванна очень хорошо помогает снять напряжение в мышцах. От того, что я постоянно ношу сыночка на руках, плечи очень устают и ноют. Как будто у меня иголки под кожей. Максик не маленький родился — четыре килограмма и триста грамм. И за первые два месяца жизни набрал уже полтора! Весь в папу. Будет таким же высоким и сильным.

— Вероника, — Волков отпускает руку в пенную воду и скользит пальцами по моей ноге. — Тебе не кажется, что пора уже порадовать мужа чем-нибудь таким...

Я вздрагиваю.

— Рано ещё, — отстраняю ногу от его ласк.

— А мне кажется...

— Стёп, тебе кажется! — пресекаю новую попытку коснуться моей кожи.

— Эх! — наигранно вздыхает.

Секс после родов — то, чего я боюсь, как огня. А что если у меня теперь там... Даже думать об этом страшно. Я ещё и форум почитала, как это у людей происходит. Лучше бы я вообще не знала о существовании интернета и жила, как в каменном веке! Некоторые женщины говорят, что это больнее, чем первый раз.

Я хочу своего мужа. Очень.

Но я боюсь, что разочарую его.

С утра пораньше Волков готовит свой кабинет к собеседованиям с потенциальными нянями. Сто раз успеваю попросить его убрать фото с выписки, где я выгляжу, мягко говоря, как кобыла в седле. Но муж лишь улыбается и кивает, снова и снова игнорируя мою просьбу.

В итоге я психую и снимаю фотографию сама.

— Госпожа, там уже девушки пришли. Мы их пока в столовой разместили, угощать только их нечем, Константин же в отпуске, — Виктор сутулится и забавно поджимает губы.

— Они на собеседование пришли, а не в ресторан, — развожу руками. — Много там девушек?

— Около сорока!

Подумать только, сорок претенденток!

И нам предстоит посмотреть на каждую из них. Вечер будет слишком тяжёлый.

Я устало вздыхаю.

— Вероника, давайте я пока посижу с Максимом Степановичем, — предлагает Лиза с осторожностью.

— Если сынок закапризничает, то сразу зови меня! — впервые отдаю домоправительнице ребёнка.

Трепетная улыбка на лице женщины загорается мгновенно. Она ласково прижимает к себе малыша.

— Вот какой богатырь подрастает! Наш любимый Максим Степанович! — Лиза шепчет с любовью и теплом.

Может, всё и правда не так страшно, и никто не причинит сыну вред? Я зря себя накручиваю?

— Начнём, — Стёпа обнимает меня за талию, приглашая войти в его кабинет.

Первая претендентка на вакансию няни входит примерно через две минуты. Точнее, сначала заходят силиконовые огромные губы, затем нарощенные пушистые ресницы, потом только она.

— Добрый день, — писклявым голосом здоровается, смотря Волкову прямо в глаза.

Отмечаю длинные ногти с маникюром, мини юбку и глубокое декольте.

— Анна Геннадьевна, — Степан читает резюме, а после без зазрения совести скользит взглядом по её фигуре. — Добрый день!

Я громко кашляю, привлекая внимание мужа, мол милый, я вообще то тут.

— Вы свободны, Анна Геннадьевна! — выдаю жёстко и безапелляционно.

— Но... — заикается девушка.

— Без но. Вы нам не подходите! — перебиваю, опалив ледяным взглядом.

— Ну и чем она тебе не понравилась? — спрашивает муж, стоит только девушке покинуть кабинет, и тут же начинает перечислять её многочисленные достоинства. — В резюме написано, что у неё педагогическое образование, есть опыт работы с маленькими детьми, она даже была нянечкой в детском саду.

— И не смотря на это, она пришла на собеседование с длинными ногтями и в короткой юбке. Хочешь, чтобы эта россомаха сына тебе поцарапала, а как постарше станет, ещё и соблазнила?

— Хм... — задумчиво трёт подборок, а после резюме отправляется в мусорное ведро. — Ты права, она нам не подходит.

Следующая претендентка заплывает в кабинет, словно дирижабль. Грузная, на вид ей около пятидесяти лет.

— Вы нам не подходите. Извините, — не даю ей даже рта раскрыть.

— Подожди, я ещё не изучил резюме, — тормозит меня Стёпа, но я лишь цокаю языком.

— До свидания! — грубо прощаюсь с женщиной, и она молча уходит.

— Что не так? У неё не было ни короткой юбки, ни ногтей! — шикает Стёпа.

— Ты серьёзно? — недоумевающе смотрю в его глаза. — Она уже в возрасте, и очень полная! Когда Максик начнёт бегать, она не сможет его догнать!

— Зато она по образованию акушер-гинеколог.

— Думаешь, Максимке нужен гинеколог?

Волков вздыхает:

— Тебе не угодишь.

6.

— Степан-

Вероника сегодня рвёт и мечет, отсеивая претендентов на вакантную должность одну за другой.

Длинные ногти — до свидания.

Нет образования — до свидания.

Возраст за пятьдесят — прощайте.

Сначала пытался заступиться за потенциальных нянь. Потом понял, что это бесполезно. Ника непреклонна. Её строгий взгляд полон льда и цинизма. Кажется, эта особенность передалась ей вместе с фамилией. Как только Канарейкина стала Волковой, её характер переменялся. Более жёсткая, менее наивная. За год она повзрослела, и из хрупкой девчушки, которая тряслась передо мной лишь от одного взгляда, превратилась в стальную женщину, готовую дать отпор любому, кто осмелится как-то задеть или обидеть.

— Осталось ещё пять, — со вздохом перекладываю в руках распечатанные резюме.

— Уверена, что среди них не будет достойных. Мы уже посмотрели на тридцать две девушки, — устало. — Пойду проверю как там Максик, а потом мы продолжим.

Вероника покидает кабинет, и время, кажется, останавливается.

Я встаю с кресла, прохожу от стола к полке с книгами, внимательно окидываю взглядом свою коллекцию. Это фиаско. Веронике не угодишь.

— Здравствуйте, можно? — хрупкая шатенка стучится в дверь и заглядывает с опаской.

— Проходите, садитесь, — отзываюсь чуть слышно.

Девушка просачивается в кабинет, словно лёгкий ветерок. Симпатичная. Стройная. Отмечаю сдержанную одежду на ней и отсутствие длинных ногтей.

— Как вас зовут? — перестаю рассматривать претендентку и возвращаюсь к полке с книгами.

— Олеся, — она, кажется, скромно улыбается. — Мне двадцать девять лет, за плечами медицинский институт по направлению педиатрия, а ещё я проходила многочисленные курсы и стажировки по перинатальной медицине. И я работала медсестрой в родильном доме.

Вновь перевожу взгляд на Олеся, и она смущается. Поджимает розовые губки и опускает взгляд.

— Богатый опыт, — констатирую факт. — Вы молодая, почему хотите работать у нас? Вы читали условия?

— Да. Я знаю, что жить придётся в вашем доме. Я готова на это.

— Почему? — вскидываю бровь.

— Так сложились обстоятельства.

В её глазах скользит смятение и грусть.

— Вы принесли документы, подтверждающие ваше образование?

— Да, — спешно зарывается в сумке. — Вот диплом об образовании, вот сертификаты о прохождении курсов, а здесь отзыв со стажировки в Германии.

— В Германии?

Удивлён, честно.

— Там живёт и работает моя сестра. Она помогла мне попасть в ту больницу.

— А в России у вас есть родственники? — изучаю её диплом.

Красный. Четвёрок почти нет! И отзыв со стажировки идеальный. Видно, что Олеся хороший специалист.

Тогда почему она метит быть няней, а не построить карьеру врача?

Перинатальная медицина сейчас востребована, и Олеся легко бы могла найти себе хорошо оплачиваемую работу в любом частном детском центре.

— В России у меня... — осекается, прикусывает губу и тревожно качает головой.

— Олеся, успокойтесь. Если вы не хотите говорить, я не настаиваю.

— Простите, — растерянно. — Всё в порядке, — выдыхает, и, собравшись, продолжает говорить. — В России у меня бывший муж. Мы развелись совсем недавно, для меня это очень болезненно.

— В моём доме работают люди с тяжёлыми судьбами. Мой персонал стал одной большой семьёй. Думаю, вы вольётесь в коллектив.

— Вы меня берёте? — с надеждой и радостью смотрит мне в глаза.

— На испытательный срок.

Дверь распахивается, и в кабинет врывается Вероника. Она одаривает Олесю холодным взглядом, от которого даже у меня мурашки по коже.

— Здравствуйте, госпожа! Меня зовут Олеся, я буду работать у вас няней! — шатенка встаёт и с волнением моргает, смотря на мою жену.

Вероника загадочно улыбается и ведёт бровью.

— Ты что, уже сделал выбор? — перекидывает убийственный взгляд на меня.

— Да. Олеся отличный специалист.

— Специалист в чём? — складывает руки под грудь в защитном жесте.

— Вероника, ты ревнуешь? — усмехаюсь.

— Я? Ревную? — фыркает. — Я не способна на это чувство, Стёпа.

Пока жёнушка скалит зубки, Олеся застенчиво слушает нас. Надо бы отпустить её, чтобы готовилась к переезду, вещи собирала. Чувствую, что Вероника сегодня будет вымещать на мне злость за то, что принял важное решение без неё.

— Олеся, сколько вам лет?

— Вероника, я всё уже решил, обсудим все детали вечером, — торможу допрос с пристрастием. — А вы, Олеся, можете ехать домой и собираться. Завтра начнётся ваш испытательный срок.

Ника закатывает глаза и демонстративно цокает языком. А новоиспечённая няня разрывается от благодарностей.

— Почему ты выбрал сам, без меня? — свирепый голос звучит за моей спиной, как только Олеся уходит.

— Вероник, она соответствует всем требованиям, которые мы выдвигаем.

— И какие же у тебя требования? Симпатичная мордашка и подтянутое тело?

— Ты точно не ревнуешь? — оборачиваюсь и улыбаюсь, глядя на разъярённую Волкову.

— Ответь! — гневно сужает глаза.

— Ты — единственная женщина, которой я отдал своё сердце, — делаю шаг, сокращая расстояние между нами, осторожно глажу по её щеке тыльной стороной ладони, наклоняюсь к губам, чтобы вдохнуть опьяняющий запах кожи. — Я так по тебе соскучился. По твоей ласке, любви. Помнишь, во время беременности ты постоянно меня хотела.

— Это были гормоны! — отстраняется.

— Ника, врач уже разрешил...

— Я лучше знаю, когда будет можно! — рычит и выбегает из кабинета, громко захлопнув дверь.

Оставляет меня наедине с каменным стояком.

7.

— Вероника-

Олеся приезжает к назначенному времени, и пока Виктор показывает ей дом, я укладываю Максимку спать.

Засыпает почти сразу. Сажусь возле его кроватки, и сердце заходится от нежности. Такой маленький, хрупкий, родной мой комочек. С непередаваемым запахом молока вперемешку с счастьем. Осторожно укрываю розовые пяточки тоненьким одеялом, невольно ловлю себя на мысли, что мой сын — самый лучший ребёнок на земле.

И как я буду делить его с какой-то няней? Конечно, Стёпа прав, иногда мне нужен отдых. Но ведь чужая женщина будет жить с нами постоянно, видеть моего сына каждый день! Я не хочу делиться с ней радостными моментами. И ещё, боюсь пропустить какое-нибудь важное событие. Сынок так быстро развивается! Уже уверенно держит голову и говорит громкое смешное "агу", фокусирует взгляд на моём лице, когда кормлю его из бутылочки. Неужели я смогу позволить няне кормить его? Менять памперсы? Держать на руках и прижимать к сердцу?

Нет!

А вдруг меня не будет рядом, когда Максик начнёт переворачиваться с животика на спинку и наоборот? Или я пропущу момент, когда он начнёт ходить?

Я не готова делиться этим счастьем от новых умелок!

Но назад пути нет.

Волков всё решил за двоих, даже со мной не посоветовавшись.

Выбор няни — слишком важное решение, а он вот так вот просто, по щелчку пальцев, впускает в нашу жизнь кого-то лишнего.

Спускаюсь на первый этаж, держа в руках телефон с настроенной видеоняней. Максик мирно спит. Ближайшие полтора часа должны быть свободными, так что у меня есть время, чтобы побеседовать с этой Олесей.

Лиза и новая няня сидят за столом. Домоправительница рассказывает о расписании для персонала, о развлечениях, которые есть в доме.

— Доброе утро, Вероника Алексеевна, — Олеся приветливо улыбается и встаёт.

— Здравствуйте, — смотреть даже на неё не хочу. — Вам уже показали комнату, где вы будете жить?

— Да! Мне не терпится познакомиться с Максимом Степановичем! — сияет улыбкой.

— Познакомитесь. Максик сейчас спит, — кладу телефон на стол и присаживаюсь.

— Вероника, ты, наверно, голодная. Сегодня готовил Виктор, яичница слегка подгорела, но всё равно вкусная! Принести? — Лиза суетливо бормочет на ходу и направляется в сторону кухни.

С тех пор, как Константин ушёл в отпуск, из которого решил не возвращаться, готовка легла на плечи всего персонала.

— Олеся, вы голодны? — встречаюсь взглядом с няней.

— Да, я бы с удовольствием позавтракала.

— Я принесу две порции! — домоправительница разводит руками.

Через пять минут мы приступаем к трапезе. Не отрываясь смотрю на экран телефона, переживаю, что сынок проснётся.

— Степан Ефимович сказал, что я буду нужна только... — начинает девушка, и я перевожу на неё холодный взгляд.

— Только когда мне необходимо отойти по важным делам. Я сама забочусь о своём ребёнке и помощь мне не нужна! — перебиваю.

— Да, я понимаю. Сегодня я вам понадобится?

Закрываю глаза и мучительно вздыхаю.

Ты совсем мне не понадобишься! Я прекрасно справляюсь и без тебя.

— Сегодня отдыхайте и осваивайтесь, завтра познакомитесь с ребёнком, — стараюсь говорить мягче.

— Я поняла, — кивает. — Вероника Алексеевна, мне кажется вы не очень довольны, что ваш муж решил нанять кого-то для ухода за ребёнком.

— Правильно, я недовольна. Потому что всё могу сама.

— Степан Ефимович так не считает, — по её лицу скользит едва заметная ухмылка.

— Послушайте, Олеся, — кручу в пальцах вилку, натягивая улыбку, похожую на оскал. — Вы мне не нравитесь. И вам придётся очень постараться, чтобы завоевать моё доверие!

— Я это уже поняла. У меня испытательный срок, и я настроена решительно.

Втыкаю вилку в яичницу, и желток растекается по тарелке. Олеся, проследив за моим недружелюбным жестом, медленно моргает.

— Вероника Алексеевна, я хочу стать вашим другом. Я пришла с добрыми намерениями.

— Посмотрим, — вздыхаю, закидываю в рот еду. — Знаете, что мне непонятно? Почему такая молодая и красивая девушка с высшим образованием отказалась от свободной жизни и захотела жить у нас, в золотой клетке?

— Это сложная и долгая история, — опускает взгляд в свою тарелку.

— Я никуда не тороплюсь! — развожу руками, бросив взгляд на телефон.

Максимка спит сладко, зажав кончик одеялка в ладошке.

— Восемь лет назад я вышла замуж за потрясающего мужчину. Подружки мне завидовали, сестра мечтательно вздыхала в надежде, что когда-то и она встретит принца. Я сама поверить не могла, что это не сон, а моя реальность! Мой муж — прекрасный человек, добрый, понимающий, великодушный. Но он другой национальности.

— И кто же он?

— Сириец. И ему было важно, чтобы я родила для него сына, — Олеся грустно улыбается, выдерживая паузу.

Она будто воспоминаниям предаётся, а в глазах загорается грусть. Даже слёзы блестят на ресницах.

— Что с ним случилось? — не выдерживаю затянувшегося молчания.

— С ним всё хорошо, — качает головой и смахивает влагу с щеки. — Он живёт в

Москве, у него новая жена, которая вот вот родит ему долгожданного мальчика.

— Логично, раз вы согласились жить в нашем доме на постоянной основе, значит у вас не получилось подарить мужу ребёнка, — проникаюсь сочувствием.

— Я была беременна три раза, — Олеся зажмуривается.

Я смотрю на неё молча. Не хочу нарушать тишину. Это её личное, сокровенное. То, что она мало кому рассказывает. Даже сейчас вытягивает слова из глубины души с болью и отчаянием.

— Первый мой мальчик прожил всего двадцать семь часов, — няня закрывает лицо руками, утопая в слезах.

А по моей коже пробегает табун болезненных мурашек.

— Я вам сочувствую, Олеся, — с горечью.

Я была настроена к этой девушке слишком предвзято.

— Второго малыша я не доносила, на шестом месяце беременность замерла, — продолжает в пустоту, стеклянными глазами уставившись на стену.

— Ужасно, — шепчу я, и даже стыдно становится за своё поведение.

Я сделала вывод о человеке, даже не узнав его поближе. А стоило бы. Конечно, у Волкова весь персонал с тяжёлыми судьбами. Муж будто чувствует, кого принимает на работу. Вот и в этот раз исключения не произошло.

— А третья, моя доченька, задохнулась во время родов. Асфиксия. Её не откачали. После этого муж принял решение взять вторую жену своей национальности, которая точно смогла бы родить ему. У них разрешено многожёнство, но я... Я не смогла принять такой исход. Не смогла бы его с кем-то делить. И я приняла очень сложное решение.

— Вы ушли от него, — догадываюсь я.

— Мне пришлось.

Я прикусываю губу и с сочувствием смотрю на милостивую девушку. Тяжёлая судьба у неё.

— Знаете, Олеся, пожалуй сегодня вечером я познакомлю вас с Максиком, — слабо улыбаюсь.

В глазах Олеси загорается едва уловимый блеск.

Вечером, как я и пообещала нашей няне, проходит её знакомство с моим малышом.

Я прониклась историей Олеси, будто на себе почувствовала её боль. Вероятно, случись такое со мной, я бы не смогла это пережить.

Да, я тоже настрадалась в начале отношений с Волковым, который играл со мной в горячо — холодно, то давая надежду, то отправляя на дно собственных иллюзий.

Но мои страдания ничто в сравнение с тем, что пришлось пережить нашей няне.

— Проходите, — выдаю сразу, как только слышу стук в дверь.

Олеся проплывает в комнату с улыбкой и сразу же приближается к Максимке.

— Вот ты какой, Максим Степанович! Богатырь! — восхищённым взглядом окидывает малыша.

Максимка лежит на развивающем коврикe в центре комнаты и зачарованно рассматривает чёрно-белую развивающую картинку.

— Да, Максик правда получился крупный! — моя полуулыбка предаёт Олесе уверенности, и она, осмелев, осторожно тянется к ребёнку.

Поднимает его и прижимает к сердцу, а тот цепко ухватывает ручкой прядь её волос и издаёт что-то похожее на "агу".

— Какой же сладкий! Ты такой красавец, Максим Степанович! — няня внимательно осматривает его личико. — На папу похож!

— Добрый вечер! — в комнату входит Волков, и я загораюсь радостью.

Вспомнишь солнце, вот и лучик!

Видеть мужа всегда приятно. Встаю на носочки, чтобы поцеловать его идеально выбритую щеку, а он обнимает меня за талию и притягивает к себе.

— Здравствуйте, Степан Ефимович! — Олеся светится от счастья, качая мальчишку.

— Я вижу, Вероника всё таки разрешила вам познакомиться с моим сыном. Я рад.

— Да, мы, вроде, поладили, — няня смотрит на меня.

— Поладили, — подтверждаю её слова кивком головы.

— Вот и славно! Теперь ты сможешь поехать на студию и записать свои песни, милая, — муж гладит меня по волосам, ласково и трепетно.

— Ну уж нет! Пока Максимке не исполнится два года, я буду сидеть с ним и никуда не отойду.

— Какая упрямая! — заигрывающе присвистывает, целует в макушку.

— Ну ладно, на сегодня достаточно! Дальше мы сами, — забираю у няни младенца.

Олеся и Стёпа выходят из комнаты, и я остаюсь с малышом.

Всё таки мне тяжело доверить своего крошку кому-то. Сердце предательски сжимается, будто предчувствует какой-то подвох.

Да и Олеся молодая. Красивая. Сложно не ревновать, хоть я и доверяю мужу.

Но у нас очень давно не было секса, и я боюсь, что он может запросто клюнуть на горячую нянечку.

8.

— Вероника-

День холодный, но очень солнечный. Стёпа вновь уехал на работу, а я собираю Максика на прогулку. Сегодня в планах посетить магазины, нужно прикупить одежды и для меня, и для сыночка.

Олеся ждёт нас на первом этаже.

Охрана помогает загрузить коляску в багажник и пристегнуть автолюльку.

И уже через двадцать минут мы вместе гуляем по центру города.

— Солнечно то как! — Олеся улыбается, толкая перед собой коляску, а я иду рядом, смотря на спящее личико Максика, завёрнутое в две шапки и капюшон.

— Как думаешь, Максимке не холодно?

— Ну что вы! Конечно не холодно! Он как капуста завёрнут!

Проходим к торговому центру, и я ловлю на себе сосредоточенный взгляд мужчины. Недовольно хмурюсь, когда почти проходим мимо. Так и хочется громко спросить чего это он так на меня уставился?

— Вероника! — восклицает с радостным восторгом.

Я оборачиваюсь и застываю в улыбке.

— Константин! — не верю своим глазам.

— Очень рад встрече! — наш бывший повар окидывает взглядом Олеся.

Няня поджимает губы и крепко держит коляску, осматривается по сторонам, будто охрану ищет взглядом. Нервничает.

— Это наша няня — Олеся! Олеся, а это Константин, он раньше работал поваром в нашем доме! — говорю в попыхах.

Я действительно рада его видеть.

Константин изменился. Наверно, я слишком привыкла видеть его в фартуке и поварском колпаке, поэтому сразу не узнала в обычной тёмной шапке и спортивной куртке.

— Растёт богатырь? — мужчина осторожно подходит ближе и заглядывает в коляску.

— Уже два месяца! Не верится, что время так быстро прошло! — я развожу руками.

— На господина Волкова похож, — заключает Константин, осмотрев спящего младенца. — Так давно не виделись, Ника. Как твои дела? Как Степан Ефимович?

— Да в целом всё не плохо, — пожимаю плечами.

В целом, действительно, неплохо.

Но если разобрать по полочкам, то какие-то аспекты нашей жизни вывернулись наизнанку. И я никак не могу заставить себя вернуть всё на свои места.

Я перестала быть ласковой и трепетной, какой была в беременность. Мне стыдно, что я так и не пересилила свой страх первого секса после родов. Стёпа уже весь на нервах от отсутствия интимной близости!

— А у тебя как дела? — натягиваю улыбку, задвинув нахлынувшие переживания подальше.

— Многое изменилось, — Константин устало качает головой. — Ты не торопишься? Может, зайдём в кафе, выпьем по чашке кофе? Расскажешь, как дела у домочадцев!

Перевожу взгляд на встревоженную няню.

— Олесь, погуляй с Максимкой по площади, пока я в кафе. Только если что-то произойдёт, сразу свяжись со мной! Ладно?

— Хорошо, Вероника Алексеевна! — отзывается няня.

Она, наверно, рада, что я уже на второй день решила доверить ей малыша в моё отсутствие. Самой страшно до чёртиков, но отгоняю назойливые мысли. Что может случиться? Олеся просто погуляет с коляской, Максик спит крепко. К тому же рядом охрана, которую Волков усилил после рождения сына втрое!

В кафе вкусно пахнет кофе и сладостями. Осматриваю витрину с вкусняшками, а у самой слюнки текут.

— Я так скучаю по кексам, которые ты пёк во время моей беременности, — выдаю на автомате, посмотрев на повара.

Константин радушно улыбается:

— Знаешь, я могу прийти в выходной к вам в гости. Научу тебя печь такие кексы!

— Я не мастер кулинарии. Вот Людка с удовольствием бы поучилась, а я...

— Как дела у Люды? Она всё ещё встречается с Медведевым? — Константин вопросительно поднимает бровь.

— У Люды и Артура скоро свадьба! Любовь, в которую никто не верит, на самом деле искренняя и светлая.

— Да, гадостей про их роман много пишут.

— Это точно!

В памяти всплывают обрывки из жёлтой прессы, которые я мельком читала. Людку там как только не обзывали! И колдунья, и эскортница, и дешёвка в дорогой обёртке. Без зазрения совести наглые журналисты придумывали омерзительные истории про Людкины измены своему богатому жениху. Сколько слёз моя несчастная подружка пролила, пока её сердце окрепло и перестало всё так близко воспринимать!

Моя наивная сказочница резко повзрослела в этих отношениях.

Покупаю себе корзиночку с малиной и кофе с корицей, Константин берёт американо и муравейник. Садимся у окна, и я засматриваюсь на Олесю. Няня катает Максимку недалеко от входа, мне хорошо её видно. Облегчённо выдыхаю, но на всякий случай кладу телефон себе под нос, предварительно проверив отключила ли я беззвучный режим.

— Расскажи, как у тебя то дела? Почему ты не вернулся? — наконец решаюсь узнать мучающие меня подробности из жизни Константина.

— Я ушёл не просто так, — начинает он, улыбается, достаёт бумажник и, раскрыв его, показывает мне вложенную фотографию милостивой девушки с ребёнком на руках.

Я удивлённо моргаю, рассматривая фото.

— Когда ты успел заделать ребёнка, если не покидал наш дом?

— Это её малышка. Алечка. Такая кнопка! А я теперь отчим, — повар гордо поднимает голову. — Ну пока что только на словах. Мы с Женей готовимся к свадьбе.

— Я так за тебя рада! — одобрительно улыбаюсь. — Теперь мне всё понятно. Жене и Алечке очень повезло с тобой.

— Да, — утвердительно кивает головой.

— А мы так и не нашли повара, — вздыхаю.

— И кто теперь готовит?

— Все понемногу. Лучше всех получается у Насти, а разочарованием стал Виктор!

— Настёну я кое чему успел научить!

— Её фирменные пирожки с мясом — объедение! Почти такие же вкусные, какими были твои!

— Я иногда скучаю по этой размеренной жизни, — признаётся Константин, грустно улыбнувшись.

— Знаешь, я думаю, что ты можешь как-нибудь заскочить к нам. Проведёшь кулинарный мастер-класс, пообщаешься с друзьями! — я на секунду задумываюсь, взвешивая свои дальнейшие слова. — Лиза, кажется, была в тебя влюблена. Она очень скучает.

— У нас с Лизой не сложилось, — отрезает уверенно, отпивает свой напиток.

Я кладу ладони на горячую чашку с кофе и мельком бросаю взгляд в окно. Олеся с Максимкой обходят большой фонтан на площади.

— Я надеюсь, ты счастлива с Волковым? — неожиданный вопрос застаёт меня врасплох.

Я невольно хмурюсь, а после закрываю глаза и делаю глоток горячего кофе, чтобы выиграть время перед ответом.

— Относительно.

— Это как?

— У нас есть некоторые проблемы после рождения Максимки. Но я уверена, что скоро всё наладится.

— Да, после родов обычно всем тяжело. Ребёнок — настоящее испытание для любви. Много пар распадаются именно в этот период. У моей невесты так и вышло.

— Где вы познакомились?

— В интернете. Сайт знакомств, — Константин весело подмигивает.

— Ха! Очень романтично! — начинаю ковырять ложкой свою малиновую корзинку.

Песочное тесто тает во рту, а свежие ягоды оставляют приятное кислотоватое послевкусие.

— Ты где-то работаешь? — кидаю новый вопрос.

— Устроился начальником охраны к Репину.

— Не знаю такого, — пожимаю плечами. — Тоже миллионер?

— Угу, и тоже нефтяник.

— Удивительно! Из повара в начальника охраны!

— Ты многое не знаешь о моей жизни до появления в доме Волкова, — голос звучит так сурово, что я ёжусь в кресле.

— Думаю, мне и не нужно об этом знать.

— Правильно думаешь.

— Ладно, я побегу к Максимке! Рада была встрече! — достаю из сумочки кошелёк, чтобы рассчитаться за кофе и сладости, но Константин тормозит меня жестом.

— Госпожа Волкова, как можно! Я же мужчина, я заплачу!

— Хорошо-хорошо! — смеюсь. — Костя, мы будем ждать тебя в гости!

— Я обязательно приду!

— 9.

— Степан-

Сосредоточенно залипаю в экран ноута и не могу никак сообразить, что случилось с графиком прибыли и инвестициями. Шкала поползла вниз, причём стремительно! Словно змеи, две линии, синяя и жёлтая, за три последних месяца съехали на сорок процентов.

— Оксана! — забываю нажать кнопку на переговорнике и кричу.

— Да, господин! — секретарша, к счастью, слышит меня и тут же просовывает свой нос в раскрывшийся дверной проём.

— Куда смотрят наши аналитики? — гневно сужаю глаза.

Оксана теряет, мнётся у двери.

— Почему мне не прислали отчёт, что наши продажи резко сократились?

— Как же не прислали! Присылали! Я лично вам приносила распечатанные документы с графиками и прогнозами, — секретарша хлопает нарощенными густыми ресницами.

— И куда они делись, позволь узнать?

— Господин, вы последнее время очень рассеянны! — сердито бурчит, стремительно проходит вглубь кабинета и, встав на носочки в своих чудных балетках, снимает с верхней полки синюю папку.

— Я уже смотрел её, там нет ни графиков, ни прогнозов!

— Как это нет!? — Оксана злится, кладёт папку мне под нос и раскрывает нужную страницу. — А это что?

Смотрю на график с полосками, ползущими вниз.

И аналитический прогноз продаж, который не сулит нам ничего хорошего. Если ничего не предпринять, то наше положение за два месяца ухудшится ещё на двадцать процентов, а это в сумме уже больше половины! Как я мог просмотреть такую важную деталь?

— Почему это происходит? — смотрю на секретаршу, наверно, слишком пронзительно.

— Не знаю, — пожимает плечами и отстраняется от меня, даже шаг в сторону делает, будто я убить её могу. — Я могу позвонить Егору Павловичу, он срочно приедет.

— Не стоит. Пусть наш аналитик отдохнёт, время уже позднее. На завтра назначь встречу со всем аналитическим отделом. На сегодня все свободны.

Откидываюсь в кресло и устало тру переносицу. Глаза болят и в сон клонит. Мне тоже пора домой, где меня ждёт моя Вероника и сын.

Я обещал жене, что буду больше времени проводить дома, а сам возвращаюсь после

десяти вечера уже который раз. Ника злится на меня. Я злюсь на неё. И ситуацию отягощает отсутствие близости. Жена постоянно с ребёнком.

Вся надежда на няню. Если Олеся возьмёт на себя хотя бы малую часть материнских обязанностей, будет чуть-чуть помогать Веронике, возможно, ледяная женщина оттаёт. Нужно бы устроить нам свидание.

Но это уже после того, как решится рабочий момент. Ещё пара месяцев, и мы окажемся на волоске от банкротства.

Приезжаю домой, и по традиции меня встречает Виктор.

— Добрый вечер, вы снова поздно, — бормочет себе под нос, но смотрит мне в глаза недовольно.

Ника и ему нажаловалась на мои задержки на работе?

— Как обстановка в доме? — не разуваясь иду в сторону кухни.

Пить хочется.

— Госпожа Волкова и Максим Степанович уже спят. Вероника очень злилась сегодня, что вас нет дома! — Виктор проходит за мной до столовой и тормозит.

— Как всегда! — бросаю я, проходя в кухню.

Взгляд впивается в упругую задницу, обтянутую короткими спортивными шортиками. Я гулко сглатываю, чувствую, как кровь отливает от мозга.

— Здравствуйте, Степан Ефимович! — Олеся выпрямляется и краснеет при виде меня.

— Что там ищете? — вскидываю бровь, отгоняя застрявшую в памяти интимную картину, которую мне только что "посчастливилось" лицезреть.

— Уронила мандарин под стол! — робко улыбается, демонстрируя мне оранжевый фрукт изящным жестом.

Я прохожу в кухню, открываю холодильник. Ухватив коробку с соком, жадно отпиваю, стараясь уgomонить разыгравшееся воображение.

Я не собираюсь изменять своей любимой женщине, своей законной жене, но как здоровый мужчина в полной половой зрелости, оставшись без секса на длительный период, не могу ничего сделать со своим рассудком. Тем более Вероника была права: у нашей няни миловидная мордашка и подтянутое тело.

— Как вам первый день в доме? Освоились? — окидываю няню взглядом, медленно скользнув по стройным ногам и крепким бёдрам.

— Простите меня за мой внешний вид. Я не ожидала, что пересекусь с вами, — извиняется за обтягивающие шортики и майку на тонких бретельках.

— Олеся, вы должны чувствовать себя, как дома. Носите то, в чём вам удобно!

Девушка поджимает губы, продолжая чистить мандарин.

— Вы не ответили на мой вопрос, — убираю коробку с соком на место.

— Я освоилась вроде. Дом очень большой!

— Это вы ещё больших домов не видели! — усмехаюсь, а у Олеси снова щёки горят.

— Мы сегодня были на прогулке с Вероникой Алексеевной и Максимом Степановичем, видели вашего бывшего повара Константина, — голос Олеси звучит мелодично. — Госпожа с ним в хороших отношениях.

— Как у Кости дела? Он что-то рассказывал? Где работает?

— Не знаю, — пожимает плечами. — Вероника Алексеевна общалась с ним в кафе, а я прогуливалась с Максимом Степановичем на центральной площади.

— Вот значит как! — задумчиво выдаю я, а после зеваю в кулак. — Спокойной ночи,

Олеся! Завтра увидимся.

— Сладких снов, господин!

Вероника и правда спит, подложив под щёку ладонь. Я сажусь рядом, осторожно поправляю прядь её волос, упавших на лоб.

Моя канарейка. Такая родная и любимая, но такая холодная и далёкая.

Что же стало с нами? Куда ушло то взаимопонимание, которому мы научились во время беременности?

10.

— Степан-

За ночь Максим просыпался три раза, Вероника вставала к нему сама. Кормила, суеутилась, пела колыбельные.

Я уже и боюсь даже помощь предлагать. Не хочу, чтобы ворчала и злилась.

С утра пораньше, пока мои родные спят, я решаю освежиться в бассейне.

Впереди тяжёлый день, мне предстоит совещание с аналитиками. Нужно принять какое-то решение, не теряя времени, сделать что-то, чтобы наладить ситуацию в моей корпорации. Отец будет в ярости, если узнает, что дела у меня плохи. Странно, что он до сих пор не выведал это.

Было бы очень глупо, и я бы предстал в его глазах настоящим ослом. Потому что пока всё рушится, я даже не подозреваю об этом.

Натянув плавки, сонно плетусь в сторону бассейна. Плаванье должно расслабить, привести мысли в порядок.

Вхожу медленно, вдыхаю влажный воздух. Приглушённый свет играет бликами в воде, а я невольно предаюсь воспоминаниям. Когда-то в этом бассейне плавали мы с Вероникой. Ну, вернее, я, Вероника, и крохотный Максим в её животе. Она была красива всегда, даже когда набрала двадцать килограмм и заплывала отёками.

Может, она не хочет заниматься со мной сексом, потому что стесняется своего тела после родов? Да, она больше не та хрупкая кнопка, но её фигура стала только лучше. Более женственная. Манящая.

Бросив полотенце на шезлонг, я ловко ныряю головой вниз в бассейн, брызг почти нет. Быстрым брассом проплываю до борта на противоположной стороне, разворачиваюсь. Медленно плыву обратно, заметив Олеся в красном купальнике.

Девушка осторожно погружается в воду по лестнице. Завидев меня, приветствующе машет рукой. И, наконец, плывёт мне на встречу.

— Доброе утро! — улыбается.

— Доброе утро, Олеся!

— Решили освежиться перед рабочим днём?

— На самом деле не часто выпадает возможность расслабиться и поплавать, — выдаю я, проплывая вперёд.

— А я как только узнала, что в доме есть бассейн, приняла решение плавать каждое утро! — Олеся равняется со мной и плывёт рядом. — Вероника Алексеевна и Максим Степанович ещё спят?

— Спят.

— Я так рада, что вчера госпожа разрешила мне погулять с малышом один на один! Я считаю, что это прогресс. Верно? — заискивающе заглядывает в мои глаза.

— Верно, — одобрительно киваю.

Ухватившись руками за борт бассейна, одним ловким движением вытягиваю своё тело из воды. Прохожу к шезлонгу и, присев, вытираю мокрую голову полотенцем.

Ловлю на себе заворожённый взгляд Олеси. Её блестящие глаза скользят по моему телу, жадно рассматривают, будто ищут какой-то изъян. На лице полуулыбка.

Девушка осторожно хватается за бортик и подтягивается вверх, выныривая из воды и открывая вид на свои прелести.

Красные стринги и оголённый зад. Упругий и подтянутый.

Девушка встаёт и тоже хватается полотенце, вытирает капли воды с живота, пока я залипаю на её вставших сосках под тонкой тканью.

У меня недотрах.

И это становится невыносимо.

Я не позволял себе засматриваться на других женщин, всё моё внимание было сосредоточено только на жене. Я люблю Веронику. Сильно и бесповоротно. Она — единственная, кто по настоящему зажгла во мне свет, показала, что жизнь состоит не только из лжи и предательства, что любовь может быть светлой радостью, а не разрушительным проклятьем.

Но невольно залипнув на подтянутом теле нянечки моего сына, я вдруг осознаю, что невыносимо хочу трахнуть хоть кого-то, уже без разницы кого.

Максу скоро три месяца. Врач разрешил заниматься сексом три недели назад. А Вероника всё тянет, огрызается на мои ласки, вырывается. И не даёт.

Знаю, что это не оправдывает моих мыслей об измене, но хотя бы на время успокаивает.

— Степан Ефимович, — Олеся внезапно покрывается мурашками и заворачивается в полотенце, спрятавшись от моего пронзительного взгляда.

Отворачиваюсь, будто по башке ударили.

О чём я вообще думаю!

Вероника оттаёт скоро, всё войдёт в норму, будет как раньше секс чуть ли не каждый день.

— Хорошего дня, Олеся! — бросаю слишком резко и направляюсь к выходу, оставив няню одну.

Быстро влетаю в комнату. Вероника сонно тянется в постели, проснулась.

— Тшшшш, Максик ещё спит! — шипит она, завидев меня.

Молча крадусь к постели, готовый наброситься на жену и растерзать.

— Сладкая моя, Вероничка — клубничка, — запускаю руку под одеяло, и, нащупав ногу жены, скольжу ладонью вверх, по колену, медленно, до ночной сорочки, проскакиваю под лёгкую ткань и выше.

— Что ты делаешь? — одёргивает ногу и смотрит на меня исподлобья не по доброму.

— Я хочу тебя, Ника, — рычу от возбуждения и ложусь рядом с ней.

Жена хмурится, обхватив руками одеяло натягивает его по самую шею, прячется от меня.

Тянусь к её губам, а она отворачивается.

— Максик может проснуться!

— Мы тихонько! — вновь запускаю руку под одеяло, более настойчиво сжимаю ткань её сорочки и выдаю стон.

Я изголодался. Если Ника не даст мне, я взорвусь.

— Стёпа, нет! — округляет глаза.

— Почему? Ну, что такое? — нахожу пальцами резинку её трусиков и осторожно тяну вниз.

— Я сказала нет, значит нет! — выныривает из-под одеяла и встаёт.

Проходит к детской кроватке. Молчит. Смотрит на сына с трепетом и любовью.

— Ника, я больше не могу терпеть! — встаю вслед за ней и обхватываю руками со спины, вжимаюсь стояком в её задницу и жадно втягиваю запах её кожи на тонкой шейке.

Ни одна женщина в мире не сравнится с моей женой!

— Стёп, — вздыхает напряжённо. — Я... я не хочу сейчас.

— Давай я помогу тебе захотеть, — целую её плечо, мягко и нежно.

— Давай не сегодня.

Обречённо выдыхаю.

Не сегодня. И не завтра. Вообще не на этой неделе и даже не в этом месяце.

Отпускаю жену и скрываюсь в ванной, чтобы привести себя в порядок после бассейна.

Впереди тяжёлый рабочий день.

11.

— Вероника-

Как только дверь за Стёпой закрывается, я обессиленно падаю на кровать и закрываю лицо руками.

Это не может продолжаться вечно. Я должна как-то справиться со своим страхом, переступить уже через себя и хотя бы попробовать переспать с мужем. Если будет больно, он поймёт и остановится.

Все проблемы от того, что я начиталась всякой ерунды на женских форумах.

Следующие два дня проходят, как в тумане. Стёпа со мной не разговаривает, приходит поздно, ложится спать в его личной спальне и заходит только утром перед работой, чтобы поцеловать Максика.

Довела я мужика!

Сама виновата...

Стою на кухне, наливаю гранатовый сок. Олеся рядом держит Максимку на руках, что-то рассказывает ему, звонко и громко, а я утопаю в собственных мыслях.

Нужно бы подготовиться к долгожданному событию. Бельё красивое купить, чулки. Расслабиться как-то, иначе буду деревянной, как бревно!

— Вероника Алексеевна! — Олеся мягко кладёт руку на моё плечо, и я вздрагиваю.

— А? — вопросительно заглядываю в её глаза, и тут же ощущаю, как в ноги течёт что-то мокрое.

Боже! Да у меня стакан уже полон сока, через край льётся!

Хватаю тряпку и начинаю быстро вытирать розовую жидкость.

— Госпожа, вы сама не своя! У вас какие-то проблемы? — Олеся тревожно хмурится.

— Ох, Олеся, — выдыхаю. — Я просто устала.

— Максик скоро будет спать, если захотите, ложитесь тоже в соседей комнате, отдохните.

— Нет, Максимку сейчас оденем и поедem в город. Мне нужно кое-что купить.

Через сорок минут, пока няня гуляет со спящим Максимкой, я захожу в бутик с дорогим нижним бельём.

— Добрый вечер! Меня зовут Аниса, я могу помочь вам с выбором. Повседневное или что-то особенное? — рядом вырастает молодая девушка консультант.

— Особенное, — по лицу скользит улыбка.

Стёпа должен надолго запомнить эту ночь. Ради такого события я даже решила попросить Олесю посидеть ночью с Максимкой, пока сама приведу в порядок нашу с мужем важную часть жизни.

— У нас есть шикарные комплекты из новой коллекции! — консультант сияет ослепительной улыбкой.

В глаза бросается бархатистое чёрное, украшенное золотыми цепями.

— Я примерю этот комплект, — указываю на него рукой.

В примерочной люблю свою фигуру в дорогом белье и облегчённо выдыхаю. Село отлично.

Уверена, Стёпе понравится.

Хотя, ему бы понравилось вообще всё после такого перерыва.

Возвращаемся домой, и прямо с порога я слышу в столовой какую-то движуху. Персонал собрался и громко смеётся, голос Лизы трещит без остановки. С любопытством выглядываю из-за стены и тут же растекаюсь в улыбке.

— Константин!

Повар поворачивается ко мне и распахивает объятия.

— Привет, Ника! Вот, как и обещал, явился!

— Приготовишь что-нибудь по старой памяти?

— Да, госпожа Волкова. Готовить для тебя одно удовольствие! — Костя смеётся глазами.

Этот его лучистый взгляд, полный добра и света, способен растопить любой лёд.

Пока Костя подготавливает кухню для мастер-класса по выпечке, я раздеваю Максика. Он тоже будет смотреть, как булочки пекутся.

— Я могу заняться своими делами? — вкрадчиво интересуется няня, и я только взмахиваю рукой.

— Да, Олеся, до вечера ты свободна. Меня нужно будет подменить как только приедет Стёпа, — монотонно сообщаю я, застёгивая сыночку бодик.

Такой всё таки сладкий малыш у нас получился. Глазки — бусинки, пухлые щёчки и маленький аккуратный носик. Невольно люблюсь им, целую в лобик и поднимаю с постели.

— А вот и мы! — появляюсь на кухне с Максимкой на руках.

— Максим Степанович, рада вас видеть! — Настя осторожно гладит мальчишку по взъерошенной шевелюре.

— Ну что, начнём? — Константин жестом приглашает нас подойти ближе к столу.

Подробно рассказывает, как сделать тесто и начинку, показывает наглядно. Персонал повторяет за ним, стоя за большим круглым столом. Настя помогает Виктору, Лиза справляется сама.

Нужно было и Олесю позвать на мастер-класс.

Интересно, чем она занимается в свободное время?

— А теперь самое важное, ставим пирожки в духовку, — комментирует Константин.

Пирогов у нас будет столько, что можно накормить целый полк.

Мы устраиваемся в столовой в ожидании вкусной выпечки. Костя рассказывает друзьям о своей новой жизни, делится радостью. А я качаю Максика и поглядываю на Лизу.

Мне всегда казалось, что домоправительница неровно дышит в сторону повара. Да и сейчас женщина бледная, как мука, из которой мы тесто лепили.

— Я так рада за тебя, — вздыхает Лиза, положив ладонь в руку Константина. — Выходит, ты решил начать жизнь заново.

— Да, — коротко кивает. — Я сразу знал, что не смогу прожить всю жизнь в этом доме, что захочу свою семью. Момент настал.

— Мы так рады за тебя! — Виктор одобрительно улыбается.

Пирожки получились пышные и нежные. Такие, что от одного вида слюнки текут и в животе жалобно урчит. За разговорами съедаем чуть ли не половину.

— Можно мне Максима Степановича понянчить? — Лиза тянет руки к моему малышу. — Он наш самый лучший пирожок!

— Да, только ему скоро спать, — передаю ребёнка в заботливые руки. — А я пока Константину помогу с уборкой на кухне.

Повар вытирает стол, когда я вхожу.

— Душевный вечер получился, — не отрываясь от дела выговаривает он. — Спасибо, что пригласила!

— Спасибо, что пришёл, — подхожу к раковине с грязной посудой. — Знаешь, без тебя в доме стало пусто. Ты занимал особенное место в коллективе.

— Будешь просить меня вернуться? — усмехается, мазнув по мне дурашливым взглядом.

— Нет. Ты же знаешь условия Волкова. Жить нужно здесь, в доме. Никуда не выходить.

Я на секунду закрываю глаза. Этот дом — золотая клетка. Но моего мужа можно понять. Он не выпускает персонал, потому что боится разглашения какой-нибудь личной информации. Журналисты очень любят рыться в грязном белье и выведывать у приближённых о проблемах в семье богачей.

— Я не могу тебя о таком просить. Ты не обязан служить нам.

— Ника, скажи мне, отбросив все предрассудки, — Константин так неожиданно появляется рядом со мной, что я вздрагиваю.

— Что? — шепчу.

— Ты точно счастлива в этом доме?

— Ну конечно, — нервно улыбаюсь.

Очень странный вопрос. И близость большого мужика с широкими плечами пугает.

— Я счастлива! — сглатываю болезненный ком, застрявший в горле.

— Милая, я уже говорил, что буду защищать тебя. Ты мне нравишься, Ника, ты хороший человек. Простая и добрая. Я не понимаю, что ты нашла в Волкове!

— У тебя ко мне личный интерес? — моргаю, стараясь держаться.

Константин слишком близко. Хоть он и не касается меня, я чувствую, как напряжено его тело.

— Ника, если он обидит тебя или твоего ребёнка, ты можешь обратиться за помощью ко мне. Поняла? — строго смотрит в мои глаза.

— Д-да, — заикаюсь. — К чему этот разговор?

— Ты хрупкая, хоть и пытаешься скрыться под маской воина. А Волков... Мне о нём известно больше, чем тебе, — говорит тихо, почти мне на ухо.

— Ты меня пугаешь, — отстраняюсь, смахнув с рук пену для мытья посуды.

— Вероника, если он хоть пальцем тебя тронет...

— О чём ты? Я его жена! Же-на!

— Ты поняла меня, — шикает.

Дверь в кухню распахивается, и мы дружно оборачиваемся.

Стёпа застывает с каменным лицом. Смотрит холодно и цинично сначала на Константина, затем на меня.

Повар слишком близко. Стоит чуть ли не в плотную.

— Добрый вечер, Степан Ефимович! Рад вас видеть! — говорит, как ни в чём не бывало, а мне нужно ещё несколько секунд, чтобы переключиться и взять себя в руки.

Меня начинает прошибать уловимой взгляду дрожью. Закрываю глаза и нервно прикусываю губу.

— Что у вас происходит? — лёд в голосе мужа окатывает меня ознобом.

— Уборка, — пишу я, съёжившись под пристальным взглядом.

— Уборка? — Стёпа делает шаг в мою сторону, а Константин наоборот отстраняется. —

Вероника, иди в спальню.

— Зачем?

— Нужно поговорить.

Я вижу, что Волков злится и нервничает. Вена пульсирует. Это единственный элемент в нём, который выдаёт настоящие его чувства. Всё остальное под маской высокомерия и безразличия спрятано.

Вытерев руки, я быстро выбегаю из кухни.

В столовой показывается Олеся.

— Вероника Алексеевна, мне укладывать ребёнка? — тормозит меня вопросом.

— Да, укладывай в детской. Я скоро подойду.

— Но вы же говорили, что сегодня ночью я...

— Олеся, — закатываю глаза и руки в кулаки сжимаю из-за того, что пальцы дрожат. —

Я изменила своё решение!

Предчувствие у меня отвратительное.

Константин стоял слишком близко ко мне. Слишком.

И Волков видел это.

Я никогда не давала повода для ревности.

И сейчас я не планировала злить Стёпу, оно само собой как-то получилось. Разговор с Константином ещё смуту в душе посеял. Что вообще значат его слова? Что такого он знает о Волкове?

— Вероника! — муж громко хлопает дверью. — Зачем ты позвала его в наш дом?

— Потому что персонал по нему скучает, — стараюсь говорить спокойно и уверенно.

— А может ты по нему скучаешь? — впервые за всё время Стёпа не скрывает своих истинных эмоций.

Его лицо кривится в ужасающей гримасе.

— Мы просто разговаривали. И всё.

— Он стоял в сантиметре от тебя! В сантиметре!

— Тебе показалось! — стараюсь улыбнуться.

— Вот как? — дёргает бровью.

— Стёпа, перестань. Ты — моя семья. Ты мой муж! Я не предаю тебя.

— Зачем ты попросила Олесю остаться ночью с Максимкой?

— Я хотела сделать тебе сюрприз...

— Ника, я последнюю неделю домой возвращаюсь после полуночи. Это сегодня повезло закончить пораньше! — говорит на ходу, расстёгивает рубашку и открывает шкаф.

Застывает, упираясь взглядом в полку.

— Что это? — морщится и вытаскивает моё новенькое бельё.

Я специально положила его на видном месте. Собиралась надеть к приходу Стёпы.

— Ты купила себе комплект белья, чтобы потрахаться с Константином? — оглушает меня хриплым рычанием.

— Ты с ума сошёл! — выхватываю из его рук лифчик с трусиками.

— Ты планировала изменить мне!? — в его взгляде смешивается ненависть с кровью.

Сжимает пальцы, костяшки белеют.

— Стёпа, — голос срывается.

Как он может меня в таком подозревать?

— Вероника, ты забыла, кто дал тебе возможность жить красиво? Ты. Моя. Жена. Моя!

— Я знаю. Я твоя. Ты всё не правильно понял!

— До меня дошло! — в глазах мужа пылают пламенные взрывы. — У нас нет секса, потому что ты завела себе любовника!

— Всё, я не собираюсь выслушать твои бредовые предположения! Я хотела тебя порадовать, но увы.

Мне больно от его слов. Агония пылает в груди, будто в сердце оса ужалила.

— Спокойной ночи, дорогой муж! — слезливым голосом выдаю я, сбегая из комнаты.

12.

наши дни

— Степан-

— Господин, мы вас ждали! — начальник отдела полиции со всеми почестями уже летит ко мне, встречая чуть ли не в дверях.

Голова тяжёлая, и мысли никак не складываются в общий пазл. Главное, что сейчас заботит — в порядке ли мой годовалый сын.

— Андрей позвонил нам и рассказал, что у вас случилось! Это такой кошмар! — полковник Шилов жужжит над ухом, размахивает руками, догоняя меня по коридору.

А я иду в его кабинет, где мы сможем спокойно поговорить. Не хочу лишнего шума. Пресса не должна узнать о том, что моего сына похитили.

— Не переживайте, господин, мы обязательно решим эту ситуацию! У меня в отделе лучшие опера! — Шилов распахивает передо мной двери кабинета.

— Стёпа! — слышу за спиной жалобный голос жены.

На Веронике просто лица нет. Никогда не видел её такой! Думал, что первый месяц материнства сделал из неё зомби, но по сравнению с тем, как она выглядит сейчас — это были цветочки. Растрёпанная, с размазанным макияжем, в рваных колготках и белой шубе, перепачканной грязью.

— Заходи, — наклоняю голову в сторону раскрытой двери, и Волкова юрко влетает в кабинет.

Я вхожу следом.

А за нами вваливается полковник Шилов и запирает дверь.

— Это случилось из-за тебя! — Ника сразу начинает кидать обвинения. — Это ты виноват!

Жена на взводе. Подходит ко мне и стучит кулаками в мою грудь, а из глаз её брызгают слёзы.

— Это ты взял на работу эту чёртову няню! — не унимается.

— Олеся тут причём? — недоумеваю осматриваю красное лицо жены.

— При том! Это она похитила Максика! Это она! Она!

— Ника, это пустые обвинения!

— Пустые? — рычит не своим голосом. — Почему ты её защищаешь? Она твоя любовница, да?

— Приди в себя! — хватаю за плечи и встряхиваю.

Ника со стоном всхлипывает, а я прожигаю её ядовитыми глазами.

— А может, это ты виновата? Может, это твой Костя похитил моего наследника?

— О чём ты говоришь, Стёпа! Константин столько лет проработал у тебя поваром, а теперь ты ему не доверяешь?

— Не доверяю, после того, как увидел вас вместе на кухне! Может, это ты завела себе любовника, а не я?

— Это выше моих сил! — Ника закрывает лицо руками и падает, Шилов едва успевает подставить ей стул.

— Нам нужно собраться, мои дорогие, — полковник по очереди измеряет нас строгим взглядом. — Давайте обо всём по порядку. Нужно составить полную картину произошедшего. Подозреваемых двое?

— Подозреваемых много, — выдыхает Ника, качая головой.

И она права.

13

Девять месяцев назад

— Вероника-

Свадьба лучшей подруги — волнительное событие и очень важное. Это почти как своя, но нервы трепет сильнее.

Потому что когда сама выходишь замуж, знаешь, что за человек твой жених. Пылаешь к нему чистой любовью, обожанием. По крайней мере, так кажется. А вот отдавать близкого человека в жёны чужому мужчине, о котором слышишь только в интернете или в журналах — тяжело. Неизвестно, чем всё это обернётся через год, два.

Люда сидит за большим столом, пока её красит визажист, а фотограф запечатлевает всё происходящее. Ослепительная девушка уже выглядит красиво. С идеальной причёской, в дорогих украшениях. На ней белый полупрозрачный халатик, скрывающий кружевное бельё, соблазнительные чулки и блестящие туфли.

— Вероник, а ты тоже так жутко нервничала перед свадьбой? — едва заметно улыбается, поймав мой взгляд в отражении зеркала.

— Наверно, меньше, чем ты. Я была беременная, мне нельзя было нервничать, — развожу руками.

— Людмила Медведева, официальная супруга миллионера... — задумчиво шепчет Людка. — Подумать только! Кажется, мы с тобой поймали фортуна за хвост! Не всем везёт найти богатенького муженька.

Я улыбаюсь, осматривая платье Люды, висящее на вешалке. У неё всегда был хороший вкус, а сейчас, когда в её распоряжении золотая безлимитная карта, подруга может себе позволить купить всё самое трендовое. Вот и свадебный образ ей собрали по последнему писку моды, такого точно больше ни у кого не будет.

— Свадьба бывает раз в жизни, — заметив мой взгляд выпаливает Люда. — Я буду на высоте в этот день.

Я тяжело вздыхаю.

Свадьба бывает раз в жизни... куда уж там.

Мы с Волковым, кажется, медленно катимся к разводу.

Закрываю глаза, нервно головой качаю, и сердце тоскливо сжимается в груди.

— Так, все на выход! Продолжим через десять минут! — подруга спешно выгоняет за дверь визажиста с фотографом и подходит ко мне.

Осторожно берёт меня за руку, сжимает, в глаза заглядывает.

— Вероника, сейчас не время раскисать. У меня свадьба! Помнишь? Мы обязательно придумаем, как решить все твои проблемы.

Горло болезненно обжигает волна слёз, которые я изо всех сил пытаюсь сдержать.

— Я рада, что ты выходишь замуж не по залёту.

— Ника, ты тоже вышла замуж не по залёту. У вас с Волковым ведь была любовь.

Была...

Будто острым клинком между лопаток.

— Я считаю, что тебе просто нужно поговорить с мужем, — задумчиво продолжает Люда.

А я цепенею.

— Поговорить о чём? — сверкаю злым взглядом.

— Обо всём! Спроси у него в лицо, какого хрена он дома не ночует? Где шляется?

— Как всё просто у тебя, Люд! — глаза невольно закатываются.

— Да, в жизни всё просто, если уметь разговаривать о проблемах!

— Мы последнее время так отделились. Между нами целая пропасть. И, знаешь, мне кажется, я скоро в неё сорвусь.

В каком-то фильме я видела, как поезд сходит с рельсов и падает с высокой скалы. Главный вагон тащит за собой все остальные, без шансов на спасение. Глыбы камней с грохотом обламываются, скользят вслед за поездом. Длинная вереница слетает вниз на бешеной скорости, убивая всё живое, превращая в месиво грязи и крови человеческие судьбы. Тоже самое происходит со мной. Вагоны — это вечные проблемы, тянущиеся одна за другой, а я — машинист проклятого поезда, который ничего не может сделать перед сокрушительным лицом сложившихся обстоятельств.

— Сегодня Волков придёт на мою свадьбу. Вы увидите. Спроси у него, в чём дело. Спроси! — требовательно выговаривает Люда, сильнее сжав мою ладонь.

— Спрошу, — даю обещание не Люде, а самой себе.

Может, оно и правда так, как говорит подруга. Волков долго не говорил о своих чувствах, из-за этого мы не были вместе. Он играл, запутывался сам и меня запутывал. А если бы он сразу сказал, что между нами не только фиктивный договор, мы бы избежали много болезненных моментов. Так и сейчас: я молчу, он молчит, вокруг только боль и недопонимания.

Стёпа будто возненавидел меня после того, как застал нас с Константином вместе на кухне. Прошёл уже месяц, а муж со мной даже не разговаривает. Пока я занята сыном, он прикрывается работой.

Как вывалил на меня всю грязь, обвинив в том, что я завела себе любовника, так и всё. Как отрезало. Может, я была слишком импульсивной. Разозлилась, сбежала, дверью хлопнула. Но я же правда хотела как лучше. Выбрала то проклятое бельё, собиралась Стёпу завести, соблазнить! А он расценил это по-своему неверно.

Наши отношения перестали существовать. Они просто испарились, как духи, которые

стоят закрытые много много лет и ими никто не пользуется. Волков своим отсутствием будто даёт мне понять, что мы из разных миров.

Он — центр этой вселенной. Своевольный и своенравный. И навсегда таким останется. А я либо тихо слеую за ним и терплю все его выходки, либо собираю вещи и сваливаю.

И я бы уже давно ушла, не будь у меня сладкого розовощёкого сыночка. Я знаю, что не смогу просто забрать Максика с собой. Стёпа не отдаст.

— Так, ну всё! Время переодеваться! — звонко заявляет Людка, и я перевожу взгляд на неё.

Пока я тонула в мыслях и воспоминаниях, подругу успели накрасить и отснять ей целую фотосессию.

В этот важный для моей единственной подруги день, я должна быть стойкой и сильной. Поддержать её! А я, наверно, своим недовольным лицом только всё порчу.

— Ну как я тебе? — Людка кружится в своём ослепительном платье, и у меня душа замирает в восхищении.

— Ты просто невероятная. Артур в обморок упадёт от твоей красоты! — говорю от чистого сердца.

— Ладно, церемония начнётся через сорок минут. Мне нужно срочно выпить что-то очень крепкое! — Люда машет на себя руками, стараясь освежиться. — Мне кажется, или в доме очень душно?

— Кажется, это от нервов, — подхожу ближе и заботливо поправляю её фату.

— Вероника, а вдруг мы с Артуром когда-нибудь тоже... ну... — тупит взгляд и губы поджимает, превращая их в одну тонкую полоску.

— Что?

— Вдруг когда-нибудь мы тоже столкнёмся с такими же проблемами, как ты и Степан Ефимович? Ох, я так этого боюсь!

— Людочка, моя хорошая! — обнимаю её, а у самое сердце сдавливают, точно его перематывают канатами. — Не нужно примерять наш со Стёпой опыт на себя. Я верю, что у вас всё будет сказочно.

— У вас тоже, Ника. Вы обязательно помиритесь! — невеста облегчённо улыбается. — Так, мы хотели выпить! Жанна! Жааанна!

В комнату заходит домоправительница Медведевых — грузная женщина лет сорока. Очень похожа на нашу Лизу.

— Людмила Михайловна, вы что-то хотите? — осторожно интересуется она, будто предчувствует что-то неладное.

— Хочу, — невеста улыбается, сверкая шальными глазами. — Водку!

— Водку? — я выпадаю в осадок от шока.

Если Людка напьётся — свадьба пройдёт просто мимо неё. Или по ней.

— А что? — недовольно морщится. — Жанна, неси водку. И сок. Апельсиновый.

— Люд, ты уверена? — до сих пор не верю, что это милое создание в пышном белом платье собралось бухнуть перед такой важной церемонией.

— Уверена. Что может случиться? Мы же с тобой не бутылку выпьем в конце концов! — разводит руками.

Не бутылку.

Однако Людке достаточно пары стопок, чтобы знатно опьянеть. В общем-то, мне тоже.

И уже после третьей щёки невесты пылают румянцем, а непослушные ноги в высоких

каблуках держат её с трудом.

— Всё, иди занимай своё место в зале, — расслабленная Людка смотрит на себя в зеркало, улыбается дурашливо.

Вот расслабилась, так расслабилась! Хороша невеста.

— Я очень надеюсь, что ты не упадёшь, когда выйдешь к гостям.

— Не упаду!

Вздыхаю, закрыв глаза.

В зале полно народу. Кого-то я уже знаю, таких большинство. Партнёры моего мужа приветливо улыбаются, когда видят меня. Многие из них пришли сюда со своими девушками и жёнами. Почти все парами. И я обычно посещала подобные мероприятия в компании Стёпы, а сейчас я одна. И мне становится неловко и зябко под взглядами богачей.

— Милое платье, — слышу голос за спиной и оборачиваюсь.

Алёна Щукина смотрит на меня с нахальной улыбкой. Надменная. Холодная. Мерзкая.

— Удивительно, что тебя тоже пригласили, — усмехаюсь.

На самом деле, я не ожидала её увидеть после того, как она сумела стащить наш с Волковым договор о фиктивном браке. Ещё бы и бывшую жену Стёпы позвали, для полного восторга!

— Я там, где должна быть. Мой отец очень влиятельный человек, и меня всегда зовут на такие важные мероприятия. Я породистая девушка, в отличии от тебя! — Алёна вскидывает бровь.

— Я думала, породистыми бывают только собаки, — сдерживаю улыбку. — Ну или в крайнем случае лошади.

— Вероника, — выдыхает. — Всем известно, что Стёпа женился на тебе только потому, что ты залетела. Так что знай своё место, и не смей дерзить мне!

Кровь начинает закипать. У нас с мужем и так не всё гладко, а Алёна ещё и такие слухи распускает. Пальцы невольно сжимаются в кулаки.

Но, я тут же их разжимаю, словно придя в себя.

— Своё мнение можешь оставить при себе, — выговариваю спокойно и чётко. — Наши со Стёпой отношения никак тебя не касаются.

— Он Эвелину любит, — Щукина меня провоцирует.

И я не должна поддаваться. Это проклятое общество миллионеров отравлено. Я помню, как Эвелина загнала меня в столовую и набросилась, как расцарапала моё лицо своими острыми ногтями. Если бы Волков не оказался рядом, Эвелина могла бы причинить мне куда больший вред. И ей бы ничего за это не было. Я уже поняла законы новой жизни: чем больше у тебя денег, тем мощнее твоя власть. Только проблема в том, что я не стремлюсь к власти. Мне достаточно размеренной тихой жизни в уютном доме, моего сладкого сыночка и...

... хотелось бы, чтобы Стёпа был рядом.

Играет музыка, и гостей просят пройти на ажурные стулья в центре зала. Начинается церемония бракосочетания.

Я медленно подхожу к своему месту, сердце предательски сжимается. Сажусь, а у самой глаза влажные. Стул, на котором должен сидеть Стёпа, пуст. Я ищу его шальным взглядом среди присутствующих, но не нахожу.

Неужели я ему настолько неприятна, что он решил пропустить свадьбу лучшего друга, лишь бы только не пересекаться со мной?

— Степан-

— Давайте-ка ещё раз, — сверлю взглядом своего подчинённого, который принёс не добрую весть. — Швейцария отказалась с нами сотрудничать?

— Их компания нашла более выгодного поставщика, — Сергей разводит руками.

— Чёрт! — шиплю.

Хочется сказать куда более красочные слова, но я держусь. Из последних, мать его, сил держусь. Мне едва удаётся оставить команду на плаву. Ещё месяц-два, и мы обанкротимся.

Конечно, это не конец света. У меня есть другие прибыльные бизнесы, рестораны, кафе, бары. Я выкупил почти все заведения этого города. Но!

Нефть "ВЕС" — золотая жила. То, что мне передал отец и приказал беречь, как зеницу ока. И я должен был направлять все свои силы, лишь бы сохранить эту корпорацию. А у меня в голове был густой туман, застилающий всё вокруг. Просыпался, открывал глаза и видел перед собой Веронику, которая заигрывает с поваром.

История повторяется. Сначала я женился на Эвелине, которая без зазрения совести притворялась невинной овечкой, а сама трахалась с Орловым и сливала ему секретную информацию моей компании, теперь Вероника мило воркует с Константином.

Константин ушёл из моего дома. Начал жизнь с чистого листа. У него теперь семья, жена миловидная и маленькая приёмная доченька. И работа у него новая. Он — начальник охраны у моего конкурента, который является главным провокатором всех проблем в моей компании. Если бы Репин не заявился в Россию, то моя корпорация была бы главной на рынке, а сейчас мы имеем очень шаткое положение. Всё, что строилось десятки лет, может рухнуть в одну секунду. Как картонный домик от лёгкого сквозняка.

Цепочка мыслей однажды невольно привела меня к одному интересному умозаключению: Вероника может оказаться такой же паршивой овцой, какой была Эвелина. Новая жена запросто может быть в сговоре с Репиным, а Константин — их посредник, крыса, передающая информацию.

И с тех пор я не могу спокойно смотреть на Веронику. Хочется прижать её к стене и просто раздавить, выпотрошить из неё душу, заставить во всём сознаться. Я успокаиваю себя:

Волков, у тебя паранойя, это же твоя милая Канарейка, она не такая, она ангел!

Но коварный червячок сомнений по чайной ложечке поедает мой мозг, и я становлюсь агрессивен к Веронике.

Чтобы не травмировать её своими выходками, я отдалился. На время. Так посоветовал мне психолог.

— Какие будут распоряжения, господин? — Сергей всё ещё стоит перед моим столом, держа в руках папку с документами.

— Нужно лететь в Швейцарию и перезаключать договор на их условиях, — напряжённо стучу по столу пальцами.

— Вы уверены? Швейцария сотрудничает с нами чуть больше года и...

— И они принесли нам пятнадцать миллиардов, — перебиваю подчинённого, и тот виновато бледнеет. — Нам важен союз с ними.

— Но есть же и другие страны, Швейцария не лидер по...

— Всё! — указываю жестом на дверь. — Я хочу побыть один. Мне нужно подумать.

Сергей мнётся, эмоции на его лице сменяются с бешеной скоростью, и, наконец, он

кивает и разворачивается. Семенящими шагами плетётся к двери, за которой его уже поджидает Оксана. Секретарше не терпится узнать о том, что я решил. Нефть "ВЕС" кормит очень многих людей, моих сотрудников, их семьи. Я не могу допустить, чтобы люди остались без работы.

Но чувствую, что утопаю в море во время шторма. Барахтаюсь, придумываю что-то, стараюсь просчитать всё на десять шагов вперёд, а беспощадная стихия захлёстывает и на дно тянет.

Всё навалилось. Проблемы на работе, ссора с женой, мои подозрения в её сторону — всё это связало мои нервы в клубок и разорвало тонкие ниточки.

Шумно выдыхаю, откинувшись на спинку кресла. Тру красные глаза руками, яростно и сердито. Бросаю взгляд на календарь на столе, сегодняшняя дата обведена красным цветом. Замираю на мгновение, когда осознание лапает затылок.

Я забыл про свадьбу Артура.

15

Вероника

Я уже выучила сценарий этих богатых свадеб. Каждая новая похожа на предыдущую. И этот ритуал, когда сначала к арке выходит жених, а затем невеста — уже надоел. Однако Артур Медведев не просто вышел. Он, точно арабский скакун, пронёсся мимо гостей по красной дорожке, смеясь и размахивая руками. Его белоснежная улыбка осветила зал, и я на некоторое время забылась, отвлеклась от собственных надоедливых мыслей.

Когда выходит Люда, шатающаяся на каблуках, шоу продолжается. Выпившая и раскрасневшаяся, моя подруга слишком медленно плетётся к арке, стараясь за улыбкой скрыть своё волнение. Зря она так широко улыбается — похоже на зловещий оскал. Смотрю на неё, а у самой сердце предательски быстро в груди стучит. Только бы Люда не упала!

Приглашённые папарацци переглядываются, вспышки застают невесту врасплох, и она роняет букет себе под ноги. Медленно моргаю, и когда открываю глаза, тут же жалею, что сделала это. Нужно было зажмуриться посильнее и сидеть так.

Людка наклонилась поднять букет и растянулась на красной ковровой дорожке, издав при этом громкое "ОЙ".

Выдыхаю и качаю головой. Это моя Людка Белкина, и её свадьба просто не могла обойтись без казусов. Хорошо, что я на свою свадьбу была без каблуков — убийц, иначе тоже бы порадовала гостей фееричным падением.

Артур тут же бежит поднимать свою невесту, музыка стихает. Все затаили дыхание.

— Ты в порядке? — Медведев помогает Людке подняться, а та зачарованно в его глаза смотрит и дышит тяжело.

— Всё прекрасно! — весело отзывается девушка, поправляя подол платья. — Оркестр, играй!

Я закрываю рот рукой, чтобы скрыть усмешку. Гости перешёптываются, а я могу только грустно улыбаться. Рядом со мной по-прежнему пустует красивый стул с резной спинкой.

Стёпа не пришёл. Церемония уже в самом разгаре. Артур говорит заготовленную красочную речь о том, что будет вместе с Людой навсегда, и в горе, и в радости, в богатстве и бедности. Мой муж был более избирательным, обошёлся без таких банальностей. Волков говорил сладко, смотря в мои сияющие от восторга глаза. Он не обещал быть рядом всю жизнь, но сказал очень крутую фразу, которая клеймом отпечаталась в моей памяти — "я буду любить тебя до тех пор, пока сердца наши бьются в унисон". Тогда я расценила это как

"буду любить до самой смерти, пока сердце кого-то из нас не остановится".

И я верила этому.

Наивно полагала, что став Волковой, все проблемы и беды останутся позади. А сейчас вынуждена давиться реальностью, где я настолько противна законному мужу, что он даже не соизволил прийти на свадьбу к лучшему другу! Эта мысль не даёт мне покоя.

Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что Волков не исправим. Впервые встретившись с его ледяными гипнотизирующими глазами, я думала, что обожгусь его холодом и высокомерием. Так и вышло. Первое представление оказалось не обманчивым. Я не знаю, где он ночует и с кем проводит время. Отказываюсь верить, что испортила всё сама, когда не стала его убеждать в своей верности, а просто вышла из комнаты, гулко хлопнув дверью. С тех пор всё рухнуло. Но виновата ли в этом я?

У меня же тоже есть гордость!

Не всё же время я должна преклоняться перед ним?

Играет приятная музыка, и к арке медленно движется симпатичная курносовая малышка. Семилетней сестре Артура доверили очень важное дело! Анюта выносит обручальные кольца, улыбается, неся перед собой серебряный поднос с бархатной коробочкой в центре. Людка смотрит мне в глаза с трепетным восторгом, но тут же переводит взгляд на пустующий стул рядом со мной и прикусывает губу. Она прекрасно понимает, что я разбита и сломана.

Я бабочка, которой варварски оторвали крылья.

И как бы я не старалась держать лицо, казаться весёлой и непринуждённой, по глазам всё видно. Телом я нахожусь здесь, в красивом зале на свадьбе лучшей подружки, но все мысли мои привязаны к Стёпе, который так и не объявился. Где он? С кем он сейчас? С кем провёл эту ночь?

Люда тонкими пальцами берёт кольцо и осторожно надевает Артуру на палец. Вспышки фотоаппаратов снова заполняют всё пространство, гости охают. Жених берёт кольцо, и моя пьяненькая подружка подставляет ему дрожащую руку.

Волнительный момент.

В одно мгновение тонкое золотое колечко высказывает из мужских пальцев и звонко ударяется о пол. Людка хватается за сердце, кусает губы с нервозностью, бросает на своего жениха молниеносный взгляд, полный немого гнева и ярости. Уронить кольцо на церемонии — плохая примета, признак того, что брак проживёт не долго. И, естественно, об этом упавшем кольце обязательно напишут в прессе.

А если эта пророческая примета сбудется, общество миллионеров будет болтать за спиной и смеяться нагло и бесцеремонно.

На моей свадьбе кольцо не падало, однако наш с Волковым брак на волоске.

Анюта быстренько исправляет ситуацию, подняв кольцо, и Артур всё же надевает его на палец своей невесте. Людка сделалась бледной под цвет платья, смотрит вдаль зала стеклянным взглядом. У Медведевых, кажется, намечается первая крупная ссора.

После церемонии всех просят пройти к лестнице для общего фото. И меня снова ломает от грусти, что рядом нет мужа.

— Вероника, можно тебя на пару слов? — увесистая ладонь свёкра сильно сжимает мой локоть.

— Да, Ефим Святославович, — дежурно улыбаюсь.

Я его недолюбливаю. Как и он меня.

— Скажи, пожалуйста, где мой сын? — шипит на меня, притянув к себе.

— А я-то откуда знаю? — хочу закатить глаза, но тут же останавливаю себя.

Ефим Святославович смягчается, смотрит с теплом и ласковой улыбкой. Уж не знаю, что так на него подействовало, но мне от этого его жеста не по себе. Даже непрощенная жаркая волна по спине прокатывается.

— Вероника, я не всегда был с тобой добр, но, — свёкр говорит медленно и тихо, почти шепчет мне на ухо. — Но мне важно, чтобы ты посещала подобные мероприятия вместе со Стёпой.

— Я подруга Люды. Меня бы пригласили, даже если бы мы со Стёпой не были женаты, — фыркаю.

— Что у вас случилось? Вы поссорились? — вкрадчиво интересуется, и я всё таки позволяю себе сделать то, что хотела.

Закатываю глаза:

— Спросите лучше у своего сына.

Только успеваю закончить холодную фразу, как в зале показывается Волков младший. Вспыхиваю радостью, но тут же беру себя в руки. Хотя я и люблю его по-прежнему искренне, он причиняет мне боль.

Так бывает, когда мужчина сначала носит на руках и лелеет. В беременность я была похожа на хрустальную вазу, которую оберегали. А потом Стёпа собственными руками превратил меня в стеклянные крошки. Расколол своим безразличием.

Я понимаю, что Люда была права, когда дала совет всё обсудить, но вряд-ли я смогу сдерживать эмоции. Болезнь Волковых под названием высокомерие оказалась заразной, и я подверглась этому беспощадному вирусу. Раньше я бы позволила вытереть об себя ноги, простила безразличие, задвинула бы гордость поглубже в задницу, но не сейчас. Я — Вероника Волкова, супруга миллионера, мать наследника многомиллиардной нефтяной корпорации. И я больше не прощаю.

— Добрый день, — мой муж улыбается, смотря мне в глаза с трепетом и нежностью.

И я натягиваю улыбку.

Мне не привыкать притворяться и играть роль. Научилась, когда была фиктивной невестой. Наверно, именно этот период и подарил мне такой бесценный опыт, сделал сильнее и решительнее. Я точно знаю, что не закачу истерику у всех на виду, даже намёка не дам, чтобы кто-то решил, что у нас проблемы в отношениях. Но когда мы останемся с мужем наедине, я обязательно устрою ему словесный расстрел.

— Всех уже позвали для общей фотографии, — Ефим Святославович взбешён. — Степан, где тебя носит?

— Проблемы на работе, — сухо бросает мой муж, даже не взглянув на отца.

Стёпа занят. Играет со мной в гляделки.

— Пойдём фотографироваться, — выдавливаю из себя и беру миллионера под руку.

Фотограф просит всех улыбнуться, и я невольно замечаю, как бледная и раздосадованная Людка снова скалит зубы. Подруга явно нервничает.

— Ты видела, как упало моё кольцо? — возмущённо взмахивает рукой.

— Люд, это все видели, — выпаливаю не подумав.

— Артур кольцо уронил? — Стёпа стоит рядом с нами возле небольшого фруктового стола.

— Ты представляешь, что теперь будет! Об этом напишут везде, где только можно! Мало обо мне болтают, так теперь ещё и это! — Люда качает головой.

— Это просто примета, всё будет хорошо! — подбадриваю подругу.

— Ладно, нужно идти к Артуру, — подружка разворачивается и продолжает бубнить себе под нос. — Это надо же, какой криворукий миллионер мне достался!

Стёпа усмехается, и я вновь перевожу взгляд на него.

— Вообще-то смешного мало, — замечаю с обидой.

— Да брось, ты правильно сказала. Это всего лишь дурацкая примета.

— Где ты был? — тут же перевожу тему.

Наши отношения, которые с каждым днём всё больше становятся похожи на огромный оползень, летящий со скалы, волнуют меня гораздо больше, чем упавшее кольцо подруги.

— Работал, — Волков берёт красивый стакан у проходящей мимо официантки и отпивает шампанское щедрым глотком.

— Весь месяц?

— У меня проблемы, Ника. Нужно лететь в Швейцарию.

— Проблемы? — невольно хмурюсь.

— Да. На Российском рынке появился новый нефтяной миллионер, и он вставляет мне палки в колёса.

— Да ты что! — с иронией усмехаюсь. — И, конечно, твоя работа гораздо важнее семьи.

— Я не могу отказаться от поездки в Швейцарию.

— Тогда мы с Максиком поедem с тобой!

Стёпа закашливается от неожиданности и смотрит на меня с недоумением.

— Я тебе не доверяю, — скольжу по его лицу холодным взглядом.

— Думаешь, я тебе изменяю? Повезу на отдых любовниц?

— Так у тебя их несколько?

— Кого?

— Любовниц.

— Вероника, хватит. Я не хочу выслушивать твои претензии.

— Ответь! — настойчиво смотрю в его безразличные глаза.

— У меня нет любовниц, — отмахивается.

— Тогда почему ты не ночуешь дома?

— Я же сказал, у меня проблемы на работе.

— Так себе оправдание! — забираю у Стёпы стакан с шампанским и допиваю до дна.

— Я не обязан перед тобой оправдываться.

— Я твоя жена! Опомнись! — кажется, я превратилась в разъярённую фурию.

— Прекратите этот цирк! На вас уже смотрят косо, — вмешивается отец Волкова, и я вновь закатываю глаза. — Степан, пойдём на разговор.

Ефим Святославович выглядит зловеще. Ничего хорошего его презрительный взгляд не сулит.

17

Степан

Отец отводит меня в кабинет моего друга. Такое ощущение, что папочка чувствует себя хозяином в чужом доме. Все двери перед ним открыты. Грузный мужчина вальяжно раскидывается на кресле Медведева, достаёт из выдвижного ящика в столе портсигар и

закуривает.

— Ну, что ты стоишь, как не родной? — насмешливо шурит глаза и рукой мне указывает на свободный стул.

— Ты думаешь, Артуру понравится, что ты без спроса взял его сигару? — веду бровью, осматривая недовольное лицо отца.

Холодный решительный взгляд полон глубокого смысла и какой-то таинственности. Он будто что-то замышляет, расставляет сети, в которые я должен угодить.

— Почему я должен думать об Артуре, когда тут свой балбес вырос, а ума не набрался? — жадно затягивается и выпускает в воздух белую пелену едкого дыма.

— Что ты хочешь сказать?

Предчувствую, что он прознал о плачевном состоянии нашей корпорации, и теперь меня ждёт многочасовая лекция о том, какой я негодяй и недоумок. Я и сам прекрасно понимаю, что виноват. Вовремя не принял должные меры, был рассеян и заиклен на жене и сыне. А сейчас мои тщетные попытки вывести Нефть "ВЕС" на прежний уровень доходов стали посмешищем.

— Что с Вероникой? — неожиданно выговаривает отец, и я на мгновение теряюсь.

— А что с ней?

— Степан, твою мать! — стучит по столу кулаком и яростно морщит старческое лицо.

Все его морщины преобразуются в глубокие впадины, прибавляя лет десять к настоящему возрасту.

— Почему твоя жена сегодня сидела в зале одна и со слезами на глазах?

Я глубоко вдыхаю раскалённый воздух, пропахший сигаретным густым дымом. Верхушки лёгких мучительно жжёт, и, кажется, несчастные органы вот-вот полезут через нос наружу. Меня наизнанку вывернет, если продолжу этот разговор.

— С Вероникой всё в норме, — короткий ответ, который раньше устраивал моего отца.

— Не ври мне, Степан. Она несчастна рядом с тобой!

— Ты вздумал учить меня семейной жизни? — закипаю от ярости.

— Да, вздумал! Я не хочу, чтобы...

— Отец! Ты поднял руку на мою мать, и она в ужасе сбежала! Без охраны, без денег! Если бы не ты, она была бы жива! — ору, кажется, на весь дом.

Собственного голоса я не слышу из-за грохочущего сердца. Кажется, что оно сейчас проломит грудную клетку и выскочит на стол прямо под нос собеседнику.

— Да, вот такой я ужасный человек, — шелестит низким голосом. — А ты, Стёпа, учись на моих ошибках.

Упираюсь руками в край стола и, наклонившись вперёд, заглядываю в графитовые глаза Волкова старшего. Язык не повернётся сейчас назвать его отцом. Этим разговором он будто разблокировал все мои воспоминания, заставив кровь превратиться в раскалённую сталь.

— Ты чудовище. Не учи меня жизни! — отвечаю хриплым голосом.

Мужчина не разрывает зрительный контакт, затягивается сигарой и выпускает дым прямо мне в лицо.

— Выйди вон! — командует, указав мне на дверь.

— С удовольствием, — бросаю в ответ, покидая кабинет.

Сжав кулаки и стиснув челюсти, я спускаюсь на первый этаж к гостям. Всех уже пригласили за стол. Иду напрямиком к Артуру, чтобы поздравить со свадьбой, извиниться за опоздание и уехать, забрав жену. Но на моём пути возникает миниатюрная девушка.

— Стёпа, — складывает тонкие аристократичные пальчики перед грудью.

— Алёна, — торможу.

— Рада тебя видеть! Как ты?

Не могу сказать, что её восторг от встречи взаимный. Я был хорошего мнения о Щукиной, пока она не переступила границу дозволенного. Выкрасть договор о фиктивном браке из моего кабинета было её главной ошибкой. И ради кого?

Моя бывшая жёнушка её подослала. Эвелина занимала Алёну себе в подружки.

— Ты потрясающе выглядишь! — Щукина продолжает невинно глазками хлопать и растекаться передо мной.

— Ты тоже сегодня хороша! — скольжу взглядом по её фигуре. — Как твоя учёба?

— Закончилась. Вот думаю, может остаться в России? — Алёна делает шаг ближе и осторожно скользит ладонью по моему плечу, будто сгоняет пыль с пиджака.

Слишком личный жест, не так ли?

— Думаю, может мне прийти на стажировку к тебе? — голос её в миг меняется на более низкий.

— Не стыдно? — смотрю в её милую мордашку.

Этого ангелочка я помню совсем маленькой. Только вот выросло из неё нечто продажное, лишённое разума.

— Стёп, ну мы не чужие люди, — улыбается и густыми ресницами хлопает.

— Ошибаешься, Алёна. Мы с тобой чужие.

И почему все решили, что я им близкий человек? Эвелина говорила тоже самое, когда деньги выпрашивала.

Обхожу Алёну и тут же натываюсь на грустные глаза жены в другом конце зала.

Вероника стоит вдали, обнимает собственные худые плечи и смотрит на меня. Вероятнее всего, видела, как Алёна открыто со мной заигрывала.

18

Вероника

Взгляд моего мужа наконец-то оказывается прикован ко мне. Я молча наблюдаю, как он общается с красоткой Щукиной, как смотрит на неё. Алёна тоже оборачивается, стреляет ядовитыми глазками в мою сторону и хмурится.

Волков, не теряя времени, идёт вальяжной медленной походкой в мою сторону.

— Вероника, — поджимает губы и неожиданно тупит взгляд в пол. — Мне кажется, нам нужно всё хорошенько обсудить.

— Обсудить что? — невинно улыбаюсь.

— Наши отношения.

— У меня такое ощущение, что наш брак до сих пор фиктивный, Стёпа.

Чувствую, как болезненным спазмом пульсирует в горле, и влага скапливается на ресницах.

— Ника, пожалуйста, держи себя в руках! — Волков резко притягивает меня в свои объятия, и я утыкаюсь лбом в его широкую грудь.

Он прав.

Вокруг слишком много людей и папарацци. Я не имею права давать слабину, но лёд треснул. Каменная защита рухнула, и я не могу больше притворяться. Не видела мужа месяц. Месяц! И вот он рядом со мной, по волосам ласково гладит и к себе прижимает, а я чувствую себя белой вороной. Как будто голая стою перед многочисленной публикой.

— Милая, давай уедем отсюда. Поедем в гостиницу. Там всё обсудим. Спокойно. Поехали? — голос звучит сладко.

— Угу, — выжимаю из себя с надрывом.

Я думала, что пробуду на свадьбе у Люды до самого конца. Обниму подругу, когда все гости уже разъедутся. А мне приходится сбегать без оглядки, потому что на меня внезапно обрушилась лавина эмоций, которые я так долго сдерживала. Меня не смущает водитель мужа и его охрана. Я рыдаю в голос в машине по пути до дорогого отеля.

И отпускает немного, когда я падаю на белоснежные простыни в нашем номере и вытираю поплывший макияж о подушку.

— Ника, может воды? — Стёпа садится рядом со мной и гладит по спине.

А я ёжусь. Его мягкие пальцы кажутся наждачной бумагой, раздражающей мою обнажённую кожу в кровь.

— Я хочу развестись, — рычу, обессиленно сгребая в руках подушку.

— Что? — муж выпадает в осадок.

— Я хочу развестись с тобой! — повторяю уверенно и чётко.

Приподнимаюсь и смотрю в глаза озадаченного Волкова.

— Не руби с плеча... — мямлит себе под нос.

— Стёпа, я не железная леди. Ты знал, насколько я слаба. Ты видел, что я мягкая. Стержня у меня нет.

— Ошибаешься, — строго. — Я с первого взгляда почувствовал твою силу.

— Я завтра же подаю на развод! — отсекаю и вскакиваю с постели так быстро, что цветные мошки перед глазами летят.

Почти бегом покидаю номер.

Меня шатает.

И ноги не держат, точно в них набили вату.

19

*** Наши дни ***

Степан

— Я жалею, что не подала на развод после Людкиной свадьбы! — шипит моя жена, пуская яд из острых клыков.

Я думал, станет лучше? Чёрта с два!

Наивно надеялся, что вернётся милашка Канарейкина, которая будет щебетать мне на ухо слова о любви, о тёплом и искреннем чувстве, которое по венам растекалось, как парное молоко. Передо мной всё это время была коварная и расчётливая женщина с холодным умом.

— Можешь разводиться со мной хоть завтра! — бросаю также холодно и отстранённо.

— А вот и разведусь! — обижается.

Губы надувает и руки на груди складывает.

— У нас сейчас есть задача посерьёзнее. Вам нужно перестать ссориться! — полковник Шилов тяжело выдыхает. — Я ничего не понял из ваших рассказов. При чём тут похищение ребёнка и ваша ссора на свадьбе?

— Кольцо же упало! — Вероника взмахивает тонкой ручкой. — Люда и Артур развелись.

— Иии? — Шилов непонимающе щурится.

— Вероника и Люда поймали Медведева на измене. Артур вполне мог захотеть

отомстить нам, — спокойно поясняя я, а потом поворачиваюсь к Волковой. — А я говорил тебе, чтоб ты не лезла ни в своё дело!

— Люда — моя подруга! Честная и верная, в отличии от твоего дружка Медведева!

— То есть Медведева вы тоже подозреваете? — полковник, кажется, скоро поседет от наших рассказов.

— Ну конечно! — отвечаем в унисон.

— Значит, в числе подозреваемых няня, повар и миллионер, — бубнит Шилов, внося заметки в толстый блокнот.

— Если это сделала няня, то вряд-ли по своей воле. Её должен был кто-то подослать! — соображает Вероника.

— И Константину это ни к чему, он тоже может быть кем-то подослан, — продолжаю мысль.

— Если Максика похитила Олеся, то за всем этим стоит твоя бывшая жена! Ты же говорил, что у Эвелины какие-то проблемы с деньгами. Может, скоро потребуют выкуп?

— Логично, Вероника Алексеевна! — Шилов продолжает что-то чиркать в блокнот.

— Константин сам бы тоже не украл ребёнка, но он работает на Репина, моего конкурента.

— Ре-пин, — произносит полковник по слогам и откладывает ручку. — Список подозреваемых растёт. Я сделаю пару звонков, мои ребята что-то наши.

Как только за Шиловым хлопает дверь, Ника встаёт со стула и вальяжной походкой проходит к окну. Трёт виски напряжённо.

— Стёп, пообещай мне, что всё будет хорошо, — шепчет тихо, даже не оборачиваясь.

Подхожу и осторожно касаюсь ладонями её волос.

— Всё будет хорошо. Максима найдут.

— А если нет? — всхлипывает. — Что если...

— Тише, тишшш, — прижимаюсь к жене и обнимаю её обеими руками. — Всё будет хорошо, милая.

20

Девять месяцев назад

Степан

Вероника убежала из номера так быстро, что я даже опомниться не успел.

Она ошарашила меня своим громким заявлением, что собирается подавать на развод, и я остался сидеть на месте, как истукан. С каменной миной на лице и кипящей в жилах кровью.

Так нагло, резко, моя жена плюнула мне буквально в лицо. О каком разводе речь?

Я её не отпущу!

Срываюсь с места, стремительно слетаю на первый этаж по лестнице и пересекаюсь взглядом с Никой. Она только-только выпорхнула из лифта, и теперь резво перебирает ножками в нелепой попытке скрыться от меня.

— Стой! — рывкаю так, что у самого дыхание перехватывает.

Но моя жена бежит мимо рецепшена к выходу из отеля.

Перехватываю её на пол пути. Милая девочка — администратор тупит взгляд, стараясь на нас не смотреть. Охранник у входа выходит на улицу, чтобы не слушать нашу перепалку.

Мы привлекаем слишком много не прошенного внимания.

— Ты кошка или собака? — слишком сильно хватаю Нику за запястье.

Не хочу причинять ей боль, но контролировать свои эмоции с каждой секундой

становится всё сложнее. И её кожа розовеет под моей хваткой.

— Какая кошка? — шипит.

Хмурит брови и смотрит пронзительным взглядом с безумным блеском где-то в глубине потемневших радужек.

— Мы с тобой как кошка с собакой! Поговорить спокойно не можем!

— Ты сам довёл до этого! — демонстративно вздёргивает свой носик.

— Ника, мы приехали сюда, чтобы всё обсудить, а ты сбегаешь! — сильнее сжимаю пальцы на её тонкой кисти, и Ника морщится.

— Мне больно! — плачет.

— Мне тоже.

Застывает. С удивлением разглядывает моё лицо, будто видит его впервые.

Да, мне больно.

Слова любимой женщины о том, что она намерена подавать на развод, как клеймо на сердце. Обжигающее. Разъедающее плоть, точно кислота. И раны кровоточат.

Я думал, что знаю о боли многое. Предательство Эвелины когда-то выпотрошило из меня душу и разрубило её на мелкие куски. Но сейчас внутри ядерным грибом сметается всё. Счастье. Любовь. Кровью по стенам, вперемешку с дерьмом и кишками.

— Стёпа, — срывается с её губ, когда я освобождаю хватку.

— Вернись в номер, — отдаю приказ не разрывая зрительного контакта. — Мы всё обсудим.

Ника трёт покрасневшее запястье, где секунду назад властвовали мои пальцы. У неё останется синяк на руке. Я переборщил.

— Мне страшно, — выдыхает, делая шаг назад.

— Я больше не трону тебя. Обещаю.

Испуганно моргает, недоверчиво качает головой.

— Вероника, вернись в номер. Прошу тебя, — борюсь с желанием закинуть её на плечо и силой оттащить в грёбаный лифт.

— Ладно, — выдыхает жаром, и только теперь я ощущаю капли пота на своём лице.

В номере пахнет хвоей и прохладой, как будто после дождя. После грозы и урагана.

— Садись, — указываю Веронике на постель, но она меня совсем не слушает.

Мнётся у двери, потирает раскрасневшееся запястье и посылает в мою сторону взгляд-проклятье. Ей-богу, дикая кошка, случайно залетевшая в жилой дом. Испуганная и свирепая, с вздыбленной шерстью на холке и взглядом, полным отчаяния.

— Вероника, я не трону тебя! — обещаю тихим шёпотом.

Волкова медленно качает бёдрами, туго запечатанными в дорогое платье, и, устало выдохнув, садится на мятые простыни рядом со мной.

— Я не собираюсь с тобой разводиться, — начинает она, всё ещё потирая своё раскрасневшееся запястье.

Какого чёрта на меня нашло, что я вдруг позволил себе так обращаться с девушкой?! Тем более, с матерью моего сына, с законной женой! Укол совести ощущаю физически, покалывает в грудной клетке.

— Прости, — бросаю взгляд на её руки, и тут же поднимаю его.

Впечатываюсь в её лицо с подтёками от туши для ресниц.

— Ты меня очень напугал, — мямлит. — Как в начале года, когда получил приглашение на свадьбу от бывшей.

В памяти обрывком всплывает раздавленный в ладони бокал и алая струя тёплой крови, приснувшая фонтаном на белую рубашку.

— Ника, скоро Новый год. Отпразднуем его вместе, в семейном кругу?

Улыбается на мои слова. Мягко и ласково.

— У тебя правда проблемы на работе?

— Такие, что тебе и не снилось, — закрываю глаза.

Проблемы на работе — большая тема.

— Без поездки в Швейцарию не обойтись?

Качаю головой. Даже глаза не открываю. В сознание вновь впивается график с линиями, стремительно ползущими вниз.

— Я хочу поехать с тобой. Возьмём Олесю и Максика. Проведём время вдвоём, пока наш малыш побудет с няней.

Вероника многообещающе кладёт свою холодную ладонь на мою руку, отчего я резко распахиваю глаза. Её губы совсем близко, перепачканные розовой помадой и пересохшие от волнительного ожидания.

— Моя милая девочка, — пальцами свободной руки осторожно касаюсь её лица, будто делаю это впервые.

Бархатистая нежная кожа на её щеках вспыхивает ярким румянцем.

— Я ведь люблю тебя, Стёпа. А ты... — прикрывает глаза, и на её лицо падает тень от длинных ресниц. — Ты мне больно делаешь. Почему нельзя было всё сразу рассказать? Про работу, про проблемы! Я бы поддержала тебя!

— Я очень злился от собственных мыслей. Мой психолог сказал, что наилучшим выходом из положения будет оградить тебя от себя.

— Ты злился из-за работы? — уточняет осторожно, и трётся о мою тёплую ладонь своей холодной щекой.

Я словно дикую кошку приручил. Вот она — домашняя стала. Ластится ко мне и внимания требует, и шерсть больше не дыбом, и взгляд шальной как ветром сдуло.

— Не только из-за работы.

— Из-за того, что я Константина в гости позвала? Ты всё ещё думаешь, я могу тебе изменить? — ошарашенно отстраняется.

— У меня был горький опыт...

— И ты решил, что я такая же, как твоя бывшая? — заводится с полоборота.

— Я так не думаю, — отсекаю.

— Ладно, Стёпа, — раздосадованно шелестит. — Спокойной ночи! Я поеду к сыну.

Встаёт грациозно и, также медленно и волнующе, идёт к выходу из номера.

Как только дверь за Вероникой закрывается, я падаю назад. Чувствую под лопатками мягкую кровать, на которой мы вполне могли бы заделать второго ребёнка. И горько от этой мысли.

Из-за проблем на работе я вовсе забыл, что у меня есть мужские потребности.

И вспомнить о них сейчас — одно из худшего, что могло случиться.

21

Вероника

Чемоданы собраны и уже убраны в огромный багажник чёрного внедорожника. Назад пути нет.

Зачем я вообще всё это придумала?

На улице гололёд. Вчера днём всё таяло и плыло, а сегодня ударил колючий мороз.

Осторожно сажаю в детское кресло Максимку, завёрнутого в зимний комбинезон.

Сынок выразительно смотрит по сторонам, рассматривая окружающий мир.

— Снег идёт! Скоро Новый год, Максик. Дед Мороз обязательно принесёт тебе подарки! — рассказываю себе под нос, пристёгивая ремни безопасности на кресле сына.

Обнимаю Лизу, слишком сильно и нервозно.

— Вероника Алексеевна, вы чего это? — непонимающе хмурится домоправительница.

— До свидания, мои хорошие! Я буду по вам скучать! — следом за Лизой в мои объятия попадает хрупкая уборщица Настя.

Ладони потеют и краснеют от всколыхнувшихся нервов.

— Счастливого пути! — Виктор мнётся рядом со своей внучатой племянницей, мямлит себе под нос.

Я обхватываю его и сжимаю так, что позвонки хрустят.

Всю ночь меня мучали кошмары.

Я не могла уснуть, долго ворочалась, представляя себе предстоящий перелёт. Если огромная железная птица рухнет с высоты на землю, то этот день станет моим последним. И от этой мысли меня мучает жажда. Я отпиваю из бутылочки прозрачную воду, прочищаю горло и смотрю на Олесю.

Няня мирно стоит возле машины. По её выражению лица не скажешь, что она взволнована.

Видимо, только я так сильно боюсь летать.

— Ну всё, Вероника, поехали! — Стёпа торопит меня, распахивая дверь тачки.

Я даже маме не стала говорить о том, что куда-то собралась лететь. Да ещё и с маленьким ребёнком! Она бы вся моментально покрылась сединой от волнения. Да я и сама вот-вот поседею!

Сажусь в машину, пару секунд рассматриваю собственные руки, будто вижу в них нечто интересное. Сплетаю пальцы между собой и поднимаю глаза.

— Вы никогда не летали? — осторожно осведомляется Олеся, заведя моё волнение.

— К сожалению, нет, — отзываюсь тихо.

— Ника, тебе нечего бояться, — встречает Волков, а у меня от его электрического голоса пот бежит по спине.

Уж успокоил, так успокоил...

Внедорожник плавно въезжает на территорию аэропорта после нескольких изнурительных часов в пути. Самолёты стоят в ряд, блестят на морозном солнце отполированными крыльями. А у меня вновь подлые змейки из неприятных мыслей в голове выются.

— Добрый день, Степан Ефимович! Вероника Алексеевна! — мужчина в форме встречает нас у машины, учтиво улыбается и головой кивает. — Ваш самолёт уже готов!

Кажется, всё пространство вокруг пропиталось моим страхом. Я лихорадочно смотрю на Волкова, раскинувшегося в кресле напротив. Олеся сидит справа от нас на соседних креслах, расплывается в довольной улыбке при взгляде на Максика.

— У нас опытный пилот, Ника. Он меня уже сто раз возил по миру. Расслабься. Смотри в окошко и дыши полной грудью.

Было бы всё так просто!

В горле пересохло, и мои попытки набрать в лёгкие побольше воздуха оборачиваются

сильным кашлем.

— Может, воды? — Олеся смотрит на меня в упор, не мигая.

— Вероника, ты очень бледная, — шепчет Стёпа.

Сознание шатает, будто маятник, и перед глазами скачут тёмные пятна.

— Всё нормально, — успеваю пробормотать, прежде чем пилот даёт команду на взлёт.

Закрываю глаза и зажмуриваюсь, сильно вцепившись ногтями в кожаное кресло.

Частный самолёт — это круто. Наверно. Я не могу оценить всей обстановки, потому что страх связал меня невидимыми путами.

— Вероника, посмотри уже в окно! Красота! — голос мужа эхом врывается в сознание.

И я осторожно наклоняю голову к иллюминатору, сильнее сжав пальцы на подлокотниках. Далеко внизу остался город, его видно весь, как на ладони. Заворожённо замираю, даже моргать не хочу.

— Обалдеть! — шепчу одними губами.

— Когда я впервые увидела вид из иллюминатора самолёта, сразу же захотела стать либо лётчицей, либо стюардессой, — делится с нами Олеся.

— Так что же помешало? — беспечно вступает в диалог Стёпа.

— Не знаю, — пожимает плечами. — Это была детская мечта.

Я шумно выдыхаю, устремив взгляд на мужа. Мне не нравится, когда он общается с другими женщинами, и я всем своим негодующим видом даю это понять.

— А вы, Степан Ефимович, кем мечтали стать в детстве? — продолжает няня, скосив уголок губ в подобие улыбки.

— Даже не знаю. Моя жизнь с самого рождения была predetermined. Мечтать было некогда.

— И всё же? — Олеся выразительно изгибает бровь.

— Хм, — Стёпа по-хозяйски откидывается на кресло и задумчиво трёт подбородок. — Была у меня безумная тяга к сладкому. Давно, когда мама была жива. Она учила меня печь круассаны и пончики. Какое-то время я даже грезил карьерой кондитера.

— Почему ты мне про это никогда не рассказывал? — судорожно выдыхаю воздух.

— Не знаю. Мы с тобой не обсуждали такие вещи, — пожимает плечами.

Возвращаю растерянный взгляд в иллюминатор, за которым сгустились воздушные замки, и даже не могу насладиться красотой природы. Пульс стремительно набирает обороты.

— Степан Ефимович, а вы не думали открыть кондитерское кафе в память о маме? — Олеся лезет в личное и сокровенное, и я едва заметно напрягаюсь.

Ну давай же, Стёпа, покажи свои колючки!

— Была такая мысль, тоже довольно давно. Я поделился задумкой с отцом, и он отговорил меня. — Говорит на удивление спокойно.

— Грустно, — Олеся выдаёт сопереживающую гримасу.

— Возможно, когда-нибудь я открою сеть кондитерских в честь памяти о моей матери. Спасибо, Олеся, что напомнили мне об этом желании.

Мои глаза сейчас на лоб ползут от шока. Волков ни с кем никогда не обсуждает эту тему. При упоминании о том, что он когда-то был маленьким мальчиком из полноценной семьи, обычно у него на лбу выступает сетка мимических морщин и венка на шее начинает дёргаться. А тут ещё и "спасибо".

Я молчу. Напряжённо выслушиваю милую беседу мужа с няней, залипая в окно. Солнце

медленно опускается за облака, озаряя горизонт красным свечением. С самолёта закат смотрится по-особенному великолепно. И я даже на какое-то время расслабляюсь, забывая о проблемах, гложащих меня на протяжении трёх месяцев.

Но стоит только пилоту вывести железную птицу на посадку, я вновь вспоминаю о своей реальности, и в глубине души зарождается надежда.

Швейцария изменит всё!

Мы с Волковым побудем вдвоём, погуляем по заснеженной Женеве, поужинаем где-то в кафе, обсудим всё, что накопилось за этот чёртов месяц. Раскроем друг другу души, обнажим их. Чтобы секретов и недомолвок больше не было.

22

Степан

— Завтра сложный день, Вероника, — осторожно касаюсь плеча жены.

Волкова стоит у зеркала в одном полупрозрачном халатике и расчёсывает густую прядь золотистых волос. От моего прикосновения Ника вздрагивает и застывает, а я невольно притягиваю её спиной к себе. Её лопатки ударяются о мою грудь. Втягиваю запах её волос и мучительно закрываю глаза. Сладкая и пьянящая. Всё ещё моя, но отделившаяся настолько, что я позабыл, чем пахнет родная женщина.

— Стёп, спать пора, — откладывает расчёску на столик и ловит мой сосредоточенный взгляд в отражении зеркала.

— Ничего поинтереснее ты мне не предложишь? — скольжу пальцами по её бархатистой коже, убирая волосы в сторону и оголяя длинную шею.

Целую с трепетом и осторожностью, оставляя мокрый след. С надеждой наблюдаю за волной мурашек, покрывшей её кожу.

— Стёпа, завтра сложный день, — натянуто улыбается и отстраняется, передразнивая меня моей же фразой.

Ника буквально испаряется из моих рук, забирая с собой тонкий пленительный запах.

Выходит из ванной комнаты, хлопнув дверью.

А я смотрю на своё отражение. Долго и пристально.

Моя жена мне не даёт!

И эта мысль вновь волочит за собой подозрения и сомнения.

Раз мне не даёт, значит, трахается с кем-то другим.

Руки невольно сжимаются в кулаки.

Я что, похож на приманку для гулящих женщин?

Умываюсь холодной водой, чтобы привести мысли в порядок, и выхожу в просторный номер отеля. Максим спит в детской кроватке, мирно и безмятежно. Сынок вообще проспал большую половину дня, бодрствуя только во время приёмов пищи, и я уже начал бояться, что нас ждёт бессонная ночь.

Но всё обошлось.

Вероника лежит в кровати, завернувшись в лёгкое одеяло. Её соблазнительный силуэт под тонкой тканью так и манит, но я уверен, что даже пытаться проникнуть в её трусики нет смысла. Непрístupная крепость! А взять её штурмом — ниже моих принципов.

Ранний подъём сказывается на моём самочувствии. Я рассеян и разбит. И взбодрить меня не может ни крепкий кофе, ни плач малыша.

Вероника меняет памперс Максимке и принимается громко отсчитывать количество ложек смеси.

— Хорошего дня, — бросает дежурно, даже на меня не посмотрев.

— Прогуляйтесь сегодня с няней, развейтесь. Я пополнил твою карту, — также буднично сообщаю я и прохожу к выходу из номера.

Оборачиваюсь.

Ника уже сунула Максимке бутылочку, уложив сыночка на бочок. Забавное чмокание расплзается в тишине, и я невольно застываю в дверях.

Я уже забыл, какие на вкус губы у моей жены. Подхожу семимильными шагами к Волковой, хватаю за затылок и заставляю заглянуть в мои глаза.

— Стёпа, ты чего..? — шепчет.

А если бы не было ребёнка рядом, скорее всего взвизгнула бы от неожиданности.

Впиваюсь в её губы яростно и жадно, чтобы убедиться, что моя Канарейка всё такая же сладкая на вкус. Углубляю поцелуй, и Ника реагирует: дышит тяжело и тонкие пальцы запускает мне под пиджак.

Отрываюсь, оставляя на её губах след.

— Стёпа, — в голубых глазах образуется тёмная бездна.

— Я люблю тебя, — нежно касаюсь губами её щеки.

— И я тебя... тоже... — смотрит с лукавым прищуром. — Может, побудем вдвоём сегодня вечером?

Ах, какой тонкий намёк!

— Теперь я ещё больше буду спешить к тебе, — улыбаюсь.

— Тогда до вечера, любимый!

А вот поцелуй, страстный и волнительный, бодрит. И обещание, данное женой, заряжает позитивом. Поэтому к швейцарцам я приезжаю с позитивным настроением, хотя и понимаю, что от сегодняшней сделки будет зависеть судьба всей моей корпорации.

— Степан Ефимович, доброе утро! Рад вас видеть! — Доминик Амьель встречает меня в переговорной.

Темноволосый мужчина с хитрыми прищуренными глазами хищника и носом, как у орла, раскинулся в кресле директора.

— Доброе утро, — натягиваю улыбку, которая даётся мне с трудом.

Я ожидал, что буду вести переговоры непосредственно с управляющим компанией, а не с Домиником, у которого статус гораздо ниже.

— Начнём, — жестом предлагает мне занять кресло напротив.

И мне ничего не остаётся, как отключить эмоции и взяться за работу с чистыми мыслями. Но обсуждение дальнейшего сотрудничества Доминик прерывает неожиданным вопросом:

— Как поживает ваша супруга?

Внутренне меня передёргивает, но внешне я сохраняю хладнокровное спокойствие.

— Всё прекрасно. Вероника прилетела вместе со мной.

Замечаю любопытную ухмылку собеседника.

Амьель ставит локти на стол и скрещивает пальцы.

— Так значит, вы, господин Волков, женились на малявке — помощнице? Думал, это только слухи.

— Женился, — коротко киваю. — Я её безумно люблю.

Перед глазами почему-то проплывает картинка из прошлого, когда Доминик слишком многое себе позволил! Он касался тела моей Вероники, когда та грохнулась посреди зала

переговорной, рассыпав документы по полу. Мурашки пробегают по спине.

Доминик хитро улыбается, и взгляд его меняется. Искрится. Точно также он смотрел на Веронику в тот день. Жадно, липко, поглощающе.

Нет, он не на орла похож. На коршуна!

На вечере, устроенном в честь подписания контракта, Амьель спрашивал у меня про Веронику, пытался прощупать почву. Свободна ли она, давно ли работает на меня, есть ли у неё мужчина? Я быстро сообразил, что им движет спортивный интерес. Он просто решил поиметь женщину из России, тем более Ника видная, статусная. Такую грех не захотеть.

Тогда я обрубил этому коршуну крылышки, чётко обозначив, что Канарейкина принадлежит мне во всех смыслах. И Амьель отстал.

Но сегодня его нездоровая улыбка и чокнутый блеск в тёмных глазах вновь выводит меня из равновесия.

— Слышал, что вы стали отцом. Мои поздравления! — Доминик вновь скашивает уголки губ.

Улыбка у него выходит пугающая и злобная. И в кабинете повисает тишина, вязкая и густая. Слышно, как тикают настенные часы, отсчитывая секунды, но я молчу. Смотрю на швейцарца с ледяными глазами в упор. Буравлю его тяжёлым взглядом.

— Продолжим обсуждение сделки, — наконец начинаю я.

В этот раз игра ведётся не по моим правилам. Швейцария выдвигает условия, и я должен быть крайне осторожен. Потому что не могу дать моей корпорации обанкротиться, не хочу лишать столько людей работы.

— Знаете, Степан Ефимович, есть кое что, что помогло бы вам продолжить сотрудничество с нами, — Амьель начинает издали, но я уже чувствую неладное.

— И что же это?

— Ваша жена. Я хочу провести с ней вечер! И тогда наше сотрудничество может быть продолжено.

Совсем ахринел?

Руки бесконтрольно сжимаются в кулаки, фаланги пальцев белеют.

— Нет. Это не обсуждается!

Вероника только моя! Я не позволю какому-то коршуну проводить с ней время.

Доминик тяжело вдыхает наэлектризованный воздух и нарочито шумно выдыхает:

— Это единственное условие. И мы сможем продолжить работу по прежнему договору. Вы выйдите сухим из воды.

— Боюсь, что моя жена не захочет провести вечер с вами.

— А вы подстройте. Обещаю, что без согласия вашей жены я и пальцем её не трону.

Глаза застилает кровавая пелена. Я готов прямо сейчас схватить наглеца и выпотрошить его тело, пропустить через мясорубку, чтобы все его кости с хрустом сломались.

— Если я получу отказ, то и вы тоже, — Доминик усмехается и отодвигает от себя папку с документами.

— Что вы собираетесь делать с моей женой? — ревностно хриплю.

— Ничего противозаконного. Просто ужин и прогулка. Покажу ей Женеву. И если Вероника не захочет большего, то я отпущу её домой.

Это должен быть наш вечер. Её и мой.

Хочется потереть виски, потому что голова вот-вот расколется.

Люди останутся без работы. Отец будет в ярости.

Всё смешалось и запуталось. Без сотрудничества со Швейцарией корпорация Нефть "ВЕС" потеряется на рынке, останутся от неё только руины. Всё, что так долго возводил мой отец утонет, подобно Атлантиде.

И я не могу этого допустить.

Но и свою жену отдать на растерзание коршуну не могу.

23

Вероника

— Олеся! — окликаю нянечку, которая непринуждённо болтает с мужчиной за столиком в кафе нашего отеля.

— Да, Вероника Алексеевна! — оживляется и бежит в мою сторону.

— Уложи Максима спать, — отдаю ей ребёнка.

Олеся за это время показала себя хорошо. У неё действительно замечательно получилось найти общий язык с малышом.

И не только с малышом.

Мужчина, с которым она общалась, провожает её жадными глазами.

А я лишь морщусь и прохожу к барной стойке, чтобы заказать себе апельсиновый фреш.

Сегодня очень важный день. Он должен вернуть наши со Стёпой тёплые взаимоотношения, которые были до рождения сыночка. И я очень надеюсь, что именно сегодняшний вечер станет самым волшебным из всех, что когда-либо были. Зимняя Женева с уютными домиками, построенными чётко в длинные ряды, узорчатые фонари и дух приближающегося Нового года — всё это создаёт особенную сказочную атмосферу, заставляющую широко распахивать глаза и верить в чудо.

Однажды чудо уже случилось: сам Волков влюбился в меня! В девушку, которая ни о чём не мечтала и звёзд с неба не ждала. И я уверена, что это волшебство продолжится, как только я войду в ресторан.

Стёпа прислал романтическую записку с адресом. У меня есть ещё полтора часа, чтобы подготовиться.

Поэтому в номере я быстро принимаю душ и надеваю чёрное кружевное бельё. Пару секунд рассматриваю своё отражение в зеркале, прежде чем натянуть чулки и чёрное платье в обlipку.

Образ получается дерзким и смелым. Пока подкрашиваю глаза, только и делаю, что тону в вязких обволакивающих мыслях. Стёпа будет медленно расстёгивать молнию этого платья, ласкать мои обнажённые плечи своими сильными ладонями. Его горячие губы оставят след на бархатной коже, обжигающий и многообещающий. Томно вздыхаю, продолжая утопать в мечтах.

Мне не терпится быстрее оказаться рядом с мужем.

Тело покрывается мурашками, жар трогает спину. Невольно вспоминаю с каким напором Волков поцеловал меня с утра, заставив на долю секунды лишиться рассудка.

Жаркий шар разгорается внутри меня, внизу живота появляется осязаемое тянущее чувство возбуждения.

Наношу на губы прозрачный блеск и спешу к выходу, захватив с собой белоснежную шубку. Меня уже ждёт машина у выхода из отеля.

Всю дорогу меня не покидает волнение. Я как будто иду на первое свидание!

Стёпа заказал столик в одном из лучших ресторанов Женевы. Как только вхожу в просторное помещение, тут же слышу тысячи приятных запахов. Меня встречает девушка —

администратор с глубокими серыми глазами. Я заслушиваюсь её низким голосом, говорящем на немецком языке.

Звучит пугающе.

К тому же, я не слова не понимаю. Стёпа сказал, что мне достаточно будет называть мою фамилию, и администратор сразу же отведёт меня к столику.

— Вероника Волкова, — трусливо бормочу я в ответ на пламенную долгую речь.

Девушка широко улыбается, оголив ровный ряд белоснежных зубов, вновь громко и грубовато трещит на немецком и жестом указывает следовать за ней.

Я попутно засматриваюсь на интерьер. Стены из белого камня, множество пейзажей с горами и тёмными реками, декоративные лампочки с рыжим тусклым свечением и тёмная лаконичная мебель. Нет шика и богатства, всё довольно просто.

И я в своём чёрном платье не очень-то вписалась.

Администратор указывает мне за столик, и я тут же застываю.

Тёмные знакомые глаза смотрят на меня с любопытством, скользят по моей фигуре, будто вот-вот сожгут к чертям это неуместное платье.

— Это какая-то ошибка, — выдыхаю я, растерянно хлопая ресницами.

К сожалению, администратор не понимает мой русский.

— Вероника, добрый вечер! Меня зовут Доминик Амьель, мы с вами встречались год назад...

— На подписании договора в корпорации Нефть "ВЕС", — завершаю фразу.

Мужчина с орлиным носом, который помог мне встать с пола и собрать документы в тот день.

Конечно, я его узнала.

Что он тут делает?

— Присаживайтесь, госпожа Волкова, — швейцарец тут же поднимается с места и отодвигает для меня кресло.

И мне ничего не остаётся, как подчиниться.

Волна негодования хлещет по сознанию, словно розгами по обнажённой спине.

— Вы, наверно, удивлены?

Не то слово!

— Дело в том, — продолжает Доминик не сводя глаз с моих обнажённых ключиц. — Дело в том, что господин Волков подарил мне вечер с вами.

— Что? — срывается с губ с обидой и гневом.

24

Щёки моментально начинают пылать. Меня накрывает дикое отвращение и желание незамедлительно покинуть это заведение.

Стёпа подарил вечер со мной другому мужчине.

Это просто возмутительно!

Заснеженная Женева, ужин вдвоём, ощущение сказки... я мечтала, что мы проведём время вместе. С трепетом собиралась на свидание. А Волков просто перечеркнул мои планы!

— Вероника, я заказал для вас лёгкий овощной салат и красное вино, — Доминик глаз с меня не сводит.

Лапает взглядом.

— Перестаньте смущаться, госпожа Волкова. Это просто ужин! — швейцарец самоуверен и расслаблен.

А я сижу, как на иголках.

Ох, дорогой Доминик Амьель, я вовсе не смущаюсь. Я В ГНЕВЕ!

— Почему Стёпа так поступил? — откидываюсь на спинку стула и закидываю ногу на ногу.

— Я не знаю, — пожимает плечами и сужает глаза в хитром прищуре.

Всё он знает!

Стоит только мне добраться до мужа, я сразу же покажу ему, где зимуют раки! Степан отхватит от меня порцию громких ругательств, и, уверена, запомнит этот вечер надолго.

А сейчас мне нужно успокоиться. Я жена миллионера, и я обязана держать лицо в любой ситуации. Даже в другой стране меня могут преследовать папарацци.

Сфотографируют меня с этим швейцарцем и напишут всякие гадости.

Делаю глубокий вдох и шумно выдыхаю.

Официант приносит вино и салат.

— Знаете, Вероника, вы ведь мне сразу понравились. Я был разочарован, что вы не присутствовали на праздничном ужине после подписания договора! — признаётся Амьель, и я мысленно закатываю глаза.

Стёпа не разрешил мне пойти, потому что приревновал. А сейчас сам отдал меня в лапы этому мужчине!

— У меня были дела, — отмахиваюсь.

— Расскажите мне о себе, — Доминик улыбается.

Ох, как же хочется повыбивать ему все отбеленные идеальные зубы.

— Что вам обо мне интересно?

— Всё, — выдыхает с хрипотцой. — Кем вы работали перед тем, как попали в корпорацию к господину Волкову?

— Официанткой, — усмехаюсь.

Доминик настороженно хмурится. Не верит.

— Я говорю правду, — насаживаю на вилку помидор из своей тарелки. — Я жила с матерью, страдающей алкоголизмом, зарабатывала копейки и тянула всё на себе, а Стёпа вырвал меня из привычной нищеты и поселил в сказке.

— Удивительно, — лицо Доминика выразительно вытягивается. — Я сразу почувствовал родственную душу. Теперь знаю, что не ошибся.

— О чём вы?

— Я родился в России. Родная мать умерла при родах, биологический отец от меня отказался. Я попал в детский дом. Первые одиннадцать лет своей жизни я хотел бы забыть.

По моим рукам скользят мурашки от такого признания, а Амьель приобретает в моих глазах совершенно другой вид. Нет больше облика мерзкого мужчины, который откровенно раздевает меня взглядом.

— Как вы оказались на вершине жизни? — спрашиваю тихо, чтобы скрыть неожиданно возникшую дрожь в голосе.

— Меня усыновили, когда мне было двенадцать лет. У приёмных родителей было всё: высокооплачиваемые работы, перспективы, сильная и крепкая любовь. И страшный диагноз на двоих: бесплодие.

— У обоих?

— Да.

— Это очень... необычно, — мысли спутываются, и я не знаю, какие слова подобрать.

Я вообще не знаю, о чём можно говорить с Домиником.

У меня должен был быть романтический ужин с мужем, а я вынуждена краснеть перед швейцарцем и фильтровать свою речь, чтобы не задеть чувств чужого мне мужчины.

— Я слышал, что вы волшеббно поёте! — Амьель резко вскакивает с места, чем пугает меня. — Поэтому я приготовил для вас подарок!

Машет рукой, будто подзывает кого-то к себе.

— Вы же любите музыку, Вероника? — взгляд его снова становится липким.

Ещё и странная улыбка на лице вводит меня в ступор. Могу только кивнуть в ответ.

Нужно расслабиться и перестать мысленно проклинать Волкова.

Осторожно беру красивый фужер с вином и делаю глоток. Вкус яркий и неожиданно приятный. Терпкое ягодное послевкусие моментально кружит голову.

К нам подходит миловидная девушка в нарядном розовом платье. Тонкими руками она обнимает скрипку, пару секунд смотрит на меня и, как только Амьель кивает ей, она начинает скользить смычком по струнам, заставляя музыкальный инструмент выдавать сказочную мелодию. Дух захватывает от волшебного звучания скрипки, а на руках волоски встают дыбом.

Я делаю ещё один глоток терпкого вина, прикрыв глаза от удовольствия.

Конечно, я бы хотела, чтобы такой сюрприз мне устроил родной муж, а не Амьель.

— Свееет озарил мою больную душу, неееет, твой покой я страстью не нарушу! — Доминик резко начинает петь, и я вздрагиваю.

Такого я не ожидала!

Мысли о том, что я хочу такой сюрприз от Волкова, тут же отлетают. Если бы Стёпа заголосил вот так же, на весь ресторан, я бы со стыда сгорела.

Впрочем, я и так ощущаю прилив жара к лицу!

— Брееед, полночный бред терзает сердце мне опять. О, Эсмеральда, я посмел тебя желать! — швейцарец продолжает голосить, между делом дотрагивается холодной ладонью до моего плеча.

Слишком личный жест.

Обвожу взглядом соседние столики. К моему великому несчастью посетители с нескрываемым любопытством глядят на нас. Точнее, на Доминика, который буквально растворился в музыке. Он будто находится на сцене и играет роль Горбуна в известном мюзикле. Глаза его прикрыты, правая рука театрально приложена к сердцу.

— Мой тяжкий крест — уродства вечная печать, я состраданье за любовь готов принять! — сжимает руки в кулаки и эмоционально жестикулирует.

А поёт Амьель, нужно признать, не плохо. Только вот странный выбор композиции, да и место для исполнения серенады неподходящее.

Интересно, нас не выгонят из ресторана?

— Нет, горбун отвержен и с проклятьем на челе, я никогда не буду счастлив на земле! — раскрывает глаза и прожигает ими меня.

Скрипка умолкает, и я готова благодарить и небеса, и самого Доминика за то, что он не стал продолжать песню до конца. Финальная фраза "Я душу дьяволу продам за ночь с тобой" из уст швейцарца довела бы меня до ручки.

— Вам понравилось, Вероника? — настойчиво интересуется Амьель.

— Да, очень понравилось, — губы вздрагивают в нервной улыбке.

— Я могу продолжить!

— Нет, нет! — вскрикиваю и тут же прикусываю язычок. — Доминик, вы прекрасно поёте. Спасибо вам за такой сюрприз!

25

Степан

Алкоголь кружит голову. С пренебрежением осматриваюсь и выдыхаю раскалённый воздух.

Я сам, своими собственными руками, отдал свою жену проклятому коршуну, а теперь в мозге кишат только поганые мысли. Как тараканы скрежещут лапками, заставляя рассудок шелестеть от представлений самого худшего. Вероника — ангел! Она не станет флиртовать со швейцарцем и тем более не позволит ему ничего гнусного и мерзкого.

Но, что если..?

Сильно сжимаю в руке стакан с коньяком и глаза застилает кровавая злоба. Ника обидеться на меня за мою выходку, устроит мне тотальный вынос мозга. Я постараюсь ей объяснить, что не мог поступить иначе.

Мне дорога моя корпорация. Я ответственен за судьбы людей, которые на меня работают. И это был единственный выход, чтобы оставаться на рынке и не обанкротиться.

Но я жалею, что пошёл на этот шаг: позволил Амьелю провести вечер с моей женой. Собственные мысли невидимыми путами легли по рукам и ногам. Я бессилён в сложившейся ситуации.

— Господин, вы спите? — тонкий голосок Олеси разрезает тишину.

— Нет, — с трудом фокусирую пьяный взгляд на её стройной фигурке, обтянутой шёлковым халатиком.

— Максим Степанович уже десятый сон видит, — улыбается.

А я отворачиваюсь и делаю жадный глоток, обжигающий и горький.

— Ты что-то хотела? — бормочу отстранённо.

— Да, Степан Ефимович, хотела, — Олеся проходит вглубь номера и останавливается у моего стола.

Я слышу её сбившееся дыхание. Буквально чувствую, как учащённо долбит её сердце в груди.

Перевожу взгляд на девушку, стоящую прямо передо мной. В приглушённом свете ночника её кожа выглядит сияющей, будто какие-то масла нанесла на тело. Изящным движением Олеся тянет за пояс халата, и чёрный шёлк падает ей в ноги. Без стеснения и робости она остаётся лишь в чёрных кружевных трусиках.

Закрываю глаза и прикладываю напряжённые пальцы к переносице.

— Что ты делаешь? — негодующий рык разрывает тишину.

— Я хочу вас, господин, — сладостно шепчет. — Неужели я вам не нравлюсь?

Распахиваю глаза и оценивающе скольжу по смуглому телу. Крепкие бёдра, упругая грудь, плоский животик. Идеальная. Молодая и красивая.

— Не нравишься, Олеся, — выдаю строго и уверенно. — Я женат!

Демонстративно показываю шалашовке своё кольцо на безымянном пальце, и её губки начинают припадочно дрожать.

— Вероника Алексеевна ни о чём не узнает, — шепчет, пряча обиду.

— Пошла вон! — вновь отворачиваюсь от обнажённого тела и недовольно морщусь.

Держать себя в штанах очень сложно, но только когда дело касается Вероники. На всех остальных смотреть не могу.

— Но, Степан Ефимович, я... я... — давится словами, голос срывается в истеричные всхлипывания.

— Олеся, если ты быстро оденешься и скроешься в туман, то я сделаю вид, что этого инцидента не было. Но если ты продолжишь попытки соблазнить меня, то мы попросаемся навсегда.

— Хорошо, — цедит сквозь зубы.

Разозлилась.

А на что она рассчитывала?

Быстро поднимает свой халатик и накидывает его на голые плечи, дрожащими пальцами завязывает пояс и, вытирая слёзы, спешит к выходу из номера.

Как только няня касается дверной ручки, на пороге резко и неожиданно появляется Вероника.

Вижу, как жёнушка недоумевающе осматривает Олеся с головы до ног, будто сканирует.

— Что случилось? — Ника растерянно смотрит на заплаканное лицо нянечки, а потом переводит взгляд на меня.

Пожимаю плечами.

— Всё хорошо, Вероника Алексеевна, — Олеся шмыгает носом. — Просто меня бросил мой интернет — бойфренд. И мне было так плохо, что я... я думала, что в вашем номере есть спиртное.

— Что? Ты собиралась выпить в тот момент, когда я доверила тебе своего ребёнка? — Волкова вспыхивает.

Тот случай, когда хотела выкрутиться, но закопала себя ещё глубже.

Невольно усмехаюсь, пряча улыбку в кулак.

— Олеся, это очень непрофессионально! — железный тон и ни одной эмоции на лице.

Вероника изменилась в браке. Холодная стала, надменная.

— Простите, госпожа! Такого больше не повторится.

Вероника смотрит на меня, будто ожидает моей реакции. И я поднимаю стакан с коньяком и дерзким глотком выпиваю до дна.

— Олеся, пойдём поговорим, — Ника покидает номер, нарочито громко хлопнув дверью.

26

Вероника

Вечер, проведённый со швейцарцем Домиником, помог мне на время расслабиться и забыть, что моя жизнь в какой-то момент превратилась в череду однотипных дней. Я существую где-то между сменой очередного памперса и переживаниями за наши с Волковым отношения.

Я молодая женщина, которой нужен рядом живой муж, а не призрак, приходящий раз в месяц! И если Стёпа не понимает, что я нуждаюсь в ласке и понимании, то лучше всего поставить точку. Разорвать этот чёртов брак.

После прогулки по сказочной Женеве и долгих рассказов Доминика о швейцарских легендах, я возвращалась в номер с полной уверенностью, что закачу скандал мужу. Вообще это не в моём стиле, я мягкая и понимающая, но не сегодня!

И, как кстати, под горячую руку подвернулась няня. Да не просто подвернулась, а нагло попала мне на глаза в полуобнажённом виде, выходя из номера моего мужа. Скользнула

брезгливым взглядом по её длинным ногам и тонкой талии, подчёркнутой наспех затянутым поясом откровенного халатика, и пульс завибрировал в ушах. Сердце словно кипятком ошпарилось и перестало биться.

— Олеся, пойдём поговорим, — выхожу вслед за молодой женщиной в длинный коридор.

— Да, Вероника Алексеевна, — выдавливая улыбку, а у самой глаза на мокром месте и губы дрожат.

Я вздыхаю и смягчаюсь. Не могу я быть такой же, как все эти пафосные жёны миллионеров. И да, пусть осознание ситуации медленно накрывает меня, я не устрою няне допрос с пристрастием.

— Олесь, ты же понимаешь, что алкоголь тебе не поможет? Что за парень такой тебя бросил, раз ты напиток решила? — пропускаю все свои подозрения мимо.

— Он... красивый, умный, сильный... — шепчет, закрыв глаза.

— Всё образуется. Если тебе плохо и ты хочешь побыть одна, то я заберу Максимку.

— Максим Степанович уже спит, не стоит его тревожить, — головой качает и в глаза мне не смотрит.

— Олесь, — делаю шаг в её сторону и касаюсь пальцами холодной руки. — Ты же умная женщина. И сильная.

— Д-да. Вы правы! — смахивает слёзы. — Всё будет так, как я хочу.

Улыбка, мельком скользнувшая по её лицу, выбивает мне почву из-под ног. Слишком самоуверенная и открыто намекающая на что-то.

На что? Не знаю.

— Ты точно в порядке? — спрашиваю, потому что боюсь оставлять ей ребёнка на ночь.

Да, это её работа. И Олеся ни разу не накосячила, всё выполняла профессионально. Мне даже есть чему у неё поучиться. Но сегодня я не уверена, что няня справится. Уж очень тяжело ей, видимо, пережить финал интернет — романа.

— Я в порядке. Простите, что заставила вас напрячься. Спите спокойно! — как ни в чём не бывало.

— Олеся, — окликаю её, когда та стоит уже у двери в свой номер. — Не запирайся. Я найду за Максимкой минут через двадцать.

— Хорошо, — виновато поджимает губы и скрывается за дверью.

И я остаюсь одна в длинном коридоре из множества закрытых дверей. К выпивающему Волкову идти не хочется, но мы, к великому сожалению, сняли один номер на двоих в надежде, что сблизимся.

Или в эту сказку верю только я?

Неохотно распахиваю дверь и вхожу. Стёпа так и сидит за столом с обновлённым стаканом янтарной жидкости, поблёскивающей в приглушённом свете ночника. Ровной походной я подхожу ближе и, не церемонясь, сажусь прямо на стол, закинув ногу на ногу. Очень кстати в разрезе платья сверкает резинка чулка.

— Спасибо тебе за этот вечер, Стёпа! Мы с Домиником потрясающе провели время. Я столько нового узнала! И о Женеве, и о Швейцарии в целом. А ты в курсе, что Доминик потрясающе поёт? — провоцирующе заглядываю в мутные глаза Волкова.

— Издеваешься? — выщечивает сквозь зубы, скрывая раздражение.

— Кто издевается, я? — хлопаю пушистыми ресницами, а-ля сама невинность, а потом взгляд мой свирепеет. — Ты сам отдал меня ему!

Шиплю, глядя в насмешливое лицо мужа.

— Он тебе нравится?

Отмечаю пульсирующую вену на шее Волкова. Она, как предохранитель, сообщает лишь об одном — мне пора сбавить обороты.

— Не нравится. Я в бешенстве от того, что ты отдал меня какому-то швейцарцу, будто я вещь! Скажи мне теперь, какова моя цена?

Лицо Стёпы вытягивается:

— Я бы никогда не отдал тебя другому мужчине. Ни-ког-да!

— Ага, — саркастично фыркаю. — А как тогда это называется?

— Вероника, ты не понимаешь...

— А ты объясни! — перебиваю диким взвизгом.

Нас слышит весь отель! Соседние номера точно.

— Я на грани банкротства, Вероника. Я говорил, что у меня проблемы, но не обозначал их масштабов. Ещё месяц-полтора, и корпорацию Нефть "ВЕС" придётся прикрыть. Все люди, которые на меня работают, останутся с голыми задницами!

Я медленно моргаю, складывая детали пазла. Если всё на самом деле настолько плохо, то...

— Ника, мне плевать, что я останусь без золотой жилы. Плевать! Я действую в интересах своих сотрудников. Конечно, большинству из них будет не сложно найти новую работу. Но есть те, кто... кто не найдёт.

Стёпа закрывает лицо ладонью, выдыхает разряженный воздух и встаёт со своего места, оставив стакан с крепким напитком на столе.

— Я очень хочу, чтобы все были счастливы, — выдаёт отстранённо, даже не посмотрев на меня. — Амьель поставил условие. Свидание с тобой в обмен на сотрудничество.

— Ладно. Я действительно не плохо провела вечер.

— Я ведь могу тебе доверять? — а вот теперь взгляд мужа падает на меня. Убийственно тяжёлый, ощутимый физически.

— Ничего лишнего Амьель себе не позволил, — выговариваю спокойно и тихо. — Ты же знаешь, что я тебя люблю. Мы семья.

— Последнее время от семьи у нас только штампы в паспорте, — Волков подходит ближе, и я чувствую запах алкоголя. — Вероника, завтра я перезаключу договор, мы вернёмся в Россию, и там у нас будет настоящее свидание. Я тебе обещаю!

— Нужно начинать подготовку к Новому году! Давай всех соберём? Моих родителей и твоего отца пригласим?

— С отцом сейчас некоторые недопонимания. Его я звать не хочу.

Расстроено вздыхаю и спрыгиваю со стола.

— Я за ребёнком, — выдавливаю улыбку и поспешно направляюсь к выходу.

27

Вероника

Дома нас встречают все: Настя с Виктором, Лиза и два человека из охраны.

Будто мы никуда и не улетали.

— Привет, мои хорошие! — вновь обнимаю персонал, как родных.

За год я очень сильно к ним привыкла. Каждый из них для меня особенный, по-своему дорогой.

— Вероника Алексеевна! Я подготовила вашу комнату. Вы, должно быть, устали с

дороги? — Настя обнимает меня в ответ с искренней улыбкой.

— Устала. Но мне не до отдыха. Я хочу поехать к родителям.

Уже через два часа я и Максимка подъезжаем к центру города. Многоэтажка, в которой теперь живёт моя мама с дядей Петей, совершенно новая и свежая. И район приличный! Тут и с коляской без охраны гулять не страшно, однако Волков настоял, чтобы я взяла с собой одного из телохранителей. И зачем это вообще нужно? Опекает нас, будто мы не в состоянии сами о себе позаботиться. Я всё понимаю, но иногда Стёпа перегибает палку со своим надзором за мной.

— Доченька, милая! — мама выбегает ко мне навстречу из подъезда с распостёртыми объятиями. — Как же давно мы не виделись!

Родительницу не узнать. С тех пор, как она пить бросила, с каждым днём её вид становится всё лучше и лучше. Мама нашла хорошую работу, стала следить за модой. И дядя Петя, между прочим, тоже выглядит гораздо лучше, чем год назад.

— Привет, Верочка! — отчим встречает меня обаятельной улыбкой. Пусть пары зубов и не хватает, но теперь это кажется мне больше милым, чем ужасным.

И это его "Верочка" выворачивает душу от трепета и расплавляющего тепла.

Вот бы бабушка была жива! Вот бы она видела, как я живу!

Баба Аня обязательно бы дала мудрый совет, как мне наладить отношения с мужем. Вот кто-то, а бабуля, как ни кто другой, умела давать подсказки и налаживать жизни людей.

Только с одной судьбой она не могла справиться при жизни: мама моя заливала до последнего. Уверена, баба Аня бы гордилась своей дочерью сейчас.

Осматриваю маму с головы до ног, в новой шубке, в красивенькой шапке и чёрных сапожках.

— Ты отлично выглядишь! Красавица! — искренний комплимент вгоняет родительницу в краску.

— А ей тоже самое говорю! Наташ, ты очень красивая! — подхватывает дядя Петя.

— Ой, ну прекратите! Засмущали! — отмахивается и заглядывает в коляску, тут же меняется в лице, расплывается, как масло на горячем хлебе. — А кто это тут у нас такой маленький? А кто это у нас такой розовощёкий?

— Богатырь! — отчим тоже любит внуком.

Ближайший час мы проводим за милой беседой и обсуждением всего на свете. Яркое солнце припекает, и даже не чувствуется, что на улице морозно. Дядя Петя везёт коляску, а мы с мамой идём под ручку.

— Mam, скоро Новый год. Вы с дядей Петей к нам приезжайте. С ночёвкой. Посидим всей семьёй.

— Ой, Вероника! Какая чудесная идея! — радостно отзывается счастливый голос.

О такой семье я мечтала всю жизнь.

Молила небеса, чтобы мама больше не притрагивалась к спиртному, чтобы у неё был хороший любящий муж. А теперь это всё — моя реальность!

Хоть в чём-то у меня всё хорошо.

Стёпа сегодня после прилёта сразу отправился в офис по работе, вновь не обратив на меня никакого внимания. За последние три месяца мы поцеловались один раз! ОДИН! Эта мысль оставляет отравляющий осадок на сердце.

По пути домой я вновь и вновь прокручиваю события, произошедшие в Швейцарии.

Ничего не наладилось.

Наверно, пора взять всё в свои руки. Самой организовать свидание! От Волкова не дождёшься. Я понимаю его. Проблемы на работе действительно серьёзные, глобальные, и решать их нужно незамедлительно, но Стёпа совсем забыл о том, что у него есть семья.

Боюсь впускать в голову мысли, что он может мне изменять. Ну как живой здоровый мужчина обходится без секса?

Телефон вибрирует в кармане куртки, вырывая меня из засасывающей воронки раздумий.

— Привет, Люд! — отвечаю на звонок.

— Ты где? — голос подруги дрожит.

— Была у родителей. Еду домой.

— Ника, — всхлипывает. — Можешь приехать?

— Что случилось?

Сердце становится каменным от недоброго предчувствия. Просто так Люда не стала бы меня беспокоить.

— Приезжай. Я всё расскажу! Я сейчас с ума сойду! — последнюю фразу она выдыхает с такой болью, что у меня ладони потеют.

— Где ты?

— Я в ресторане, где мы раньше работали.

— Жди. Минут через тридцать буду!

28

Вероника

Целую Максимку в пухлую щёчку и передаю его няне.

— Покорми, переодень. Он выспался, нужно расстелить коврик. Пусть учится ползать! — даю указания, запахивая пальто.

Люда, наверно, уже меня заждалась. Как и водитель у входа.

Я долго не могла отыскать Олесю. На звонки она не отвечала, и пока я с ребёнком на руках металась по всему дому, мирно попивала сок сидя у бассейна.

— Ну всё, до вечера. Стёпе скажите, что я уехала к Людке! — прощаюсь с Виктором.

Волков обещался прийти домой после работы пораньше. Нам просто необходимо побыть вдвоём, поговорить. Но я не могу оставить подругу в беде, помня, сколько раз она меня вырочала. Пустила пожить к себе, когда я ушла от мамы и выяснила, что мой парень Влад оказался женатым, давала советы и утешала при любой моей проблеме, даже согласилась пожить вместе со мной в доме у Стёпы, чтобы я не наделала глупостей.

И теперь, когда беда коснулась Людки, я не смогу оставить её одну. Для этого, наверно, друзья и нужны — радоваться друг за друга искренне, без зависти, и помогать в трудную минуту.

В ресторане сегодня многолюдно. Я вхожу сюда, как к себе домой. Столько лет я тут отработала под руководством Змея Шипелкина, считай в рабстве побывала. А теперь я жена владельца!

Улыбка играет на лице от осознания, как круто поменялась моя жизнь. Главное теперь не зазнаться!

Люда сидит в вип — зоне за пятым столиком. Судя по количеству пустых стаканов на её столе, новоиспечённая Медведева уже хорошо пьяна.

— Люда! — подхожу ближе и забираю из её худой руки коктейль.

— Ника! — всхлипывает и встаёт с места, грациозно падает в мои объятия. — Верони-

и-и-ка!

Утыкается в моё плечо и дрожит от слёз.

— Объясни, что случилось? — пульс набирает скорость.

В голову закрадываются самые ужасные мысли, и волна паники уже готова меня захлестнуть. Я никогда не видела свою подружку в таком состоянии. Люда — человек солнышко, всех греет своей улыбкой и весёлыми фразочками. Но сегодня солнца не видно, сгустились мрачные синие тучи.

— Артур... Он... — не отрывается от меня, прилипла лбом к моему плечу.

— Люд, давай сядем. И ты всё расскажешь!

— Вероника, я... мне... — задыхается, заглядывает в мои глаза своими красными и влажными.

— Пей, — сдаюсь и возвращаю подружке её коктейль, наблюдая с мучительным волнением за слишком быстро пустеющим стаканом.

Людка пьёт жадными глотками. Будто это ей поможет!

— Фух! — выдыхает и падает на диванчик. — Ты не представляешь, как мне плохо!

Хватается за голову и глаза закрывает.

— Зачем ты напилась? — интересуюсь осторожно, устроившись напротив.

— Я не пьяная! — бросает на меня растерянный взгляд. — Я просто в шоке!

— Рассказывай всё. Я ничего не понимаю.

— Артур изменяет мне, — звучит брезгливо и сокрушительно.

Я медленно моргаю, стараясь переварить полученную информацию.

— С чего ты взяла?

— Его любовница мне сегодня написала. Вот! — Людка кладёт мне под нос свой телефон с открытой перепиской.

Взгляд цепляется за фотографию Медведева с какой-то блондинкой: их утреннее селфи на постели. Девушка счастливая и улыбается так широко и лучезарно, будто выиграла эту жизнь. А под фото подпись: "Артурик скоро выгонит тебя и женится на мне. Собирай вещи, курица!"

— Я не верю, что Артур тебе изменяет, — перевожу взгляд на бледную Людку.

— Ты дальше пролистай, — фыркает подружка.

"У нас с Артурчиком любовь, а ты мешаешься под ногами!"

"Что молчишь?"

"Если хочешь удостовериться, что Артурик мой, приезжай сегодня к десяти по адресу."

В следующем смс адрес гостиницы.

— Ты звонила Артуру? Спрашивала про его планы на вечер? — стараюсь держать себя в руках.

Если Артур изменяет Людочке, то я задушу его собственными руками!

— Звонила. Медведев сказал, что у него много работы. Представляешь? Говорит, Люд, ты меня не жди! — девушка снова проваливается в истерику, спрятав лицо в ладонях.

— Люда, милая, не плачь! — пересаживаюсь к ней и обнимаю.

Мне не верится, что Артур мог так поступить. У них пару дней назад была свадьба, сейчас должен быть медовый месяц! Неужели, это всё правда?

— Я не знаю, стоит ли мне ехать в эту гостиницу? — шепчет в пустоту.

— Если хочешь, я поеду с тобой. Вдвоём не так страшно.

— Правда? Поедешь со мной?

— Ну, конечно! Для этого и нужны подружки!

В глазах Люды скачут пьяные искры счастья, и я уже жалею, что предложила составить ей компанию. Я же правда могу не сдержаться и обсыпать Медведева такими "комплиментами", что мало не покажется!

— Если он мне изменяет, я завтра же подам на развод! — выговаривает Людка, запрыгивая на заднее сидение такси.

Своих водителей мы решили распустить, чтобы не вызвать лишнего внимания. Не удалось только избавиться от охраны, они как тени — всегда ходят по пятам.

Внутри меня медленно разворачивается буря. Горизонт души затянут суровыми тучами, электрические молнии летают. И, глядя в задумчивое бледное лицо подруги, меня изматывает отчаянное желание больно ущипнуть себя за руку, чтобы проснуться.

Ох, только бы это всё оказалось ложью! Только бы эти коварные сообщения прислала очередная поклонница Медведева, владеющая магией фотошопа.

У гостиницы ветер такой, что чуть ли не сдувает с ног. Люда держит меня под руку, пристально смотрит на входную дверь. От нервов её бледное лицо медленно покрывается красными пятнами.

— Пойдём? — робко улыбаюсь.

— Я боюсь, — головой качает и мнётся на месте.

— Люд, ты сама для себя реши, готова ли? Если Артур правда изменщик, что ты делать будешь?

— А что мне делать? — переводит на меня рассеянный задумчивый взгляд. — Я хочу знать правду. Хочу увидеть всё своими глазами.

Я поджимаю губы и прикусываю губу. Она не заслуживает такого отношения к себе! Моя лучшая подружка достойна всего самого лучшего, а не кинжала в рёбра.

Наше холодное молчание прерывает внезапно заголосивший мобильник.

— Это Волков, — объявляю Людке и отвечаю на звонок. — Ало!

— Где тебя носит? — раздражённо буркает Стёпа, вызывая своим тоном волну негодования.

— Я с Людой. Что случилось?

— У нас должен быть совместный вечер. Я приехал пораньше, а тебя нет!

— Стёп, у Люды проблемы. Я не могу сейчас её бросить!

Людка, осмелев, отбирает мой телефон и, пошатнувшись на каблуках, заявляет:

— Степан Ефимович, мы расследуем одно важное дело. Нам некогда!

— Люда, что происходит? — слышу отстранённо.

— Артур, кажется, изменяет мне! Приезжайте, Степан Ефимович, если это окажется правдой, нужна будет ваша помощь.

Я моргаю несколько раз, осматривая злобное лицо подружки.

— Да, Степан Ефимович! Приезжайте. Нужно будет помочь спрятать труп этого гадёныша!

— Люда, — шепчу я, а тело покрывается мурашками.

Кажется, она действительно настроена убить своего муженька.

— Хочет с тобой поговорить, — подруга смотрит в мои глаза и возвращает телефон.

— Ника! — металлический голос Волкова обрушивается на меня внезапно и яростно. — Возвращайся домой. Не лезь ни в своё дело!

— Я не могу оставить Люду, — настойчиво повторяю, не собираясь прислушиваться к

нелепым советам.

— Вероника, это не смешно! Что вы задумали? Твоя подружка явно не в адеквате! — нервно сокрушается Стёпа.

— Всё, я не могу говорить! Перезвоню позже.

Сбрасываю вызов и отключаю телефон.

— Пойдём! — смело выдаёт Люда и тянет меня к входу в гостиницу.

На ресепшене моя подруга быстро узнаёт в каком номере расположился её муж, и с полной решимостью мы поднимаемся на лифте на восемнадцатый этаж. Мой пульс учащается с каждым этажом, а Люда вновь бледнеет. Я чувствую её боль, как свою собственную, и предчувствие вовсе не доброе.

Медведева проходит к двери в номер и прислушивается, я повторяю за ней.

— Слышишь? Женский голос! — скорбно шепчет она, закрыв глаза и царапнув ногтями стену.

— Не факт, что Артур там, — говорю, не подумав.

Где ещё ему быть, если номер снят на его имя?

— Сейчас узнаем! — выдаёт с грустью и тянет ручку.

Дверь податливо открывается, даже не скрипнув. Люда на цыпочках крадётся вглубь большой комнаты, и я судорожно ступаю за ней.

Перед глазами раскидывается то ещё зрелище. Муж моей подружки сидит на диване с расстёгнутой рубашкой, а на нём полуобнажённая девица. Они впиваются друг в друга с голодом и страстью, даже не замечая, что кто-то вошёл. Артур смело мнёт ладонями упругие ягодицы чужой женщины, и та протяжно и фальшиво стонет.

Люда закрывает рот руками и по её телу высыпают красные пятна. Хватаю её за руку и оттаскиваю за стену, пока нас не заметили.

— Давай уйдём без скандала, — шепчу ей на ухо, и Люда согласно кивает.

Друзья!

У меня вышла очень горячая новинка, которая, без сомнений, расплавит ваши сердечки)))

...- Мы так глупо расстались, — выдыхаю.

Мозгом я прекрасно осознаю, что не должна всего этого говорить, но меня ведёт. Я ещё не выпила ни капли вина, а уже запьянела вдрызг.

— Ты действительно хочешь всё вернуть? — голос Сени разрезает тишину, задевая что-то в моей душе.

Таю под его взглядом, как мороженое на солнце.

— Я понимаю, что уже поздно, — смотрю на его массивное обручальное кольцо.

Зачем я сняла своё?

— Мы можем просто обсудить эскиз мебели, вспомнить школьные годы и разойтись, — выдавливаю из себя с вселенским усилием.

Сердце сгорает в агониях.

— Это самый разумный вариант, — Сеня согласно кивает, и его губы трогает грустная улыбка.

Я качаю головой и прикладываю ладонь ко лбу, ощущая прилив жара. Ещё пара секунд, и всё перед глазами поплывёт от досады.

Встретиться спустя двенадцать лет, чтобы осознать две простые вещи. Первое — наши чувства ещё живы! Они теплятся в наших душах, и если дать им волю, то спалят сердца к

чертям, оставив лишь чёрные угольки не способные ничего больше ощущать. И второе — мы уже ничего не сможем изменить. Однажды друг от друга отказавшись, мы будто подписали себе смертный приговор. Я точно знаю, что не смогу уйти от Вити. И Арсений, вероятнее всего, свою жену не бросит...

"С ВИДОМ НА СЧАСТЬЕ"

История о чувствах, которым невозможно сопротивляться!

#запретные_отношения

#любовь_и_дружба

#любовники

29

Степан

Вернуться домой готовым к долгожданному и волшебному вечеру и вновь обломаться я не был готов. Вероника будто испытывает меня на прочность, и, клянусь, терпения осталось ну совсем мало! После звонка я чувствую себя разбитым и подавленным. Моя жена вместе со своей безумной подружкой решила поиграться в детектива, вместо семейного вечера.

— Господин, у вас всё хорошо? — Виктор оказывается рядом неожиданно.

Нужно подарить ему колокольчик на шею, чтобы больше не смог подкрасться незамеченным.

— Да, Виктор, всё в норме, — тяжело вздыхаю и ставлю на стол пустой стакан.

В горле пересохло после разговора с Никой и от злости опять вена заиграла. Скоро ещё и глаз начнёт дёргаться.

— Няня Олеся и Максим Степанович сейчас в детской. Вы можете провести время с сыном, — нерешительно уведомляет меня Витя и нервно дёргает губами, то растягивая их в улыбке, то вытягивая в трубочку.

Неврологическая какая-то ерунда: нужно бы показать своего дворецкого доктору.

— Да, я проведу время с сыном.

Быстро поднимаюсь на второй этаж. Дверь в детскую открыта, и я слышу залиvistый смех Олеси:

— Ну, Максимка, ты чего ленишься? Давай, ползи! Ты же уже умеешь! Вот мама придёт, порадует её.

Осторожно подхожу к детской и с любопытством заглядываюсь на Максика. Сынок развалился на специальном коврике и грызёт погремушку, а няня сидит рядом. В откровенных коротких шортиках.

Зря разрешил ей одеваться во что угодно. Нужно было придумать какой-то дресс-код. Сейчас наряды Олеси уже не кажутся мне такими безобидными, особенно учитывая ту ситуацию в Швейцарии. От этой девушки я никак не ожидал такого открытого соблазнения.

— Степан Ефимович! — Олеся взвизгивает. — Вы давно там стоите?

— Только подошёл.

— Вы меня опять напугали! — невинно хлопает ресницами.

— Ты свободна, Олеся. Я хочу провести время с Максом.

Няня прищуривается и смотрит на меня с недоверием:

— А вы справитесь?

— Это же мой сын. Как я могу не справиться? — недовольно фыркаю и подхожу к ребёнку.

На самом деле, я прекрасно понимаю, чем вызвано такое недоверие со стороны Олеси.

Она видит, что я почти не появляюсь дома и не провожу время с сыном. Видимо, думает, что я не справлюсь с трёхмесячным мальчишкой, хотя что тут сложного? Максик лежит, грызёт погремушку, издаёт забавное кряхтение.

— Ой, он, наверно, покакал! — Олеся улыбается и смотрит на меня с вызовом. — Поменяете памперс, Степан Ефимович?

— Без проблем! — уверенно отзываюсь я, а у самого пульс замедляется.

Беру сына на руки, только сейчас почувствовав кисло-молочный запах. Действую чётко по плану, который успел выстроить в голове.

Ничего сверхъестественного в этом нет.

Собираюсь надеть чистый подгузник, но няня тормозит меня громким вздохом.

— Сначала нужно помыть Максима Степановича.

— Помыть?

— Малышу скоро спать. Пора купаться! Справитесь?

— Конечно! — выдаю уверенно, а сам понятия не имею, смогу ли.

Страшно, что этот маленький человечек выскользнет из рук и захлебнётся. Или что воды попадёт в ушки.

— Я пойду наберу ванную. Приходите через пять минут! — командует няня, выходя из детской.

Прижимаю голенького Максика к себе, смотрю на его личико, и сердце заходится от нежности. Меня не было дома целый месяц! Я так давно не держал на руках своего наследника, что уже и позабыл, какие чувства он вызывает во мне. Я — отец! У меня много обязанностей и ответственности, а я вот так просто пропал из его жизни. Глажу пальцами по нежной коже малыша. Такой маленький и такой родной.

— Стёпа? Ты один с ребёнком? — голос Ники разрывает моё спокойствие в пух и прах.

— Ты уже дома? — смотрю на жену, из-за плеча которой выглядывает заплаканная Люда.

— Где няня? — настороженно продолжает Вероника, игнорируя мой глупый вопрос.

— Я здесь! Степан Ефимович, пойдёмте купать Максима Степановича! — Олеся улыбается и руками разводит.

— Выйди! — Волкова указывает на дверь.

Мы остаёмся вчетвером.

Я, мой сын, моя жена. И Люда, которая непонятно что делает в моём доме. Атмосфера напряжённая, и я чувствую, как воздух вокруг медленно превращается в густую субстанцию.

— Стёпа, ты знал, что у Артура любовница? — Ника морщит нос.

— Что?

— Этот подонок спит с какой-то шлюхой! — плачет Медведева и взгляд отводит.

Закрываю глаза и шумно выдыхаю.

Артур всегда отличался влюбчивостью. Он менял женщин, как перчатки, и каждая новая пассия была для него особенной. А потом эта невероятная девушка падала в его глаза, и на место одной приходила другая. Такая же особенная.

Но мне казалось, что с Людой у него всё по-другому. Верил, что отпетый бабник изменился и, наконец, остепенился.

Он же женился на ней!

— Ты знал, Стёпа? — с нажимом спрашивает Ника, подойдя ко мне ближе и заглядывая в моё лицо с ненавистью.

Будто это я изменщик и подонок.

— Я не знал, — качаю головой.

— Ладно, — фыркает жена, складывая руки под грудью. Вероника мне не верит. — Люда поживёт со мной какое-то время.

— Вероника, это плохая идея! — выпаливаю резко, и маленький человечек на моих руках начинает плакать.

— Это не обсуждается!

Ника забирает Максимку с моих рук и вместе с Людой выходит из детской, оставляя меня в полном смятении.

Во-первых, я не ожидал от Артура такого.

Во-вторых, если Люда будет жить здесь, то наши отношения с Вероникой не потеплеют.

30

Степан

Новый год подкрался незаметно. Уже сегодня вся страна будет ликовать и праздновать, загадывать желания под бой курантов и плясать до самого утра.

Я в чудеса не верю. И желания давно не загадывал. Но сейчас ощущаю физическую потребность пожелать кое-что для себя.

Спокойствия.

— Стёпа, ты тут? — Вероника врывается в мой кабинет, сносит на своём пути стул и стремительно подходит ко мне.

— Всё готово? — равнодушно смотрю на жену в фартуке и с убранными волосами.

Из-за отсутствия в нашем доме личного повара, Волкова взяла все хлопоты с готовкой на себя. Конечно, ей помогает Люда, которая до сих пор живёт в нашем доме и уезжать пока что не собирается. Ситуацию усугубляет ещё и то, что няня Олеся пользуется сложившейся ситуацией в наших супружеских отношениях и подливает масла в огонь своими выразительными грустными глазами.

После той выходки в Швейцарии я не могу спокойно смотреть в её сторону.

Даже сквозь одежду вижу обнажённое подтянутое тело. И ничего поделать не могу.

— Твой отец скоро приедет, — заявляет Волкова, смотря мне прямо в глаза.

— Что? — выцеживаю сквозь зубы, стараясь скрыть раздражение и негодование.

— То! Ефим Святославович член нашей семьи! А Новый год — семейный праздник. Я обязана была его позвать!

— С каких пор у тебя такие тёплые отношения с моим отцом? — закатываю глаза.

— Он хочет увидеть внука, и он имеет на это право!

После нашей ссоры с папой на свадьбе у Медведева, мы больше не разговаривали. Я видеть не хочу этого сумасшедшего старика, который решил учить меня жизни. Он виноват в том, что случилось с матерью! Если бы не его выходки, она осталась бы жива.

А когда Волков старший бесцеремонно начал читать мне морали, я взорвался. Прошлое ожило, обожгло и засосало в обиду и боль. Меня буквально размазало, как соплю по стене. Уж кто-кто, а отец не имеет права учить меня жизни.

— С каких пор в нашей семье все решения начала принимать ты? — злобный шёпот заставляет Веронику сделать шаг в сторону.

— Стёп, ты чего? — хлопает ресницами испуганно.

— Раз ты такая самостоятельная, может и зарабатывать начнёшь сама? — изгибаю бровь.

Вероника отрывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же смыкает губы, превращая их в узкую полоску.

— Что же ты молчишь? — внутри бурлит. — Отца моего пригласить без моего ведома ты смогла, а заработать себе на жизнь нет?

Ника опускает взгляд, становится похожа на испуганного воробушка.

Даю себе отчёт, что поступаю не правильно, и жена не виновата, но обидные слова льются из меня бурной рекой. Словесный понос какой-то.

— Я заработаю, не переживай! — выпрямляет плечи и поднимает на меня глаза.

Смотрит исподлобья, а руки в кулаки сжимает.

— Если я для тебя обуза, то прости. Не знала. Завтра же соберу вещи и уеду! — продолжает тихо, но уверенно.

— Ника, — вздыхаю, стараясь успокоиться. — Я не то имел ввиду.

— Хватит! — вскрикивает и разворачивается.

Стремительно вылетает из кабинета, громко хлопнув дверью.

А я остаюсь один на один с собственным негодованием.

Я устал смертельно. На работе вопрос решился, но не так радужно, как я хотел. Да, мы ещё на плаву, но больше не входим в список топ-компаний. И пока конкуренты заключают новые договоры, мы существуем только за счёт постоянных клиентов.

Но делать нечего, и от семейного застолья никуда не деться.

Беру себя в руки и спускаюсь на первый этаж. Из столовой раздаются весёлые голоса персонала и Вероникиных родителей. Медленно подхожу и выглядываю, стараясь остаться незамеченным.

— Максик, ты уже такой большой! Ты уже такой... — дурашливым голосом скандирует моя тёща.

— Жених! Ну настоящий жених! — подхватывает отчим Ники.

Олеся держит моего сына на руках, пока вокруг неё происходит вся эта суета. Настя и Виктор носят блюда с кухни и расставляют на столе. Людочка командует:

— Столовых приборов не хватает! Витюш, принеси!

Так тепло на душе становится. Все самые близкие люди собрались в одном доме, а я веду себя, как дурак. Обидел Волкову своими колючими словами. А ведь она так хотела отметить Новый год в семейном кругу! Внезапно становится так стыдно за своё поведение, что щёки горят и кончики ушей краснеют.

— Ой, Степан Ефимович! А вы чего там прячетесь? — мама Вероники замечает меня и перестаёт играть погремушкой перед лицом Максимки. — С наступающим Новым годом, Степан Ефимович!

Женщина светится от счастья, бежит ко мне и обнимает искренне. Сердце лихорадочно стучит в груди. Я всё испортил своим скотским поведением.

— Где Вероника? — выдавливаю из себя с трудом.

— Она пошла переодеваться, скоро придёт.

Бросаю взгляд на заполненный разнообразными блюдами стол и вздыхаю. Сколько сил Ника вложила в подготовку! Даже снежинки сама из бумаги вырезала и на окна наклеила. Украсила столовую мишурой, разноцветным дождиком. А вместо привычной вазы в углу стоит пышная нарядная ёлка.

— Я тоже скоро приду, — бормочу себе под нос.

Не уверен, что кто-то меня вообще услышал.

Иду к лестнице на второй этаж, чтобы найти свою жену и извиниться. Я должен обнять её и поцеловать, как тогда, в Швейцарии. Напомнить ей о своей любви. Не хочу, чтобы Ника уезжала. Мы — семья! Я не позволю моей Канарейке страдать!

— Стёпа! — голос отца тормозит и почву из-под ног выбивает.

Оборачиваюсь.

Волков старший стоит в дверях, с двух сторон от него грузные мужики из личной охраны.

— Почему меня никто не встречает? — гневно глаза прищуривает.

Прямо в душу смотрит.

— Все заняты, — отмахиваюсь.

— Стёпа, я всё узнал! — отец рычит и краснеет от злости.

— Узнал что?

— Ты разорил нашу корпорацию!

— Отец, на носу Новый год! Не омрачай праздник своими наставлениями!

Волков старший меняется в лице. Серьёзного разговора избежать не получится, и моё сердце начинает трепыхаться, как рыба об лёд.

— Степан! — рявкает так, что стены в доме дрожат. — Быстро в кабинет!

— У меня есть дела поважнее, — отворачиваюсь и поднимаюсь вверх по лестнице, оставив старика наедине с его плохим настроением и охранниками.

Раздаётся странный неопознанный шум, заставляющий меня обернуться.

— Ефим Святославович! Что с вами? — судорожно стрекочет один из телохранителей. — Врача! Позовите врача!

31

Вероника

Вытираю слёзы и рассматриваю своё отражение. Чувствую себя ужасно.

Наверно, именно это и называют разбитым сердцем.

Когда по осколкам собираешь радостные воспоминания, стараешься оживить в себе тёплые и светлые эмоции, но ничего не радует даже в канун Нового года! И тело бросает то в жар, то в холод. От собственных мыслей хочется выть и на стену лезть.

Новая порция слёз предательски щипит глаза, и я поднимаю лицо вверх. Тушь вот-вот поплывёт.

Внизу меня ждёт моя семья, а я тут солёными ручьями умываюсь и свои вещи собираю в старенький чемодан. И всё из-за человека, которого я люблю.

Я представляла себе не так этот праздник. Думала, что соберу всех родных, хорошо проведу время. И мы с Волковым наконец-то сблизимся. Найдём те ниточки, которые нас связывали когда-то, завяжем в узлы то, что порвалось, по крупицам выстроим нашу любовь.

Как огонь смог угаснуть?

Взяв волю в кулак, я всё таки решаю вернуться в столовую. Уже у поворота к лестнице слышу шум с первого этажа, и сердце начинает биться чаще.

— Вызвали врача? — голос моего мужа звучит механически, будто у робота.

— Да, уже едет.

— Ефим Святославович, вы как? — взволнованно спрашивает моя мама.

Быстро спускаюсь по лестнице, крепко держась за перила. Перед глазами мельтешат чёрные пятна. Очень боюсь упасть.

— Что случилось? — изо всех сил стараюсь скрыть дрожь в голосе, но удаётся едва ли.

— Отцу стало плохо, — поясняет Стёпа.

Расширенными глазами смотрю на Волкова старшего, лежащего на полу и держащегося за сердце. Охрана уже успела подложить ему под голову подушку, Лиза сидит рядом со стаканом воды, Настя прижимает к груди аптечку, Виктор с остервенением чешет собственные покрасневшие ладони. Мама и дядя Петя стоят немного поодаль, прижавшись друг к другу. Все перепугались знатно. Да и мой пульс так скачет, что кроме него ничего не слышу.

Звонок в дверь раздаётся внезапно, и я подскакиваю на месте, как трусливый заяц.

— Врач приехал, — сообщает Виктор и спешит открыть дверь.

— Пойдём, нечего тут смотреть, — мама осторожно тянет меня в сторону столовой, и я поддаюсь.

Олеся качает Максимку, прижав его к своей груди. Сыночек громко чмокает соской и сладко засыпает. Единственный, кто не понимает происходящего и ничего не боится.

— Всё будет хорошо, — дядя Петя осторожно обнимает меня за плечи и шепчет вкрадчиво и осторожно.

Я хочу ему поверить, но как? Там, за стеной, происходит очень страшное. По спине проходит холод, пугающий и мерзкий. Внутреннее напряжение только растёт, секунды тянутся слишком медленно. За полчаса пролетает целая вечность, и я, как всегда, успеваю себя накрутить, хоть внешне виду не подаю. Пью сок, уставившись в окно на большой заснеженный участок. Снег искрится под светом фонарей, накануне удалил мороз. До нового года остаётся десять минут, и я заранее загадываю желание. Не то, какое подготовила изначально.

Хочу, чтобы Ефим Святославович был жив и здоров.

Мои отношения с ним не самые тёплые, от одного взгляда свёкра меня бросает в дрожь, но не смотря ни на что он — отец моего мужа.

— Вероника, — голос Стёпы вырывает меня в реальность. — Отец хочет с тобой поговорить.

— Со мной? — уточняю осторожно.

Кажется, я ослышалась.

— Он на втором этаже в гостевой комнате, — продолжает Стёпа как ни в чём не бывало.

Растерянно потираю ладонями плечи и осматриваюсь по сторонам. Взгляд на секунду пересекается с маминым, подбадривающим и призывающим к действию.

Медленными шагами прохожу к просторной светлой комнате. Мысли царапают затылок и спутываются. Я даже представить не могу, о чём на этот раз пойдёт разговор. От одного воспоминания, как Ефим Святославович предлагал мне денег чтобы я оставила его сына в покое, больно щиплет душу. Отец моего мужа недолюбливает меня. Подозревает в том, что я никогда не смогла бы совершить. Я всё ещё помню ту зловещую интонацию и насмешливый взгляд на выписке из роддома:

что-то на Волковых Максимка не похож.

Застываю в дверях. Ефим Святославович лежит на белых простынях, вокруг него вьётся мужчина в строгом костюме, наш личный врач. Его явно вызвали прямо с вечеринки.

— Оставьте нас! — свёкр говорит тихо и устало, но по-прежнему беспрекословно.

Дверь захлопывается, и мы остаёмся вдвоём.

Воздух медленно, но верно наэлектризовывается. Дышать становится сложно.

— Подойди, — Ефим Святославович закрывает глаза, будто видеть меня не хочет.

Тогда зачем позвал?

Неуверенно топчусь на месте и осматриваю мыски своих красивых новогодних туфельек, прежде чем сделать мелкий неуклюжий шаг. Сердце долбит в груди, и я опять ничего не слышу, кроме собственного пульса.

Когда-то я панически боялась Волкова младшего, трепыхалась под его взглядом, как бабочка в трёхлитровой стеклянной банке, дрожала и пугливо отводила взгляд, но потом эти неприятные ощущения исчезли. И сейчас я вновь чувствую себя загнанной в угол.

— Вероника, я хочу серьёзно поговорить, — цедит сквозь зубы.

Даже в таком положении, лёжа на кровати после недавнего обморока, этот мужчина излучает бешеную энергетику. Волковскую! Присущую только двоим людям на всём белом свете.

— Что у тебя с моим сыном?

Какой нелепый вопрос.

— Что вы имеете ввиду? — стою, как на раскалённых углях босиком.

— Он разорил мою корпорацию, стоило только ему связаться с тобой, — презрительный взгляд мажет по моей фигурке.

— О чём вы? — брови съезжаются к переносице, и руки непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Не строй из себя невинную овечку, Вероника!

Задыхаюсь собственными словами, которые просятся наружу, и слёзы выступают на глазах. Я ужинала с швейцарцем Домиником, чтобы корпорация Нефть "ВЕС" осталась на плаву, вложила свои силы в тот вечер, не наговорила гадостей и держалась молодцом. И, самое главное, я не стала устраивать мужу истерику по этому поводу, а отнеслась с пониманием! А сейчас меня хотят выставить виноватой в банкротстве! Я могла бы дать отпор свёкру и пропустить мимо ушей его ядовитую клевету, но сил просто не осталось. Ссора с мужем пару часов назад, спонтанное намерение уйти из этого дома и собранный чемодан вымотали меня.

— Я... Я... — скрыть дрожь в голосе не удаётся.

— Сядь, — командным тоном окатывает.

И я слушаюсь. Выбора у меня всё равно нет, ведь разговор закончить нужно. Присаживаюсь на кресло напротив постели Ефима Святославовича, и, скрестив пальцы, стараюсь собрать волю в кулак.

— На кого ты работаешь, Канарейкина? Кто подсунил тебя в нашу семью?

— Вам не стыдно так думать обо мне? Я мать вашего внука!

— Стыдно, когда видно! — язвит. — Канарейкина, если я узнаю, что ты разорила нашу корпорацию, да ещё и сына против меня настроила...

— Я Волкова, — встаю с места.

— Что? — надменная усмешка заставляет меня поджать губы.

— Волкова, — повторяю едва слышно. — Я — часть вашей семьи. Жена вашего сына. Я вам не нравлюсь, знаю. Вы не должны меня любить. Но вот уважать обязаны.

Ефим Святославович замолкает, а его лицо с глубокими морщинами приобретает задумчивый вид.

— И, чтобы вы знали, это я позвала вас праздновать Новый Год вместе. Стёпа был очень сильно против! — пугаюсь собственного голоса, сурового и холодного, и тут же

смягчаюсь. — Я на вашей стороне, а вы...

... Вы не заслуживаете моего доброго отношения после всего, что сделали.

Фразу я так и оборвала, оставив незаконченной. Однако, по лицу Волкова старшего заметно, что он всё понял. Будто мысли прочитал.

— Либо я в тебе очень сильно ошибся, — шепчет тихо, на меня даже не смотрит. — Либо недооценил.

— И первое, и второе, господин Волков!

Каблуки стучат по полу.

Разговор окончен.

— Госпожа Волкова, — бросает мне в спину. — Позовите моего сына.

32

Степан

— Всё хорошо? — ловлю Веронику за локоть.

Она, как безумное торнадо, пролетала мимо и, кажется, даже не замечала меня.

— Всё прекрасно, — улыбается как-то нервно, будто прячется за маской. — Твой отец зовёт тебя!

Вырывается, смотрит куда-то сквозь меня. Её надменное лицо не выдаёт ни одной эмоции, и мне остаётся только гадать, что от неё хотел мой отец. И зачем он вновь хочет видеть меня?

Ника ускользает в сторону столовой.

Делаю глубокий вдох, до боли в лёгких. Идти сейчас к недовольному ворчливому старику совершенно не хочется.

Я ведь знал, что его лучше не звать на этот праздник. Был уверен, что отец всё испортит!

Так и вышло.

Вместо дружного семейного гулянья у нас получился полный аншлаг! И Вероника со своим каменным лицом точное тому подтверждение.

Но выбора у меня нет. Приходится стиснуть зубы до скрежета и вернуться на второй этаж в просторную гостиную спальню, где наш врач уложил отца.

— Всё со мной в порядке! Не маленький, переживу. Я себя прекрасно чувствую! — издали слышу грозное ворчание. — Да что ты пристал то? Я притворился, понимаешь?

Застываю возле приоткрытой дверью.

Притворился?

Пальцы сжимаются в кулаки, и кровь моментально отливает от лица. Вена начинает играть от напряжения.

Молодец, папочка! Своей выходкой испортил праздник.

— Моим скажи, что я переволновался.

— Ефим Святославович, так нельзя! Вы меня дёрнули прямо из-за стола! — недовольно выговаривает доктор.

— Тебе за это платят не малые деньги. Заткнись и делай, что я сказал!

Выдыхаю и стучу в дверной косяк. Делаю вид, что не слышал этого разговора, и папа демонстративно закрывает глаза и за сердце держится.

Актёрское мастерство на высоте.

— Ну как он? — обращаюсь к доктору.

— Уже лучше. Видимо, переволновался. Давление подскочило.

— Может, в больницу его отвезти?

— Не стоит. Укол я сделал, Ефиму Святославовичу уже лучше.

Молча подхожу к отцу и разглядываю его наигранно измученное лицо.

— Папочка, ты как? — выбираю самую елейную интонацию.

— Полегче, — отвечает тихим голосом и приоткрывает глаза. — Садись, сын, нужно поговорить.

Доктор молча выходит из комнаты, оставляя нас наедине, и я утопаю в догадках о чём же пойдёт речь.

— Что происходит с Вероникой? — между густыми бровями образуется глубокая складка, взгляд наливается суровой темнотой.

— А что с ней происходит?

— Она сама не своя. Ты разве не видишь?

Вижу. Я же не кретин.

— Мне не нравится то, что происходит в ваших взаимоотношениях, — вздыхает.

Опять решил поучить меня галантному отношению к женщинам...

— Я следил за ней и проверял, — выдаёт отец.

Сердце перестаёт стучать на долю секунды. Чувствую, как градины холодного пота выступают на позвоночнике.

— Ты что-то нашёл? — едва сдерживаю непрошенную дрожь в голосе, и в памяти вспышками сверкают мою догадки в адрес жены.

Такая же, как моя бывшая... Работает на Репина.

— В этом вся и проблема. Ни-че-го! — отец рычит сквозь плотно сомкнутые зубы. — Ангел, мать её!

Волна облегчения прокатывается под кожей, и тяжкий груз с сердца падает, разбиваясь в крошку.

Конечно, Вероника не поступила бы так со мной.

— За что ты её ненавидишь?

— Кто тебе такое сказал? — удивлённо. — Мне нравится твоя жена.

— Тогда зачем вынюхивал информацию о ней?

— Доверяй, но проверяй, — заключает отец.

Воцаряется тишина, позволяющая мне хорошенько подумать. Мне ведь и правда повезло с Никой! Она бескорыстная и добрая, ей никогда не нужны были мои деньги. Она полюбила меня.

Полюбила!

Просто так. За мою запутавшуюся душу, за скверный характер, за нелепые шутки и насмешливый взгляд. Осталась со мной не из-за богатства, а по приказу собственного сердца. И, надо признать, Вероника сделала меня чуть лучше. Научила думать о других людях, заботиться, сопереживать.

Научила меня любить.

— Знаешь, о чём я больше всего жалею? — в его интонации слышится горечь.

Отец отводит взгляд к окну, за которым играют снежинки в свете фонаря, а я молчу, боясь нарушить внезапно возникшую таинственную атмосферу.

— Я жалею, что не смог удержать твою маму.

Его слова попадают точно в цель, дотрагиваются до какого-то важного участка души и откликаются осознанием чего-то сверх важного.

— Не отпускай Веронику, сынок! Сделай всё, чтобы она была счастлива. Не допускай моих ошибок.

Словно смерч вылетаю из комнаты.

Я люблю тебя, Вероника. Больше богатств, больше жизни! Ты — мой искренний ангел с сияющими глазами и проникновенным голосом. И мы должны всё исправить.

Нас поглотило цунами ссор.

И только вместе мы сможем выплыть из этого беспощадного шторма.

В столовой встречаюсь взглядом с Олесей.

— Господин, — она грустно улыбается, сидя за столом полным угощений.

Кругом не души.

— Где Вероника? — бросаю в попыхах, стремительно шагая к кухне.

— Уехала.

Тело перестаёт слушаться. Ноги врастают в пол, точно в бетон.

— Куда уехала? — голова закипает.

— Она передо мной не отчитывалась, — няня пожимает плечами. — Собрала Максима Степановича и уехала.

— Сука! — по столовой прокатывается грозный раскат моего рыка.

Хватаю телефон и нервно набираю номер Волковой, слушаю длинные гудки.

— Виктор, вызови мне машину! — хватаю пальто в гардеробной.

А гудки всё продолжают, изрядно действуя мне на нервы.

— Господин, — дворецкий качает головой и пятится от меня. — Вы не должны бежать за ней. Она ушла. Это её решение.

— К чёрту! Вызывай машину!

— Но мы даже не знаем, куда она поехала! — мужчина пожимает плечами.

— Почему никто не остановил её? — бросаю молниеносный взгляд на лестницу.

На втором этаже за стеной прячется мой персонал. Услышав, как я громогласно выкрикнул ругательство в столовой, все тут же попрятались и носы показать бояться.

Меня парализует гневом и страхом от осознания, что моя жена сбежала из нашего дома! Забрала свои вещи, надоедливую подружку Людку, своих родителей и моего наследника. И, кажется, вырвала ещё и часть моей души. Иначе почему я ощущаю такую мучительную физическую пустоту в груди? Жжёт внутри, колет дьявольски. И кожа горит, как от высокой температуры.

Обречённо закрываю глаза, сжимая в руке мобильник, а длинные гудки всё ещё разрывают мёртвую тишину прихожей.

— Господин, вы в порядке? — шелестит Виктор где-то над ухом.

— Всё хорошо, — отшвыриваю пальто в сторону и плетусь к своему кабинету.

Неужели, она ушла навсегда?

Снова набираю номер Ники, и вновь обламываюсь. Она не отвечает. Игнорирует.

В кабинете сумрачно и пахнет сигарами. Вальяжно прохожу к столу и закуриваю. Наливаю дорогостоящий коньяк и вливаю в себя залпом.

Есть ли смысл бежать за ней? Она даже на звонки не отвечает!

— Что ты тут делаешь? — дьявольский голос отца за спиной рубит по нервам.

— Пью.

— Вероника где?

Там, где ей и место.

— Я не знаю, — пожимаю плечами и затягиваюсь сигарой, выпускаю в воздух несколько красивых колечек.

Голова кружится.

— Степан, ты мудака? — вопрос звучит, как лютая насмешка.

— Да, папа. Мудака, который очень устал, — закутываюсь в равнодушие, будто по щелчку отключив все свои истинные чувства. — Пожалуйста, оставь меня.

— Ты пожалеешь, что отпустил её, сын!

— Я не имею права держать её. Она не моя рабыня.

Отец стоит у двери ещё несколько секунд, кажущихся мне вечностью. А после выходит, нарочито громко захлопнув дверь.

33

Наши дни

— Вероника-

Слёзы брызгают из глаз, и я не могу собраться. Сознание подкидывает самые болезненные мысли, и я тону в собственной скорби. Наверно, любая мать сходила бы с ума, если бы её сына похитили.

Я не думала, что такое несчастье может коснуться именно нас. И, самое ужасное, прошло уже около трёх часов с момента пропажи Максика, а выкуп до сих пор не потребовали.

Что нужно похитителям, если не деньги? Волков богат, и об этом знает вся страна. Список подозреваемых растёт, а я бессильна. Что я могу?

— Вероника, прошу тебя, соберись! — муж вновь касается моих плеч и к себе прижимает.

Я была так сильно занята... В сердце поселилась вселенская обида на Стёпу за всё! Он не поддерживал Люду, когда она жила у нас после развода, проводил много времени на работе и, самое страшное, вдрызг разругался с собственным персоналом и отцом.

— Мне так страшно, Стёпа! Почему нет никаких известий?

Сердце ноет, будто его протыкают вязальной спицей, отравленной сильнодействующим ядом. Кажется, что я не переживу эту ночь. Если Максика не найдут, то моя душа покинет тело.

— Всё будет хорошо! — повторяет Стёпа, но голос его дрожит.

Он сам себе не верит.

Мы разрушили нашу семью. Собственными руками. Вместо разговоров по душам были только взаимные придирки и порицания, вместо прежней нежности и понимания — обоюдные вспышки ревности и гнева. Я злилась за каждую мелочь, сгорала от бешенства. А после мстила.

Мстила так, что чуть не переступила за границы дозволенного.

— Как думаешь, кто ещё мог похитить Макса? — суровый взгляд прожигает меня.

— Я не знаю, — качаю головой.

— Ты флиртowała с продюсером. Он мог?

Закрываю глаза и чувствую, как со стыда сгораю.

— Я не знаю, — выдыхаю.

— Ника, а Доминик? Он тоже вокруг тебя крутился. Доминик мог украсть ребёнка?

Молчу.

Сердце стучит в желудке и меня тошнит.

— Вероника, — Волков сильно сжимает мои плечи сильными пальцами и встряхивает.

— Что? — одними губами, беззвучно и сухо.

Я устала. Меня вымотала эта ситуация. Страх только усиливается, ведь нет никаких известий о сыне. А что, если моего годовалого малыша уже нет в живых?

Эта мысль, как выстрел в голову. Насмерть. В глазах темнеет, и тело становится ватным. Ноги подкашиваются.

— Эй, жёнушка, сейчас не время терять сознание! — Стёпа успевает поймать меня и поднять на руки, как невесомую пушинку.

Утыкаюсь в его шею и реву бесшумно. Слезы обжигают лицо.

— Может, позвонить Ефиму Святославовичу? — плачу я. — У него остались криминальные связи. Вдруг он поможет?

Кажется, что это последняя надежда. Я уже готова попросить помощи у кого угодно, лишь бы этот клубок начал распутываться. Пока не стало поздно, мы обязаны напрячь всех!

— Нет, Ника. Я не буду звонить отцу! — Стёпа вспыхивает и ставит меня на пол.

Покачнувшись, ловлю равновесие.

Отворачиваюсь к окну и залипаю на фонаре невидящим взглядом. Всё плывёт от слёз. Стёпа уже полгода не общается с отцом, но сейчас именно тот момент, когда мы все должны объединиться и забыть о старых обидах.

— Есть зацепка! — голос полковника Шилова врывается в слух резко и неожиданно, буквально оглушает меня. — Одна камера в вашем доме работала, засняла отъезжающую машину. Вот!

Стёпа наклоняется над телефоном полковника, а я стою в стороне.

— Вам знаком этот автомобиль?

Стёпа отрицательно качает головой.

— Ну, ничего. Пробыли номера, посты ДПС уведомили, полиция работает в городе. Скоро найдём вашего сына.

Звучит неутешительно.

Шилов выходит из кабинета, и мы вновь остаёмся вдвоём.

— Ника, ты как? — Волков подходит ко мне, и я прижимаюсь к нему всем телом.

Сейчас его объятия — моё успокоительное.

34

шесть месяцев назад

— Вероника-

— Милая, — мягкая рука приземляется на моё плечо, тонкие пальцы сжимаются. — Ты опять не спала? — ласковый голос мамы обволакивает и успокаивает.

— Это нормально, что у Максика зубы так рано полезли? — глаза устало слипаются.

— У тебя первый зуб вылез в пять месяцев, — утешительная улыбка вовсе не утешает.

— Первый зуб, а у него уже температура. Что будет, когда полезут коренные, мама! — зарываюсь пальцами в волосы, обхватив голову руками.

— Всё хорошо будет, Вероника. Материнство — это, конечно, то ещё испытание. Но оно того определённо стоит!

Протяжно вздыхаю и вновь трогаю сыночка. Жар спал под утро, и я задремала прямо возле детской кроватки. А сейчас Максимка и вовсе не горячий.

— Может, он всё таки болеет? — шепчу себе под нос.

— Но нет ни кашля, ни соплей, — мама только разводит руками. — Это от зубов.

— Ладно, понаблюдаем ещё пару дней, — киваю собственным словам и поднимаюсь с неудобной трёхногой табуретки.

В мышцы будто иглы поставили. Спала в неудобной позе, шея затекла. И усталость накопилась за последние несколько дней.

Прохожу на кухню, мажу взглядом по свежему букету белоснежных пионов в трёхлитровой стеклянной банке и выхватываю с верхней полки кружку. Наливаю воду, засыпая на ходу. Пью жадными глотками. Нужно поспать.

Но как только голова касается мягкой подушки, на меня, как стая диких шакалов, набрасываются мысли о Волкове.

Где он? Чем занимается в этот мрачный понедельник в пять часов утра? Догадывается ли он, что у его сына вот-вот прорежется первый зуб?

Накрываюсь одеялом с головой, будто это когда-то мне помогало, и продолжаю ужасаться от собственных мыслей. Уже даже не замечаю, как солёные слёзы обжигают лицо.

Этот год стал моим персональным адом с самого начала, как только первого января я проснулась в родительской квартире рядом с сыном. Вот такой итог нашей любви. Я знала, что будет больно уже давно. Когда поставила подпись на договоре о фиктивном браке, меня не покидало предчувствие, что впереди меня поджидает торнадо отчаянной боли и смертельных мучений. Мы с Волковым явно заигрались, оставшись вместе. Он — миллионер. Мужчина, на которого с горящими глазами смотрят сотни тысяч девушек, томно вздыхают и мечтают оказаться рядом. А я простушка, которая внезапно поверила в чудеса.

С такими как я сказок не случается.

Из кошмарных мрачных снов меня вытягивает звонок в дверь. Распахиваю глаза, приподнимаюсь на постели и заглядываю в детскую кроватку. Максик спит. Устал, ведь вчера улёгся только к двум часам ночи. Решаю не будить сыночка и дать ему отоспаться.

А звонок в дверь вновь повторяется, и я быстро встаю с кровати. Дома только я и сынок, родители на работе.

— Волкова Вероника? — мужчина с букетом в руках осматривает моё заспанное лицо.

— Это я.

— Доставка цветов. Распишитесь, — протягивает ручку и планшет.

Ставлю подпись и принимаю белые розы с колючими шипами.

Уже девать некуда эти букеты!

Наша кухня превратилась в чёртов цветник. Выбрасываю хризантемы, и на их место ставлю новые розы.

Уже хочу уйти с кухни, но натыкаюсь на записку, ловко зацепленную между бутонами.

Это что-то новенькое! Раньше цветы были без записок...

Выхватываю белый конвертик и вскрываю его дрожащими пальцами. Я уже примерно представляю, что Волков мог написать. Чувшь про вечную любовь, верность, теплоту и свет! Жизнь показала, что ничего вечного не бывает, и даже самые яркие чувства однажды угасают. Умирают от боли, обид и недосказанности.

Стёпа невыносим. У него отвратительный характер. И о чём я только думала, когда согласилась выйти за него замуж? Сквозь розовые очки на него смотрела и верила, что он изменится.

Что моя любовь его изменит.

Что наш сынок сделает его мягче и добрее.

А по итогу обожглась так, что живого места не осталось. Одни дымящиеся угли вместо

души, а вместо сердца — пустыня.

На белой бумаге его неразборчивый почерк. Каждая буква до боли мне знакома. Эти неуклюжие "у" с закорючками вместо хвостиков, или "ш" с точкой сверху. Закрываю глаза и делаю глоток воздуха, наполненного ароматом свежих вкусных роз.

Моя дорогая жена!

Я без тебя не могу.

Прости меня, если сможешь.

Выдыхаю и сминаю в руках бумагу, отправляю записку в мусорку и возвращаюсь в комнату, где спит Максик. Достая свою тетрадь и открываю чистую страницу. Ещё в середине января я поняла, что боль выливается в прекрасные стихотворные строки. С тех самых пор, как только сердце вновь начинает пылать в агонии, я сразу сажусь писать.

Мой мир опустел, без тебя взлететь не получится,

Сердце сгорает в пожаре, но ты не сможешь мне.

С тобой друг по другу мы сильно успели соскучиться,

Или лишь я горю в этом адском огне?

Ночи бессонные мне заменяют дни,

Больше не снятся цветные сны и счастливые наши лица.

Там, где была любовь, острые иглы и слёзы одни.

Там, на краю земли, пришлось нам с тобой проститься.

Больше не нужно слов, они не помогут спасти мою душу,

Справлюсь сама, тебя я смогу позабыть,

Пусть только думают все, что жива я снаружи.

Пусть только кажется всем, что как прежде умею любить.

Перечитываю получившиеся строки и грустная улыбка играет на лице. По буквам растекается влажное пятно, чернила плывут, превращаясь в синие кляксы. И Максик в кроватке начинает кряхтеть.

В домашних хлопотах проходит полдня, я отвлекаюсь на ребёнка, который как-то резко научился ползать на четвереньках и хватать всё, что плохо лежит. Рядом с сыном я чувствую себя лучше, он — мой смысл двигаться дальше. Однако, за два месяца я не смогла найти работу с подходящим мне графиком, поэтому полностью живу на обеспечении отчима и мамы. Волков старался впихнуть мне деньги, но я не взяла. Все его финансовые переводы на мою карту я отсылала обратно, а после и вовсе заблокировала счёт.

У меня есть гордость. И последний разговор с мужем в новогоднюю ночь крепко меня зацепил.

— Ника, открывай! — Люда стучится в дверь и кричит на весь подъезд.

— Белкина! — поворачиваю ключ в замочной скважине.

Люда врывается в квартиру, на ходу скидывает куртку и обувь и пролетает в кухню.

— О, новые цветочки, — усмехается, усаживаясь за стол.

Смотрю на покрасневшее лицо подружки, и Максимку крепче к себе прижимаю.

— Я нашла для тебя работу, — выдыхает Люда.

— Люд, спасибо тебе конечно, но...

— Вероника, я открыла собственное кафе. Мне нужна живая музыка. Я хочу, чтобы ты выступала у меня! — тараторит Людка, и с трудом воспринимаю её слова.

— Собственное кафе? — недоумеваю вздергивая брови.

— Деньги, которые нам с Артуром подарили на свадьбу, попали в мои руки после

развода. И я решила найти им хорошее применение. Я тебе не говорила ни о чём, прости. Боялась, что не смогу. А теперь...

— Люда, — челюсть отвисает от восхищения.

Я считала свою подружку простушкой, потолок которой — работа официанткой. И я даже подумать не могла, что когда-нибудь она будет заниматься собственным бизнесом.

— Спасибо нужно сказать Медведеву и моему неудачному браку с ним. Если бы Артур не изменил мне, я бы продолжала верить в сказки и жить с приторным киселём в голове.

Я думала, что Люда повзрослела в отношениях с миллионером, а по факту для полной трансформации ей нужен был развод!

— Так что, Ника? Будешь петь в моём кафе? Завтра открытие! Я очень нервничаю, мне нужен не только твой потрясающий голос в зале, но и моральная поддержка!

— Да, конечно! — отзываюсь всё ещё шокированным голосом.

— Вот и славно, — Люда встаёт и, потрепав Максимку за розовую щёчку, направляется к выходу. — Мне ещё нужно раздать листовки. А завтра я жду тебя в "Горизонте" к пяти часам. Не подведи!

— Я приду.

— Тогда до завтра!

35

— Степан-

Секундная стрелка медленно плывёт по циферблату, огибает круг, отсчитывая ещё одну бесполезную минуту моего существования. Новая минута — новый глоток золотистого виски. И так до того момента, пока рассудок окончательно не откажет.

Это такая особая игра. Считать, сколько стопок окажется во мне на этот раз, и каждый раз сбиваться со счёта.

— Степан, — отец вырастает над душой, как каменное изваяние.

Смотрит насквозь, будто больше не видит во мне человека. Его суровые глаза полны разочарования и презрения.

— Что? — бросаю сухо, не отрывая взгляда от проклятой секундной стрелки, которая никак не доползёт до числа двенадцать.

— Ты бухаешь уже две недели без перерыва, — стальной голос обжигает холодным безразличием.

Повисает тишина. Стрелки противно тикают. Остаётся пара секунд.

Три.

Две.

Одна.

Холодная жидкость прокатывается по горлу, оставляя горькое послевкусие и жжение. Я наполняю стопку и вновь поднимаю взгляд на циферблат настенных часов. Всё начинается снова: длинная стрелка медленно перемещается, но в этот раз перед глазами плывёт. Совсем скоро мозг отключится.

— Степан, — повторяет отец с напором.

— Что? — усмехаюсь.

— На кого ты стал похож? — жужжит в ушах.

Перевожу потерянный взгляд на Волкова старшего. Ногти впиваются под кожу, на мгновение отрезвляя.

— На тебя, — зловещий шёпот сменяется раскатом смеха. — Я стал похож на тебя,

папа.

— Ты, видимо, окончательно свихнулся! — перекрикивает мой смех. — Может, сдать тебя в наркушку, где лечили мать твоей жены?

Ядерным взрывом под кожей бушует злость, мощным рывком поднимаюсь с кресла, и бутылка с дорогим напитком, которую я по неосторожности задел, падает на пол. Стёкла разлетаются по полу, а виски выпитывается в дорогой ковёр, оставляя мокрые разводы и капельки брызг.

— Чёрт, — закрываю глаза и теряю равновесие.

Уцепившись за край стола, всё же удаётся сесть обратно в мягкое кресло и избежать падения вслед за бутылкой.

— Клоун! Вот ты кто! — фыркает старик, но я уже не смотрю в его сторону.

Даже если бы захотел смотреть, всё равно не смог бы. Пьяный вдрызг! За эти два месяца самый долговременный период трезвости составил три дня, и, кажется, вместо красной привычной жидкости по моим венам течёт алкоголь.

Интересно, в алкоголиков именно так и превращаются?

Я проебал всё.

Свою любимую женщину с маленьким сыном. Свою корпорацию, где теперь вновь заправляет отец. И, нужно признать, весьма успешно.

— Ты собираешься просыпаться, сынок? Тебе нужно семью возвращать, а ты дальше бутылки ничего не видишь!

— Отвали! — заплетающийся язык мешает сказать слово чётко, но старик меня всё таки слышит.

Наградив меня нарочито громким вздохом, он разворачивается и покидает кабинет. А я, закрыв глаза, проваливаюсь в беспмятство.

Новый день начинается с жуткой мигрени. С огромным усилием воли дохожу до столовой, сажусь за пустой стол и потираю пальцами гудящие виски. Шум в ушах такой, словно я нахожусь в поезде.

— Степан Ефимович, вам плохо? — сладко поёт женский голос.

Не спешу открывать глаза и отвечать на вопрос.

— Господин, я могу вам чем-то помочь? — тонкие пальцы обнимают моё плечо, оставляя электрическое покалывание на коже даже сквозь ткань футболки.

— Найди таблетки от головы.

— От головы тебе поможет только топор, — внезапно слышится за спиной, и я оборачиваюсь.

— Почему ты ещё здесь? — морщусь, осмотрев отца в ослепительном дорогом костюме.

— Наверно, потому что мой сын алкоголик, а моё родительское сердце болит за него, — выдаёт как-то слащаво и протягивает мне стакан с шипучей таблеткой на дне.

— Это что? — брезгливо.

— Отрава. Пей! — улыбается собственной убийственной шутке.

Олеся тоже хихикает, оценив прикол.

Господи, и почему я её до сих пор не уволил?

Ничего не остаётся, как принять из руки Волкова старшего стакан и залпом залить в себя.

— Молодец, Стёпа, — отец щурит глаза насмешливо. — А теперь иди в душ. Ты едешь со мной в офис.

— Зачем?

— Без лишних вопросов, Степан. Собирайся.

Вода резко ударяет по горячему телу, снимая напряжение в мышцах и многодневное похмелье. Ледяные струи впиваются в кожу, словно иглы, и только теперь у меня проходит мигрень.

Нужно заканчивать свои отношения с алкоголем.

В моей спальне, куда я не заходил уже две недели, перебиваясь сном в прокуренном кабинете, для меня уже подготовили привычный чёрный костюм и идеально отглаженную дорогую рубашку. Одеваюсь и возвращаюсь к отцу.

— Совсем другой человек, — Волков оценивающе рассматривает меня от кончиков ботинок до макушки. — Тебе не мешало бы постричься.

— Тут мне точно твои советы не нужны, — фыркаю.

— Вы великолепно выглядите, Степан Ефимович, — щебечет Олеся, провожая нас.

Почему я её не уволил?

При попытке напрячь мозг, подсознание подкидывает мне странную картину: нянечка умоляет меня оставить её буквально валяясь в моих ногах. Мол, жить негде, а тут она себя как дома чувствует. Персонал её принял, заменил семью.

А я не бесчувственный сухарь, каким меня все считают.

Видимо, я пожалел Олеся и разрешил жить в моём доме.

В офисе сегодня как-то суетливо и душно. Да и похмелье вновь даёт о себе знать, когда сижу рядом с отцом на важном совещании. Это первый день, когда я вышел в люди после долгого запоя, и, кажется, люди сегодня смотрят на меня как-то по особенному. С сочувствием и участием. И сегодня я как никогда остро ощущаю, что из моей жизни пропала очень важная часть.

— Таким образом, это выведет нашу корпорацию на новый уровень, — заключает отец, выдёргивая меня из едких размышлений. — Степан Ефимович, что скажите?

Окидываю взглядом заинтересованные лица наших сотрудников. Семь пар горящих глаз направлены на меня в ожидании каких-нибудь умных слов, а я как баран даже не понял, о чём шла речь.

— Кто не рискует, тот не достигает высот, — складываю пальцы в замок. — Действуем, коллеги!

Совещание заканчивается, и я молча покидаю зал. Длинный коридор привычными поворотами приводит меня к кабинету, который когда-то был моим. Наверное я сюда и с закрытыми глазами смог бы дойти.

— Степан Ефимович! — Оксана поднимается с места, приветствуя меня с искренней радостью, но потом тут же меркнет и тупит взгляд. — У вас посетители.

— Кто?

Я пришёл сюда спонтанно и неожиданно. Кто мог узнать, что именно сегодня я буду в офисе?

— Она ждёт вас в кабинете, — секретарша поджимает губы нервно и возвращается к работе.

Вспыхиваю надеждой, что ко мне пришла моя сладкая Канарейка, резким движением открываю дверь в кабинет и натываюсь взглядом на фигуру девушки в красном платье. С длинными рыжими волосами.

Эвелина стоит ко мне спиной, смотрит в окно. На моё появление даже не реагирует.

— Что ты тут делаешь? — раздражённо бросаю упрёк.

— Здравствуй, Стёпа, — оборачивается.

Притворная улыбка растягивает её губы, а я невольно вспоминаю нашу последнюю встречу в этом кабинете, когда она вымаливала помощь ей с финансами. Сейчас Орлова выглядит гораздо лучше.

— Зачем пришла? — буравлю взглядом её надменное лицо.

— Я всё осознала, — стучит каблуками по плитке, сокращая дистанцию между нами.

— Я не хочу тебя видеть, Эвелина. И разговаривать с тобой не буду.

— Будешь, — её глаза оказываются совсем близко.

Женщина, излучающая бешеную энергетику. Сегодня от неё пахнет деньгами и сексом. Когда-то я повёлся на эту змею, пустил в свою жизнь и остался в дураках. Эвелина чуть не разрушила меня, но я оказался сильнее и умнее.

У бывшей жены не получилось меня сломать.

Меня собственными аккуратными ручками закопала другая женщина, которая появилась в моей жизни как невесомый луч света, а ушла, как смертоносный взрыв, разложив мою душу на молекулы.

— Я знаю, что Вероника бросила тебя, — уголок женских губ вздрагивает. — Это закономерный финал брака по залёту.

— Не смей говорить это! Я женился по любви.

— Разве ты способен на это чувство? — изумлённо хлопает пушистыми ресницами. — Стёпа, мы нужны друг другу. Я предлагаю сделку.

— И что же ты можешь мне предложить?

У тебя за душой только яд и желание нажиться на чужом горе.

— Ты же хочешь управлять этой корпорацией? Как раньше! Быть всемогущим! — лукавый взгляд не сулит ничего хорошего. — Я помогу тебе подвинуть твоего отца. Ты снова станешь главой корпорации и выведешь её на новый уровень.

— Эвелина, что ты...

— Подумай, Стёпа. Плату за это я возьму не очень-то и большую.

Заманчиво виляя бёдрами, Орлова подходит ещё ближе и касается пальцами воротника на моей рубашке, задевая кожу на шее.

— Подумай только! Ты снова станешь хозяином этого города! — шепчет мне в губы. — Если согласен, то жду тебя сегодня в шесть вечера в ресторане "Горизонт".

36

— Степан-

Эвелина уходит. В кабинете остаётся тонкий шлейф её дорогих духов, и этот запах заставляет меня снова и снова прокручивать в голове случившийся разговор и странное предложение бывшей.

Глупо рассчитывать, что отец сам лично вновь отдаст мне нашу корпорацию, ведь я чуть не утопил её. Нефть "ВЕС" обрушилась, акции упали, до банкротства оставались считанные дни. Одному дьяволу известно каким способом Волкову старшему удалось вернуть всё на круги своя и не разориться. Видимо, старые связи напряг.

Однако, прежде чем принять предложение Эвелины, нужно хорошенько поговорить с отцом. Возраст у него неутешительно велик, дни идут на закат.

— Оксана, позови ко мне Ефима Святославовича, — бубню в переговорник.

И уже через десять минут в кабинет входит отец с гордой выправкой и лучезарной

улыбкой.

— Дела идут в гору! — констатирует факт, сверкая самолюбием.

— Сядь, — указываю на кресло. — Нас ждёт тяжёлый разговор.

— Ты прав, сын. Разговор будет тяжёлым! — Волков хмурит седые брови.

Как только он оказывается напротив меня, лицом к лицу, пространство вокруг пропитывается горьким привкусом и даже вяжет во рту. Какое-то время мы просто смотрим пристально друг другу в глаза. Я обдумываю, с чего начать разговор. Отец делает тоже самое. Глубокая складка на его переносице становится влажной от капелек пота, выступивших от волнения.

— Я решил отдать Нефть "ВЕС" сыну Платоновых, — выпаливает, как из автомата, и вальяжно раскидывается в кресле.

А у меня дыхание останавливается и пульс чертовски быстро замедляется.

— Я против, — не отрываю взгляда от собеседника.

— Это не обсуждается, — едва заметно качает головой и поджимает губы. — Ты чуть всё коту под хвост не засунул, а я должен тебе доверять?

Искры насмешки скользят в его расширенных зрачках, а меня впервые начинает трясти от эмоций. Отец учил, что сдержанность и безэмоциональность — залог успеха, а я вот-вот разорвусь от распирающего изнутри негодования.

— У меня есть доля в корпорации. Я выкуплю твою часть...

— У тебя ничего нет, — скашивает губы в зловещую полуулыбку и достаёт из папки документ, подписанный моей личной подписью.

Всматриваюсь в строки, и, мать его, осознаю свой собственный проигрыш. Это финиш.

— Я воспользовался твоим пьянством. Корпорация больше тебе не принадлежит.

— Это не честно, — выдавливаю с какой-то детской обидой.

— О чести поговорим? — бровь старика вздрагивает. — Прости, сын, но Нефть "ВЕС" должна остаться в надёжных руках после моей кончины.

Волков старший поднимается с кресла и молча подходит к двери. Я всё жду, когда он обернётся и выдаст напоследок какую-нибудь колкость обо мне.

Но этого не происходит.

Дверь захлопывается почти бесшумно, и я остаюсь один на один с собственным бессилием и документом, подписанным моей рукой.

Отец никогда не отличался высокими моральными принципами, и просто воспользоваться моим безрассудством и сильным алкогольным опьянением — абсолютно в его стиле. Я не ожидал, что он может так низко ударить. Не оставить мне даже несколько процентов акций. Забрать всё!

Я не ждал от жизни таких подлых сюрпризов. Ещё полгода назад я успешно руководил корпорацией, был выше всех в этом городе на две головы, имел стабильный внушительный доход и репутацию лучшего нефтяного миллионера в России. Я целовал свою беременную супругу в розовые сладкие губы, наслаждался её ванильным запахом и дурманящим голоском, гладил её огромный живот своими ладонями. И тогда я даже подумать не мог, что с вершины опущусь на самое дно.

Ноги утопают в иле, меня засасывает всё глубже.

У меня больше нет власти. Я — никто. Да, я остался владельцем многих заведений этого города, но они не смогут долго держать меня на плаву. Из хозяина города я вскоре превращусь в мелкого бизнесмена, владеющего всего-то парочкой гостиниц и несколькими

ресторанами. Из семьянина, жене которого раньше все завидовали — в одинокого отшельника.

Стираю солёный пот со лба, плетусь к двери в свою офисную спальню. Застываю у стеллажа с алкоголем, выискивая взглядом элитный коньяк.

Пью из горла жадными глотками, горло обжигает.

Сколько можно заливать проблемы?

Отшатываюсь, расслабив пальцы. Бутылка падает на плитку, стекло со звоном рассыпается у меня под ногами.

Это уже зависимость. И она связала мне руки стальными цепями.

В порыве ярости скидываю с полок весь алкоголь. Янтарные лужи заливают пол, попадают мне на обувь. Наступаю на стёкла, и они крошатся под моими итальянскими ботинками.

Крошатся также, как вся моя жизнь. Вдребезги! На мелкие частички, которые уже точно нельзя склеить.

Кто я теперь? Без своей власти?

Без моей милой Канарейки, которая придавала мне сил и наполняла жизнь особым смыслом!?

Застываю перед зеркалом во всю стену. Долго пялюсь на своё отражение. Я не знаю мужчину, которого вижу. Он самозванец! Хочет влезть обратно на вершину и вернуть женщину, которая делала его счастливым. У него растрёпанные волосы с едва различимой сединой на висках, заплывшее от запойного пьянства лицо, шальные глаза. Он тот, кто не понимает чего хочет жизни. И я презираю его.

Я ненавижу того, кем стал!

Не смог удержать ни одну сферу жизни.

Потерял всё!

Оказался в аду.

И если нужно кому-то продать душу, чтобы вернуться обратно в размеренную жизнь, то я готов.

Набираю номер Эвелины.

— Стёпа, — с предыханием слышится из трубки. — Ты подумал над моим предложением?

— Ты знаешь, что мне больше не принадлежат даже акции? — ноздри трепещут, когда втягиваю горячий воздух.

— Я знаю всё. И я единственный человек, который сможет тебе помочь.

— Я согласен!

— Ты ещё не знаешь, что я попрошу взамен, — сквозь расстояние чувствую, как моя бывшая жена сейчас победно ликует.

— Мне всё равно. Я согласен.

— В восемь вечера в "Горизонте". Целую!

Закрываю глаза и сильно сжимаю челюсти. Слышу скрежет собственных зубов. Лютый и болезненный.

Перед уходом я ещё раз осматриваю своё отражение и битые стёкла бутылок, сверкающие от солнца и переливающиеся капельками алкоголя.

— Оксана, нужно вызвать клининг. Пусть уберутся в спальне! — бросаю на ходу.

— Степан Ефимович! Господин! — девушка бежит за мной и повисает на моей шее. —

Я не хочу работать на другого работодателя! Я не останусь в корпорации, если вы всё же уйдёте!

Оксана плачет, вжимается лицом в мою грудь и пачкает тональным кремом белоснежную рубашку.

— Всё будет хорошо! — утешающе обнимаю её за плечи. — Я так просто не сдамся.

37

— Вероника-

Оставив Максимку с моей мамой, еду в "Горизонт". Всё ещё шокирована тем, что Люда смогла открыть собственный ресторан!

За короткий срок обустроить его. Найти работников.

— Привет, — встречает меня на входе. — Проходи прямо и направо, там раздевалка. Сцена уже готова, вся аппаратура настроена. Если что, то Игорь тебе поможет.

— Игорь? — удивлённо моргаю.

— Да. Это бармен, вон он, — Люда впопыхах указывает мне на молодого человека, несущего поднос с пустыми стаканами.

— Хорошо, поняла, — киваю и отхожу.

Люда встречает гостей с лучезарной улыбкой и сама провожает их за столик. Приятно за этим наблюдать, но у меня есть дела поважнее. Нужно привести себя в порядок перед выступлением, поэтому я почти сразу скрываюсь в раздевалке и переодеваюсь в чёрное обтягивающее платье с кружевами. Единственное, которое я забрала из дома Волкова, когда сбегала.

Решила, что все те роскошные наряды, которые муж купил мне, в новой жизни не понадобятся. Куда мне в них ходить? С Максимкой по двору гулять?

А это чёрное платье моё любимое, хоть и ценник у него был не заоблачный. Осматриваю себя в зеркало, поправляю волосы, наношу бальзам на потрескавшиеся от февральских морозов губы и улыбаюсь собственному отражению. Всё таки хорошо, что я додумалась это платье забрать с собой, уж очень оно классно на мне смотрится.

Выхожу в зал медленно, осматриваю занятые столики. Народ потихоньку подтягивается.

— Вероника, — Люда ловит меня за руку. — Только что забронировали последний столик!

— Это очень хорошо! — заражаюсь радостью и обнимаю подружку.

— Не верится, что у меня всё получилось! Ущипни меня! Это точно не сон?

— Не сон. Ты теперь бизнесвумен, поздравляю!

— Пока рано поздравлять. Нужно сделать "Горизонт" самым популярным рестораном в городе! — деловито выговаривает Белкина. — Ну ладно, пора начинать выступление.

Согласно киваю и подхожу к декорированной сцене. Проверяю микрофон, здороваюсь с посетителями. Заранее я подготовила для себя плейлисту с минусами известных песен, и теперь остаётся только включить их через ноутбук. Пока занята этим, Люда проводит за столик у окна ещё одну посетительницу.

А я включаю музыку и возвращаюсь к микрофону, поправляю подол платья и поднимаю взгляд.

Сердце сжимается с неистовой силой. Мне словно сильно ударили в живот, и мышцы сводит, рёбра ломаются, перед глазами цветные искры.

Мой муж стоит рядом со столиком у окна. Напротив него рыжеволосая девушка в красном платье. Я сразу узнаю её. Эвелина.

Его бывшая жена.

Волков смотрит на меня шокировано, не моргая. На его виске начинает трепыхаться та самая вена, которая всегда выдаёт его волнение.

Пропускаю вступление, а музыка всё продолжает играть на фоне. Все смотрят на меня с интересом, ждут, пока петъ начну.

А меня парализовало негодованием и тревогой.

Неужели Стёпа вернулся к бывшей жене?

— Прошу прощения, — плаваю в микрофон и стремительными шагами спешу скрыться где-нибудь от пристальных взглядов.

Слёзы скопились на ресницах и готовы вот-вот пролиться.

Мне цветы отправляет с записками, а сам с бывшей встречается!

— Вероника, я не знала, что Волков будет здесь, — Людка залетает в раздевалку вслед за мной и тут же бросается меня утешать. — Если хочешь, то можешь отказаться от выступления. Я всё пойму! Главное, чтобы тебе было спокойно.

— Всё хорошо, — вытираю слёзы тыльной стороной ладони, стараясь не размазать по лицу тушь. — Я выступлю.

— Вероник, ты уверена?

— Уверена.

Перевожу дыхание, пью минеральную воду, слёзы высыхают.

Я не дам Стёпе разрушать мою жизнь, ломать меня, издеваться. Я сделаю вид, что всё хорошо, и мы вообще не знакомы.

Только собираюсь вернуться в зал к микрофону, как дверь открывается перед самым носом.

— Давай поговорим, — взгляд Волкова буквально впивается а моё лицо.

— Нам не о чем говорить, — отмахиваюсь и отступаю назад.

Дыхание опять сбивается. Я не могу спокойно смотреть на этого мужчину. Он причинил мне слишком много боли. Сначала своим отсутствием в моей жизни и жизни нашего Максимки, затем раздавил меня своими едкими словами. Заставил спасаться бегством, чтобы не позволить раскрошить моё хрупкое сердце в пыль. А сейчас он здесь, смотрит мне в глаза с поддельным сожалением.

— Прости меня, — шепчет тихо и ближе подходит.

А я отступаю до тех пор, пока в лопатки не ударит стена. Отворачиваюсь и сжимаю руки в кулаки.

— Если ты думаешь, что можешь исправить наше расставание цветами, то ты ошибаешься! — стараюсь выдавить улыбку.

— Цветами? — вскидывает брови. — О чём ты?

— Ты совсем дурак, да?

Притворство мужа доводит меня до белого каления.

— Какими цветами, Ника?

— Волков, ты издеваешься? — непроизвольно закатываю глаза. — Лилиями, розами, пионами! По три букета за неделю!

— Я не посылал тебе цветы. Я был... — на секунду мешкает и взгляд опускает на мыски своих чёрных лакированных туфель. — Я был занят.

Интересно, чем? Бывшей женой?

— Как это не посылал? А записка... Записка на букете! Твой почерк и слова о

любви... — голос становится тише.

Я была уверена, что букеты посылает Стёпа. Это очень на него похоже. При любой ссоре он всегда старался задобрить меня красивыми цветами.

— Кто тогда? — выговариваю почти шепотом.

— Видимо, кто-то из моего персонала, — пожимает плечами в ответ. — Виктор или Лиза.

— То есть ты не пытался меня вернуть? — прячу дрожь в голосе.

Подступившие слёзы обжигают горло.

Пока я наивно думала, что муж обо мне не забыл, дарит мне цветы и мечтает о примирении, он, видимо, налаживал общение с Эвелиной.

— Без тебя моя жизнь рушится, Ника. Вернись ко мне! — смотрит в глаза.

Каждое его слово, как ножевой удар в обнажённую спину. Прямо между лопаток. В тот момент, когда не ждёшь.

— Ты пришёл сюда с бывшей женой, — напоминаю ему. — К ней и иди.

— То есть меня прощать ты не намерена? — его взгляд темнеет.

— Тебе нет прощения, Волков. Я всё ждала чего-то, но теперь точно приняла решение.

Я завтра же подаю на развод!

38

— Степан-

Гнев пронзает сердце острой ядовитой стрелой. Меня буквально трясёт от злости, когда жена, вильнув хвостом, оставляет меня одного, наедине с собственными мыслями, ковыряющимися в мозгу, как кишасщие толпы тараканов. Своей непосредственностью и непониманием Вероника рушит что-то важное в самом центре моей души. То, что я давно спрятал и позабыл, что-то неизведанное, забаррикадированное.

Моя жена уже не первый раз бросается громкими словами о разводе. И я не верю, что она действительно способна на этот шаг.

Та Ника Канарейкина, которую я когда-то давно увидел на сцене, была трусихой. Слабой овечкой, пугливой и слишком доверчивой.

Выхожу в зал ресторана, бросаю мгновенный взгляд на заскучавшую за столиком Эвелину, а затем с интересом осматриваю лицо Вероники. Её опущенные ресницы отбрасывают заметную тень на щёки, губы полуоткрыты. Правой рукой она обнимает микрофон, и в какой-то момент начинает петь. Сладкий дурманящий голос заполняет пространство. Жена будто играет на моих нервах.

Волна мурашек трогает спину, а осознание реальности лупит по голове с новой силой: Ника уже не та, какой была год назад. Я изменил её до неузнаваемости.

Возвращаюсь к Эвелине, упав за столик. Меня не покидает чувство, что всё вокруг подстроено. Бывшая специально меня сюда притащила, чтобы я и Ника столкнулись лбами.

— Выпьём? — бывшая самодовольно улыбается, а её ядовитый взгляд цепляется за мои губы.

— Нет. Я не пью.

— Что? — не скрывает наглую усмешку. — С каких это пор?

— Ты знала, чей это ресторан? — осматриваюсь.

— Чей же?

— Бывшей жены Медведева. Людки. А Людка — лучшая подружка моей Вероники.

— Волков, очнись! — Эвелина откидывается на спинку кресла, в тонких пальцах крутит

красивый бокал с крепким алкоголем. — Вероника уже не твоя. Она предала тебя. Как и твой отец.

— Как и ты когда-то, — напоминаю строго.

— Да. Мне жаль! — округляет глаза.

Сама невинность.

— Как ты собираешься помочь мне вернуть корпорацию? — перевожу разговор в нужное русло.

— Стёпа, ты так напряжён, — двигает ко мне бокал с янтарным напитком. — Выпей. Давай расслабимся.

— Скажи, каким образом ты собираешься...

— У меня есть один друг, он может всё изменить по щелчку пальцев. Я вас обязательно познакомлю! — хитрая лиса прищуривает глаза.

— Что за друг?

— Адвокат. С очень хорошими связями!

— И как он мне поможет? — настораживаюсь.

Это просто смешно!

— Волков, не всё сразу, — Эвелина хлопает глазками. — Если тебе некомфортно здесь, мы можем уйти.

Некомфортно слабо сказано.

После разговора с Вероникой внутри настоящая буря. Жена серьёзно настроена развалить наш брак. Но я не сдамся просто так. Если Ника действительно подаст на развод, я сделаю всё возможное и невозможное, но Максим останется жить со мной.

— Стёпа, — Орлова дотрагивается прохладными пальцами до моей руки, и я интуитивно резко одёргиваю её.

— Я хочу знать здесь и сейчас, каким образом твой друг адвокат сможет мне помочь.

Собеседница томно вздыхает.

— Ты не исправим. Тебе нужно всё и сразу! — кривит губы в полуулыбку. — Я же сказала, адвокат с очень хорошими связями. С криминальными. Есть люди, которые не хотят видеть Волкова старшего главой корпорации. А вот ты их полностью устраиваешь.

— Ближе к делу.

— Пока твой папаша не подарил никому корпорацию, нужно его припугнуть.

Опускаю взгляд в стакан с алкоголем. Стараюсь абстрагироваться от всего происходящего и обдумать слова бывшей жены.

— Как припугнуть? — шиплю почти себе под нос.

— Законно, Волков. Ничего плохого с твоим отцом не случится! Оформить ему местечко в элитной тюрьме, доживёт свой век ни в чём не нуждаясь! — щебечет сладко и делает жадный глоток алкоголя.

— Что взамен? — наблюдаю за тем, как в глазах Орловой загорается хищный блеск.

— Я виновата перед тобой, поэтому взамен я хочу лишь прощение и крепкую дружбу!

Очень не похоже на Эвелину.

Перевожу взгляд на сцену, где сейчас выступает моя жена. Вероника крепко обнимает рукой микрофон и закрывает глаза, когда берёт высокую ноту. Её красивый голос обволакивает и заставляет сердце замереть. Всё ещё моя законная, но такая чужая.

Кажется, что я вовсе не знаком с выступающей девушкой. Уверенной в себе, дерзкой, умопомрачительной.

— Стёп, подумай только! Ты станешь главой пропорции, папочка больше не сможет влезать в твои дела. Разве ты этого не хочешь? — елеинный голос Эвелины проникает в самое сердце, поднимает тину и грязь со дна души.

Именно об этом я и мечтал всегда: чтобы отец не вмешивался и не воспитывал меня.

А сейчас, когда обезумевший Волков старший обманом отобрал у меня корпорацию, я чувствую себя букашкой под мощным сапогом. Если отец поступил со мной, как с последним дерьмом, то с чего бы я должен поступать с ним по совести?

Закрываю глаза и вновь слушаю, как поёт Вероника. Она не позволила бы мне влезать в эту игру и топить собственного отца. Светлая и добрая, озаряющая всех вокруг своей всеобъемлющей любовью и заботой. "Ребята, давайте жить дружно" — её девиз по жизни.

Но сейчас Ника далека, как другая галактика.

— Я согласен, — бросаю сухо и беру стакан в руку.

Вливаю в себя янтарный виски, празднуя собственную сделку с совестью. Я упал на самое дно. И эта чёрная полоса обязана стать взлётной!

— Вот и славно! — Эвелина хлопает в ладоши от неконтролируемой радости и подзывает официанта, чтобы обновить бокалы.

Время летит, я пью уже четвёртый и продолжаю смотреть на сцену.

Моя Канарейка.

Моя жена.

Мама моего сына.

Возлюбленная.

Без неё нет смысла жить.

Сначала я верну корпорацию, затем верну Веронику.

Рассудок туманится очень быстро, и уже после пятого стакана я ощущаю покалывание в кончиках пальцев. Глаза закрываются сами.

— Стёпа, тебе плохо? — взволнованно выговаривает Эвелина.

Молчу.

— Я вызвала машину. Поехали домой.

Проваливаюсь в беспамятство.

39

Голова вот-вот расколется на двое. Такой боли я не испытывал ещё никогда. С трудом поднимаю обмякшее тело на локти и смотрю по сторонам, стараясь связать мысли.

Помню, как вчера залипал на свою жену, выступающую в новом ресторане. Разговор с Эвелиной и её предложение тоже отпечатались в памяти. А вот конец вечера — провал полный. При попытке вспомнить хоть что-то ощущаю лишь тупую боль в затылке, словно вчера кто-то ударил мне по голове чем-то очень тяжёлым.

Сминаю пальцами белую простынь, ощущая электрическое покалывание. С трудом стягиваю с себя одеяло и понимаю, что я — голый.

Голый, мать его!

Раздеться самостоятельно я вряд-ли смог бы, да и помня себя, не стал бы этого делать. В пьяном беспамятстве упал бы на кровать и отрубился моментально в пиджаке и брюках.

Сажусь на кровати, выискивающий взгляд скользит по комнате в поиске объяснений произошедшего. Спотыкаюсь о кружевной бюстгальтер на столике и сглатываю ком, застрявший в горле.

"Я вызвала машину. Поехали домой" — голос Эвелины бегущей строчкой в голове.

По лопаткам прокатывается обжигающий холод, а на лбу выступают солёные капли пота. Даже сердце бьётся в лихорадочном приступе.

Я не смог бы в таком состоянии спать с бывшей. Был слишком пьян. Или..?

Хватаюсь за голову, испытывая желание причинить себе боль и выкинуть назойливую мысль куда-нибудь подальше.

Этого не могло случиться!

Ещё раз осматриваю комнату, нахожу свою одежду, обувь, пачку от презервативов.

Нет...

Откинувшись обратно на кровать, закрываю лицо руками. Щёки горят огнём, и пока мозг пытается опровергнуть произошедшее, пазлы медленно складываются в отвратительную картину.

У меня есть жена. Я столько держался и терпел, потому что хотел только свою Канарейку. От мысли, что могу притронуться к телу другой женщины, испытывал приступ тошноты и отвращения. А сейчас вот так глупо...

Поверить в произошедшее сложно, но факты говорят сами за себя. Я изменил жене.

Изменил собственным установкам и принципам.

Изменил сам себе.

С трудом подняв непослушное тело с постели и накинув халат, спускаюсь в столовую.

— Доброе утро, — хрипло здороваюсь с Лизой и Виктором, шепчущихся о чём-то.

Мои домашние помощники дружно оборачиваются. Две пары глаз впиваются в меня с остервенелой ненавистью и скрытой обидой. Оба молчат, насупились как воробьи.

— Что происходит? — застываю с вопросом.

— Это мы у вас хотели спросить, — Лиза пожимает плечами и быстрым семенящим шагом скрывается в кухне.

— Виктор, что вчера было? — сверлю взглядом нервного мужчину.

— Посмотрите по камерам, господин, — отзывается тихо и отворачивается от меня.

— Что у нас на завтрак? — бросаю вопрос ему в спину, а в ответ тишина.

Полный игнор.

Будто меня не существует.

Посмотреть камеры — хорошая мысль.

Прохожу в кабинет охраны и начинаю отматывать записи на вчерашний вечер.

Вижу собственными глазами, как заявился домой в обнимку с бывшей и бутылкой какого-то дешёвого коньяка в руке. Прижимал к себе Эвелину в прихожей и самодовольно высказывал собравшимся у входа домашним помощникам о том, что Орлова теперь снова со мной и будет жить здесь. Потом с трудом поднялся на второй этаж, цепляясь за перила, как обезьяна за лианы. В спальню я зашёл вместе с бывшей.

А что было дальше, известно одному дьяволу. И Эвелине.

От стыда горят кончики ушей, и я могу лишь глаза закрыть обречённо. То, чего я боялся, всё таки случилось.

Ну не мог я так напиться парой стаканов!

Тревога окутывает рассудок настолько, что вообще перестаю соображать. Только ногти, до боли впившиеся в собственные ладони, отрезвляют.

Я выпил мало. Почему мой мозг внезапно решил покинуть голову?

Набираю номер Эвелины, чтобы прояснить сложившуюся ситуацию, но после долгих гудков слышу дурацкий автоответчик. Веки тяжелеют.

Кажется, я ввязался в игру, которая мне не по зубам. Рассчитывал на помощь коварной змеи, но налетел на очередную подставу.

— Степан! — леденящий холод прокатывается по спине от агрессивного баса за спиной.

— Я не в настроении говорить, папа, — даже не оборачиваюсь.

— Сын, ты выжил из ума окончательно, да?

Молчу.

Наверно, именно это со мной и случилось. Иначе как объяснить моё вчерашнее поведение?

— Что ты забыл рядом с этой шлюхой? Какого чёрта ты так позоришься? — громом разлетается по маленькой комнате.

— О чём речь? — решаюсь взглянуть на отца через плечо.

Старикан стоит в дверях и дышит медленно и шумно, в руке сжимает телефон.

— Полюбуйся! — суёт мне под нос открытую статью, и я скольжу взглядом по строчкам.

"Открытие ресторана "Горизонт" превзошло все ожидания!"

А дальше о Людке, которая обманом запустила собственный бизнес, украв у бывшего мужа пару миллионов. И обо мне с Вероникой.

"Пока Вероника Волкова строит карьеру и поёт на открытии ресторана, её муж миллионер Степан Волков ужинает с экс-супругой в романтической обстановке. Похоже, что и этот брак скоро распадётся".

— Вероника тебя не простит, — звучит как проклятие.

Я знаю, что не простит. Потому что я переступил черту.

40

Вероника

— Что думаешь делать? — осторожно интересуется Люда, подняв на меня взволнованный взгляд.

В ответ лишь пожимаю плечами и улыбаюсь собственному желанию отмотать время назад и никогда не встретить Волкова.

— Это, конечно, очень плохо. СМИ теперь от вас не отстанут! — вздыхает.

— Я пока к тебе ехала, меня папарацци сфотографировали. Прямо у дома.

— Отвратительно. Узнали, где ты живёшь, значит! — выпаливает и закатывает глаза.

— Всё будет хорошо. Ты вот цветёшь после развода, и я...

— Будешь разводиться? — Люда недоумевающе вздёргивает бровью. — У вас общий ребёнок, Вероник. Может, стоит дать Волкову ещё один шанс?

— Я смертельно устала понимать, принимать, сопереживать, — опускаю взгляд и скрещиваю пальцы между собой, чтобы унять дрожь в руках. — Когда кто-нибудь уже подумает обо мне?

— Я в шоке, что цветы тебе присылал не Стёпа, а кто-то за него, — Людка пожимает плечами.

От разговора нас отвлекают вошедшие посетители, и моей подружке приходится бежать встречать гостей. А я остаюсь наедине с собой. Сокрушительные мысли за минувшую ночь совсем меня добились.

Он посмел заявиться в ресторан со своей бывшей! С той самой, которую он люто ненавидел раньше. Которую презирал и стремился уничтожить. А вчера сидел с ней за одним столом, пил свой любимый алкоголь и улыбался ей. Смотрел в её глаза внимательно и

вкрадчиво вслушивался в каждое произнесённое её подлыми губами слово.

А я давилась собственным горем. Сердце скрипело в груди, скулило, как брошенная собака. Я задыхалась от мысли, что между нами всё кончено, но не показывала виду. Просто пела и проживала боль в каждой ноте, отпускала мысли и забывалась в музыке.

Горела, как Феникс. Чтобы воскреснуть вновь.

И хоть мозг мой давно осознал, что этот брак с миллионером обречён на провал, а красивой сказке суждено обернуться жестоким уроком, сердце по-прежнему хочет верить в розовые чудеса и сладкие грёзы про исцеляющую силу любви.

Сказок не бывает. Серая реальность настигла меня и душит, убивает веру в лучшее, светлое, искреннее.

Я точно знаю, что на раскалённых дымящихся углях моей души я буду танцевать ещё долго. Буду оплакивать своё разорванное на клочки сердце и заново учиться жить без чудес.

Без Волкова.

Без людей, которые работали в его доме и стали мне родными.

Лёгким движением руки смахиваю непрошеную слезинку с щеки и до боли в лёгких задерживаю дыхание, чтобы не провалиться в истерику снова.

— Уже видела, что написали в интернете про Стёпу и его бывшую жену? — Людка появляется рядом также неожиданно, как и убежала решать рабочие моменты.

— Видела, — выдыхаю шумно и закрываю глаза. — Он вчера уехал с ней в обнимку. Знал, что я это вижу, и позволил себе такое поведение!

Лютый холод трогает спину, а руки бесконтрольно сжимаются в кулаки.

— Не злись. Может, он специально этот цирк устроил, чтобы тебя на эмоции вывести!

— У него получилось.

— Слушай, Вероник, ты точно решила ставить точку? — слезливый голос подружки как иглы пронзает. — Если он немного изменится, ты его простишь?

— Он не исправим, — отмахиваюсь.

Но ложка сомнений добавляется в бочку моих настойчивых решений уйти от него.

Если бы вернулся тот Стёпа, который любил меня до исступления и готов был весь мир положить к моим ногам... да, я бы вернулась.

— Все ваши проблемы от того, что вы потеряли связь. Перестали проводить время вместе, не разговаривали о трудностях! — мурлычет подружка.

— Ты давно в психологиню превратилась? — скептически сужаю глаза, осмотрев добродушное выражение лица Люды.

— Вероника, поговори с ним. Дай ему шанс. Вы долго вместе. И у вас ребёнок! — настойчиво требует Люда, но тут же вновь встаёт из-за стола. — Извини, посетителей сегодня много!

Цокает каблуками по новенькой плитке, а я провожаю её взглядом растерянно.

Может, она права? Мы с мужем так и не поговорили по душам. Не высказались друг другу. Не выяснили ничего.

И я, как умалишённая, всё равно люблю мерзавца Волкова!

— Вероника! — знакомый мужской голос за спиной, как раскат грома среди ясного неба. — Вот это встреча!

— Доминик? — от неожиданности часто хлопаю ресницами.

Амьель собственной персоной! Начищенный и вылизанный, одетый с иголочки, самовлюблённый, с горящими от радости глазами и широкой улыбкой на лице.

На мгновение неловко становится из-за своего простого вязаного платья, которое мне на прошлой неделе купила мама.

— Прекрасно выглядишь! — комплимент воспринимается как насмешка.

Но я нахожу в себе силы выдать нервное "спасибо".

— Ты одна здесь? Я присяду? — тараторит быстро и, не дожидаясь моего ответа, располагается в кресле напротив.

— Что ты делаешь в России? — качаю головой.

Шок от неожиданной встречи так и не отпускает.

— Приехал по работе на пору дней. Мы здесь с моей напарницей! — жестом указывает на девушку за центральным столиком. — Присоединишься к нашему обеду?

Не сразу улавливаю вопрос, с любопытством разглядывая миловидную блондинку с гордой осанкой. Кого-то она мне напоминает.

— Вероника, — Доминик касается моей руки, и я застываю.

— Я спешу, извините, — одёргиваю руку спустя несколько длинных секунд и встаю.

— Может, встретимся вечером? — с надеждой. — Я показал тебе зимнюю Женеву, ты покажешь мне весеннюю Москву.

Открываю рот, чтобы отказаться от этого предложения, но... дома я снова растворюсь в своих переживаниях и промочу подушку горькими слезами. А в Женеве мы с Домиником неплохо провели время, и ничем отвратительным и недопустимым это не закончилось.

И сейчас это просто ужин.

— Хорошо, — выдавливаю подобие улыбки. — Я буду ждать вас с восемь в этом ресторане.

— Договорились!

41

Степан

После ухода отца чувствую себя ещё паршивее.

Около часа я провёл в душе, стоя под горячими струями воды и мечтая смыть с себя случившийся позор. И не смотря на то, что кипяток обжог кожу, совесть так и осталась запачканной. Эту грязь не оттереть, не выжечь.

И виноват только я. Был рассудительным, мудрым, просчитывал всё на десять шагов вперёд. А сейчас что? Смотреть на меня жалко! Подонок и идиот в одном умопомрачительном флаконе.

Набираю номер Эвелины снова и снова, в душе закипает лютая буря, готовая снести на своём пути всё.

— Стёпочка, привет! — слащавый голос будоражит.

— Эвелина, ты где?

— Еду по делам, — равнодушно. — А что такое?

Явно насмехается надо мной.

— Нужно поговорить, — усердно тру переносицу.

— Хорошо, давай встретимся и поговорим. Нам есть что обсудить после вчерашней ночи! — выдаёт томным голосом, и моё нутро передёргивает.

Я бы отдал всё, что у меня есть, лишь бы вычеркнуть вчерашний день из своей жизни. Сложно будет сдержаться и не придушить бывшую жену при встрече, потому что меня накрывает громадной волной гнева.

Она всё подстроила. Вновь впутала меня в липкие сети своих интриг, а я повёлся, как

безмозглая муха.

— Где встретимся?

— Стёпочка, давай я заеду через пару часов?

— Не называй меня так, — шиплю.

— Вчера ты был не против, — нахальная усмешка.

Закрываю глаза и сдавливаю в руке телефон до адской боли в ладоне.

— Я тебя жду, — сбрасываю.

Ситуация, мягко говоря, печальная.

Выхожу из комнаты, чтобы найти кого-то из своих домашних. Есть хочется, и голова всё ещё болит, а мой персонал ополчился против меня. Все надулись и игнорируют моё существование.

— Настя, — ловлю горничную за локоть, и та тормозит.

Нарочито громко вздыхает, плотнее прижав к себе аккуратно сложенную стопку постельного белья.

— Да, господин? — после недолгого молчания поднимает на меня зловецкий взгляд.

— Скажи всем, чтобы собрались в столовой. У нас совещание.

— Совещание? — испуганно.

— Да, Настя. Найди всех. Я жду.

— Хорошо, — пожимает плечами и быстрым шагом скрывается в одной из комнат.

А я спускаюсь на первый этаж. Осмыслив то, что натворил вчера, принял решение извиниться перед своими домашними помощниками. Они добросовестно служат мне уже много лет, а я веду себя с ними, как последняя скотина. А в целом без этого сплочённого коллектива моя жизнь просто рухнула бы в одночасье. Даже сейчас мне нечего поесть, потому что они об этом не позаботились. И где лежат таблетки я не имею понятия.

Располагаюсь в столовой во главе стола в ожидании. Закрываю глаза, и в памяти всплывают обрывки прошлого.

" — Сына назовём Максом, — сообщает Ника, прижавшись ко мне.

— Ты не хочешь со мной посоветоваться? — улыбаюсь и обнимаю жену.

Она такая красивая! И этот милый животик ей очень идёт. Смесь безграничной милоты и пряной женственности. Вдыхаю аромат её волос, и внутри, словно воздушный шарик, раздувается счастье.

— Не хочу, — деловито заглядывает в мои глаза, а после касается губами моей шеи. — Я так сильно люблю тебя, милый!"

Хочется плакать. Я потерял самое дорогое, что только может быть в жизни.

" — Скорее! — хватает мою руку и прикладывает к своему животу, остановившись прямо посреди многолюдной улицы. — Чувствуешь?"

Смотрит на меня с таким восторгом, будто ребёнок у которого мечта сбылась! А я ощущаю, как под тёплой ладонью шевелится мой сын!

— Ого! — после сильного пинка выдаю я.

— Наверно, сынок наш будущий футболист! — Ника смеётся, притягивая к себе взгляды прохожих."

Мы были настолько счастливыми и любящими, что то состояние казалось нам нормальным. Стабильным. Не было ни ссор, ни грандиозных скандалов. Конечно, моя жена не была ангелом, но я быстро мог её успокоить. Понимал, что это всего лишь гормональный фон пляшет из-за беременности.

А потом словно нити порвались.

"— Смотри, — показывает вытянутой рукой на семейную пару с маленьким ребёнком. — Они такие счастливые!

По щеке Вероники моментально катится хрустальная слезинка.

— Милая, мы тоже счастливые! Сынок вот-вот появится! — напоминаю заботливо, потому что в моменте кажется, что Ника позабыла о своём положении.

— Мы будем самыми лучшими родителями! — сообщает без сомнений и прижимается ближе ко мне."

Я не оправдал её надежд. Не стал хорошим мужем и отличным родителем. Был занят собой, своими мыслями о работе. А нужно было сконцентрироваться на семье. Отвести Веронику к психологу, как только она впала в вечную усталость и отказывалась принять помощь. А я нашёл психолога только себе и вовсе забил на жену.

Это только доказывает то, что я конченный идиот.

Виктор и Лиза молча входят в столовую, вытаскивая меня из плена размышлений о совершенных ошибках.

— Присаживайтесь, — киваю, осмотрев недовольные лица персонала. — Где остальные?

— Настя ищет Олесю, — сухо бросает Лиза, заняв место напротив меня.

— Виктор, принеси воды и таблетку от головной боли.

Мужчина нервно вздрагивает и с опаской косится на грузную женщину. Домоуправляющая едва различимо кивает, и только после этого дворецкий решается исполнить мою просьбу. Видимо, Лиза главная у них, она всем заправляет.

— А вот и мы! — Олеся появляется с улыбкой, чего не скажешь о Насте.

Выпив обезболивающее, я встаю и начинаю совещание.

— В первую очередь, я должен извиниться перед вами за случившееся вчера. Моё поведение было непозволительным. Как все уже поняли, Эвелина здесь жить не будет. Произошедшее было огромной ошибкой, и мне стыдно. Простите меня!

Домашние помощники внимательно слушают, но на их лицах нет никаких эмоций, словно я говорю с каменными изваяниями.

— Во-вторых, я хочу знать, кто из вас на протяжении месяца отсылал Веронике цветы от моего имени?

Тишина.

Не хотите сознаваться?

— Виктор, может это ты? — вопросительно осматриваю дворецкого, но тот лишь отрицательно головой качает. — Лиза? — перевожу взгляд на неё.

— Это не я, — буркает недовольно. — Господин, никакими цветами не искупить вину за то, что вы сделали!

Я знаю.

Опускаю взгляд на свои вспотевшие от волнения ладони.

— Ладно, — выдыхаю. — Ещё кое что...

Прокручиваю в голове то, что должен сказать, но не могу пошевелить языком.

— Нам не хватает Вероники, — плачет Настя. — Она стала частью нашей семьи.

— Тихо, — шикает на неё Лиза.

— Мне тоже её не хватает... — пальцы сжимаются в кулаки. — Я не знаю, что делать и как её вернуть.

Чистосердечное признание даётся мне с трудом. Язык онемел от волнения.

— После вчерашней ночи... — Лиза посылает в меня убийственный взгляд-проклятье. — Вы не достойны Вероники!

— А что такого Степан Ефимович сделал вчерашней ночью по вашему? — встречает Олеся, пожав плечами.

— Трахнул бывшую жену! — домоправительница вскрикивает, всплеснув руками.

— Нет, — няня качает головой и загадочно улыбается.

— Как это "нет"? Мы же знаем... — начинает Настя.

— Степан Ефимович послал её, — Олеся переводит взгляд на меня. — Я проходила мимо и... стыдно в этом признаваться... я сняла на видео, как эта рыжая бестия разговаривает по телефону.

Няня достаёт свой мобильник и включает двухминутное видео того, как Эвелина злится и рассказывает подробности вчерашней ночи. Оказывается, я выгнал её. Высказал, что она дрянь и шлюха. Даже пальцем к ней не притронулся, и подмешанные в алкоголь таблетки не помогли.

— Олеся, — глаза становятся влажными. — Спасибо!

— Степан Ефимович, я не могла поступить по-другому. Я чувствовала, что эта женщина собирается обмануть вас!

— Ну чтож, друзья! Нам нужен план, как вернуть Веронику! — сообщаю бодро, чувствуя душевное облегчение.

42

— Господин, в первую очередь потребуйте время с сыном. Вероника не сможет отказать, у Максимки ведь должен быть отец, — несмело начинает Лиза, пристально смотря в мои глаза своими напуганными.

Я точно знаю, что все присутствующие желают вернуть в нашу семью Канарейку.

— За этот короткий период я поняла, что Веронику не купишь, — выдаёт Олеся, опустив глаза. — Поэтому нужны не дорогие подарки, а внимание, забота и время.

— Что ты хочешь сказать? — невольно хмурюсь, взвешивая её слова.

— Купите ей что-то простое. Тёплый плед, который будет согревать её этой весной, или простой брелок с каким-нибудь музыкальным символом. И, когда будете дарить, скажите, что эта вещь напомнила вам о ней. Мне кажется, она любит такое.

— Точно! — радостно взвизгивает Настя. — А ещё выпросите у неё свидание, но проведите время не так, как вы привыкли. Вместо дорогого ресторана привезите её куда-нибудь посмотреть на звёзды и послушать тишину природы!

— Вы правда думаете, что она это всё оценит? — стараюсь прикрыть удивление недовольной гримасой.

— Ну конечно! Это же наша Вероника! — заключает Лиза.

— Хорошо, я, кажется, понял, — утвердительно киваю, стараясь сложить в голове все созревшие мысли по полочкам.

Моя Вероника к роскоши не привыкла. И сердце её дало трещину после обычного ужина в какой-то столовой на трассе, а не в дорогом ресторане с устрицами и камчатскими крабами. Почему бы не попробовать эту простоту использовать сейчас, чтобы получить желаемое?

После совещания с домашними помощниками мне намного легче. И меня больше не трясёт от мысли, что с минуты на минуту должна заявиться моя бывшая жена с серьёзными

разговорами.

Дожидаюсь её в своём кабинете на втором этаже, и чтобы скоротать время пересматриваю фотографии с Вероникой, сохранившиеся на моём телефоне. Любуюсь её искренней улыбкой и сияющими глазами, освещающими темноту в моём сердце.

— Привет, Стёпочка! — с бесцеремонной дерзостью на пороге появляется Эвелина.

Сияет бриллиантами и ослепительной улыбкой. Удивительно, как жизнь любит эту змею. Ещё совсем недавно она плакала и просила меня помочь ей с финансами после того, как посадили её "любимого" муженька, а сейчас снова зацвела и приоделась. И я уверен, что не заключённый Орлов спонсирует её красивую жизнь.

— Здравствуй, — коротко отзываюсь я, осматривая бывшую супругу с ног до головы.

— Повторим вчерашнюю ночь? — строит глазки и косит под дурочку.

Конечно, она же подсыпала мне что-то в алкоголь. И теперь на полном серьёзе думает, что я ничего не помню.

— Если честно, я ничего не помню, — вру.

Какую бы игру она не задумала, я на шаг впереди.

— Стёпа, ты вчера был бесподобен! У меня давно не было такого яркого секса! — выдаёт томным голосом и подходит ближе.

Актёр из меня плохой, и я это знаю. Стараюсь разыграть истинное потрясение, удаётся с трудом, но Эвелина верит. Она ни чуть не сомневается в своём плане, который каким-то чудным образом смог созреть в её красивой рыжеволосой головке.

Не удивлюсь, если она лишь пешка в чьих то умелых руках.

— Ну, не хлопай глазками, милый. Вчера мы хорошо развлекались, но ты же не хочешь, чтобы об этом узнала твоя жена? — искры коварства проносятся на дне её тёмно-зелёных глаз.

— Эвелина, послушай, — откидывают в кресло и расслабленно стучу пальцами по ровной поверхности стола. — Я не хочу играть в твои игры.

— У меня есть доказательства твоей измены, — парирует бывшая.

— А у меня есть опровержение твоих доказательств.

Эмоции на смазливом личике меняются с бешеной скоростью, и я на мгновение ловлю настоящий кайф с этого. Расколол её розовые мечты о том, что сможет меня шантажировать. Эвелина задумчиво хмурит брови, а после вспыхивает от злости.

— То есть... — начинает тихо.

— То есть у тебя ничего не вышло, — победно киваю. — Скажи, милая, твоё предложение про отставку моего отца тоже было липовым?

Рыжеволосая бестия опускает взгляд, внимательно рассматривает что-то на полу. По её выражению лица понятно, что в пустой головке запустился сложный мыслительный процесс. Только вряд-ли эта пауза поможет ей придумать хоть какое-то адекватное объяснение.

— Я не думала, что... — шепчет, взгляд поднять боится.

— Ты хотела денег? — усмехаюсь. — Обломись.

Ещё пару секунд любуюсь покрасневшими щеками бывшенькой, а после указываю ей на дверь:

— Пошла вон!

Мгновение, и от Орловой остаётся лишь приторный шлейф духов.

— Степан Ефимович, — Лиза проникает в кабинет почти не слышно. — Вероника

сейчас в ресторане "Горизонт", вам стоит поехать туда прямо сейчас.

— Оперативно сработано, Лиза. Вызови машину.

43

Вероника

— Ну и куда ты опять? — мамино лицо выражает вселенское недовольство.

— У меня выступление, — отвечаю на автомате.

Не хочу обманывать, но по-другому меня не отпустят.

— С каких пор выступления стали для тебя дороже собственного ребёнка?

На мгновение замираю, опустив глаза.

Нет ничего дороже Максимки. Но я сойду с ума, если буду продолжать сидеть в четырёх стенах.

— Мам, ну я же Максимку с тобой оставляю. Тебе то я могу доверить самое дорогое, что у меня есть.

— Можешь, — утвердительно кивает, крепче прижав Максимку к себе.

— Ну всё, я побежала, — целую сыночка в пухлую щёчку и улыбаюсь нежно.

— Пока-пока, — мама закрывает за мной дверь.

На улице холодно и мрачно. Повисли густые тёмно-серые тучи с примесью синевы, окутав всё пространство вокруг. Кажется, что небо вот-вот коснётся многоэтажных домов и снесёт их. Пока добираюсь до ресторана, город стремительно утопает в ночи, и даже фонари сегодня не спасают. По коже гоняют мурашки от каждого дуновения ледяного ветра, и я лишь сильнее кутаюсь в зябкое пальто.

Додумалась же дорогие вещи у Волкова оставить... забирать нужно было всё! Гордая, равно глупая.

Вхожу в тёплое помещение и с облегчением вдыхаю комбинацию приятных запахов.

— Вероника? — Людка осматривает меня с головы до ног, пока я спешно снимаю пальто.

— Не говори ничего. У меня встреча с Амьелем! — закатываю глаза устало.

— С этим швейцарцем? — давится нервным смешком. — Ты, подруга, решила пуститься во все тяжкие!

— Нет. Просто встреча.

— Ммм, — тянет Люда и показывает за свободный столик у окна. — Присаживайся.

Место довольно уютное. Рядом мерцают фонари, подсвечивая изморось золотым светом, капельки выглядят как цветные конфетти. Расслабляюсь, заказав себе шампанское.

Доминик появляется в ресторане без опозданий, в компании прекрасного букета молочных роз. Наблюдаю за ним издали, стараясь рассмотреть другим, свежим взглядом.

С Волковым точно всё.

Наши отношения зашли в тупик, и чтобы выйти из него мы должны действовать сообща, взявшись за руки и обсудив каждую деталь. Но Стёпа неисправимый циник и твердолобый идиот, для которого существует лишь одно правильное мнение — его собственное. Я давно проиграла в любовь, и больше не дам мужу дотрагиваться до моего сердца.

А Доминик Амьель... Он давно меня заметил. Он не скрывает, что испытывает ко мне симпатию. И почему бы мне не присмотреться к нему получше?

Я без пяти минут разведённая женщина!

Швейцарец замечает меня, расплывается в искренней улыбке и движется к столику.

Хорошенький в этом чёрном костюме...

Такие костюмы всегда носит Волков.

Сердце безбожно вздрагивает и опускается в пятки, как камень в воду. Сглатываю ком в горле, перекрывший кислород. В секунду становится так душно, что хочется выбежать на улицу и остудить вспыхнувшие щёки дождевой водой.

— Добрый вечер, Вероника, — Доминик с особым энтузиазмом протягивает мне букет.

Его взгляд фривольно скользит по моей фигуре в чёрном обтягивающем платье, и в глазах проносятся подозрительные вспышки.

— Здравствуй, — выдавливаю, еле дыша.

— Ещё когда я был дома, в Швейцарии, мне приснился сон, что я должен подарить букет роз самой красивой девушке, которую встречу в России! — садится напротив, не переставая смотреть в глаза. — И я решил, что ты — самая красивая в этой стране.

— Ты меня смущаешь!

Притворяться не приходится, я улыбаюсь. Мне понравился его комплимент.

— Уже что-то заказала?

— Только шампанское, — стреляю глазами на свой полупустой фужер. — Ждала тебя.

— Надеюсь, недолго? — взволнованно.

— Мне нужно было хорошо подумать перед нашей встречей, — откидываюсь на спинку кресла.

— Позволишь узнать, о чём?

— О своей жизни. Ты ведь знаешь, что мы с Волковым...

— В ссоре? — хмурит тёмные брови.

— Мы расстались. Я собираюсь подать на развод! — нагло заявляю о своём решении.

И от собственного голоса начинает воротить. Желудок скручивается в трубочку, и горло болезненным спазмом пульсирует в горле.

Я ведь всё ещё страдаю по Стёпе. И никакой Доминик не заткнёт дыру в моей душе, вызванную расставанием с мужем.

Но у других же как-то получается переключить своё внимание с одного мужчины на другого!? Почему я не могу перестать думать о прошлом?

— Я приятно удивлён, — косит губы в полуулыбку. — Тогда понятно, почему ты так легко согласилась поужинать со мной.

— Я почти свободная, — выдаю с натяжкой.

Нет. Я не свободная. Я всё ещё в браке.

Борьба здравого смысла и желания перестать чувствовать душасую боль расставания набирает обороты с бешеной скоростью. Прошу у официанта добавить мне шампанского, чтобы поскорее перестать сомневаться в своём решении: сегодня будет запоминающийся вечер с Домиником, а завтра я уже и не вспомню Волкова. Мой спутник заказывает какой-то салат, и я прошу тоже самое.

На самом деле есть не хочется, но просидеть весь вечер только с алкоголем не могу.

— Что планируешь делать после развода? — спрашивает в лоб.

Учиться жить заново.

— Буду записывать свои треки и набирать целевую аудиторию. В планах проводить собственные концерты, иметь армию фанатов и жить счастливо.

— Грандиозно! — хлопает в ладоши. — Уже нашла продюсера для себя?

— Даже не начинала искать, — пожимаю плечами. — Я не продумывала всё до мелочей. Пока что мои мечты — это только мечты, не подкреплённые никакими

действиями.

— У меня есть знакомый продюсер. Очень хороший! — рука Доминика скользит по столу и накрывает мою ладонь. — Я дам ему твои контакты, но сначала посмотрим, чем закончится сегодняшний вечер.

Озноб вдоль позвоночника предвещает меня об опасности, но я остолбенела и даже руку не в силах убрать. Зря я заикнулась о расставании с Волковым. Эта игра мне не по зубам.

А Доминик теперь всерьёз думает, что между нами что-то может быть. Он, как паук, уже расставил сети! Осознание накрывает мой запяевший рассудок, и становится по-настоящему страшно.

— Степан Ефимович, я не могу вас пустить, мест уже нет, — слышу голос Людки у входа. — Нужно было бронировать столик заранее.

Одёргиваю руку, придя в себя.

Волков показывается из-за стены слишком неожиданно.

— Степан Ефимович! Мест нет! — Людка предпринимает очередную попытку задержать его, но тщетно.

Увидев меня, замирает. Его лицо становится бледным, а на виске начинает играть синяя выпуклая венка.

Ну всё. Волков в ярости.

44

Наши взгляды сцепились и буравят друг друга на бешеной мощности. Он стоит далеко, но я спинными мурашками чувствую его ненависть к моему сегодняшнему спутнику.

Боже, как бы он не взбесился окончательно, а то набросится на невиноватого ни в чём Доминика!

Встаю из-за стола и делаю шаг навстречу к мужу. Почти бывшему. По которому я ещё не переболела, но уже приняла решение не подпускать к себе близко и отвергать все попытки вернуть отношения. Сердце громко стучит между лопаток и пугающий холод трогает позвоночник.

— Что ты тут делаешь? — шикаю, остановившись в метре от Волкова.

Его глаза презрительно сужаются, смотрит из-под тёмных ресниц с нескрываемым осуждением.

— Это ты что тут делаешь? — стреляет взглядом в Амьеля. — С этим...

Морщится, не закончив фразу.

— У меня свидание, — парирую, сложив руки под грудью.

А ладошки покрываются красными нервными пятнами и пальцы прошибает дрожь.

— Свидание? — удивление и негодование смешиваются в хриплом тембре его голоса.

— Да, свидание. А ты думал, что я буду ждать, пока ты опомнишься?

Стёпа молчит. Только смотрит кровавым взглядом. Будто задушить готов голыми руками. Меня окутывает паника, лапает рассудок и нагоняет туман... я не знаю, зачем говорю это всё. Точно бес за язык тянет.

Если драка неизбежна — бей первым. И я, видимо, хочу ударить побольнее.

— Ты. Моя. Жена! — чеканит каждое слово.

Делает шаг ко мне, заставляя кровь отхлынуть от лица. В мгновение щёки холодеют, и голова кружится. Нагло хватает мою руку, игнорирует попытки вырваться.

Ошарашенная Люда стоит рядом и молча наблюдает за происходящим. Испуганная, бледная, как сметана, даже дышать забывает.

— Отпусти! — заглядываю в тёмные глаза Стёпы.

Я будто падаю с огромной высоты.

— Ты идёшь со мной, — безапелляционно.

Крепко обнимает за талию, не давая права возразить.

— Хватит, люди смотрят... — еле шевелю губами.

Во рту пересохло, и, кажется, я начинаю задыхаться от собственного бессилия.

Почему Доминик не вмешался?

Волков вытаскивает меня на улицу, не дав даже забрать пальто. Темно. Только одинокие фонари светят и новенькая неоновая вывеска ресторана.

— Ты с ума сошла, Ника? — держит за предплечье, заставляя замереть.

— Я не твоя игрушка!

— Ты моя, Волкова. Моя, чёрт возьми! А если СМИ увидят тебя с этим... швейцарским недоразумением!? Ты вообще думаешь, что напишут в прессе?

— Я думаю только о своих желаниях, — вырываюсь, наконец ощутив свободу.

— Ах, вот как!

— Да, так.

— Послушай, милая, мы всё ещё в браке. Имей совесть сначала развестись со мной, а потом флиртуй со всякими иностранцами!

— Хорошо, — выдыхаю.

Стёпа расправляет плечи и растерянно смотрит на мои губы. Замираю на мгновение.

Целуй. Целуй же меня! Наговори банальных фраз, что я лучшее, что было в твоей жизни.

Скажи, что любишь, дышать не можешь без меня.

Верни меня к жизни!

Я без тебя умираю!

Стёпа закрывает глаза, делает демонстративный глубокий вдох и сжимает руки в кулаки.

— Желаю счастья, — выдаёт серьёзно и грубо.

Я ёжусь от холода, ударившего в спину. И виной тому вовсе не ветер, налетевший из-за угла.

— Что? — переспрашиваю растерянно.

— Счастья тебе, Ника, — улыбается насмешливо. — Будь счастлива с Амьелем.

Нет. Нет, нет, нет!

Волков нажимает кнопку на брелоке, и его машина моргает фарами. Силуэт мужчины в тёмном пальто удаляется, садится за руль, заводит мотор.

Я не могу пошевелиться. Никак не выберу, что сделать: побежать за ним, прижаться к его груди и молить, чтоб он остался в нашей с Максимкой жизни, или надеть на себя маску гордого высокомерия и безразличия, спокойно вернувшись в ресторан.

Внедорожник срывается с места, взвизгнув резиной, а у меня горло дерёт от едва контролируемых слёз.

— Ника, ты как? Замёрзнешь! — заботливая Людка накидывает мне пальто на плечи.

— Это конец.

По лицу катятся горькие слёзы. Я больше не в силах держать лицо и быть пластмассовой субстанцией без чувств и эмоций.

— Что он сказал? — подруга тянет меня в тёплое помещение, но я не двигаюсь.

— Люд, я пойду домой. Передай Доминику мои извинения.

— Ты в норме? Вероник, может...

— Нет, — пресекаю попытку проявить излишнее сострадание. — Со мной всё хорошо, но я хочу домой.

ДРУЗЬЯ!

Очень боюсь что-то обещать, потому что жизненные обстоятельства оказались сильнее моих планов на творчество.

НО!

Во мне плещется море вдохновения и бурлит вулкан нереализованных идей.

Буду рада вашей поддержке.

Давайте пошумим в комментариях? Отвечу каждому! Со временем сейчас более свободно, возвращаюсь с новыми силами, с новым рвением радовать вас.

Порадуйте и вы меня)))

Поставьте звёздочку книге, поддержите подпиской на мою авторскую страничку!

А ещё я веду группу ВКонтакте. Там красиво. Душевно. Тепло. Приглашаю убедиться в этом! (Группу можно найти на странице автора во вкладке "обо мне")

Всех обнимаю!

Ваша Р.Старкова

45

Медленным шагом иду в сторону дома. Слезы уже не душат, могу спокойно вдыхать холодный ночной воздух и предвкушать скорую весну. Всё растает, расцветёт, заиграет новыми красками. И у меня вновь вырастут крылья и появится желание жить.

Да, больно. Страшно. Но никто не обещал, что сказка будет длиться вечно. Я заигралась и проиграла. И пусть сейчас на душе нагадили кошки, расцарапали её всю... заживёт.

Нужно жить дальше, стиснув челюсти.

Просто быть, существовать. Лишь для того, чтобы в будущем со мной ещё что-нибудь случилось. Хорошее или плохое, уже не важно.

Время проходит незаметно. Противная изморось закончилась, ветер разогнал тучи, даже светлее стало. И на небе видны бледные звёздочки, почти невидимые, засвеченные фонарями, но предвещающие удачные дни впереди.

Эх, вот бы существовала таблетка от боли разбитого сердца.

— Вероника! — басистый голос застаёт меня врасплох, и я подскакиваю на месте, перепугавшись до чёртиков.

Большой белый джип перегородил дорогу, и из опущенного стекла на меня смотрят знакомые глаза. До дома осталось каких-то жалких пятьдесят метров, и угораздило же меня встретить на пути своего "любимого" свёкра.

— Ефим Святославович? — хлопаю ресницами.

— Добрый вечер, — сухо бросает и выходит из машины. — Прогуляемся?

— С чего бы вдруг? — сторонюсь.

Хочется обойти его новенькую машину и забежать в подъезд, скрыться. Запереть квартиру на сотню замков, а для ещё большей безопасности с головой под одеяло укутаться.

— Мы никогда не говорили по душам, — пожимает плечами как-то слишком добродушно, по простому. — Может, пришло время?

— Я не хочу, Ефим Святославович, — уже собираюсь улизнуть, но неведомые силы всё же заставляют меня задержаться.

И пока я мешкаю, Волков старший подходит ближе.

— Прости меня, Вероника. Я был к тебе несправедлив.

Шок ударяет в голову, как молоток по наковальне. Молчу.

Волков старший действительно хочет просто извиниться? Не будет волны упреков и жалающих слов?

— Я всё искал в тебе подвох, копал, вынюхивал. А нужно было просто тебя поддержать! — задумывается, отведя взгляд. — Ты всё это время терпела моего несносного сына и делала его лучше. Ты бы видела, как он страдает без тебя!

Ага, заметно. Страдалец тот ещё!

— Вероника, я хочу видеть внука, — переводит на меня взгляд, полный надежды. — Вот, возьми!

Выуживает из потайного кармана дорогой дублёнки увесистый конверт и вкладывает мне в руки.

— Мне не нужно! — прячу ладони в карманы.

— А я говорю бери! Дурочка! — понижает голос до вибрирующего баса, и мне снова становится страшно.

Приходится принять внушительную сумму. Только бы он поскорее отстал.

— Есть шанс, что ты вернёшься к моему сыну? — седая бровь вздрагивает.

Жадно втягиваю морозный воздух, выигрывая себе время перед ответом.

— В понедельник подам на развод, — опускаю взгляд и щёки краснеют.

— Сильное решение, — выговаривает обречённо и губы поджимает. — Ладно, Вероника. Можно я заеду в среду? Хочу Максимку на руках подержать.

— Зачем это, Ефим Святославович?

— Это же мой внук. Волков! — во взгляде сверкает неподдельная гордость. — Может, ты воспитаешь его достойно, а не как...

Замолкает.

— Вы хорошо воспитали Стёпу, просто он такой человек! — вырывается прежде, чем успеваю обдумать.

— Ему явно не хватило материнской любви.

С этим не поспоришь.

— Приезжайте. Только позвоните заранее, мама пирогов испечёт! — стараюсь улыбнуться.

— Хорошо, Вероника. Не буду тебя задерживать.

Волков старший оживляется. Даже рукой мне машет, когда захожу в подъезд.

Отец из него вышел так себе. Возможно, он сможет стать хорошим дедушкой?

46

Степан

Пока сердце пульсирует в горле, а мозг утонул в неистовом гневе, выжимаю на максимум. Машина реёт мотором, обгоняя всех на своём пути.

Мужчины не плачут.

Да только тогда почему у меня глаза намокли?

Бесит, что Вероника непреклонна, а я бессилен. Хочу её. Обратно. В семью.

Я бы всё исправил. Поставил бы на первое место жену и сына. Наверно, всё рухнуло лишь потому, что мне не хватило поддержки от любимой женщины. Да и ей, в целом, тоже не хватало меня все те дни, когда я задерживался на работе и прятался.

Неисправимый мудака!

Крепко сцепившись холодными пальцами в кожаный руль, прибавляю скорость. И слишком поздно замечаю красный на светофоре. Ударяю по тормозам, ремень безопасности срабатывает и вжимает меня в сиденье, тачка взвизгивает и останавливается.

Шум в ушах и белые пятна перед глазами. Делаю вдох, сердце заводится и начинает гонять кровь по организму.

Ещё секунда, и я бы впечатался в машину, стоящую впереди. Закрываю глаза и прикладываю к щекам дрожащие пальцы. В голове сразу всплывают грустные глаза Вероники и пухлые сочные губы, потрескавшиеся от мороза. Я так хотел её поцеловать, но струсил. Испугался, что разозлится и оттолкнёт, ударит. Я бы выглядел нелепо, поэтому заглушил голос сердца и просто ушёл.

Хотел казаться сильным, хотя душа трескалась и крошилась в пыль. В дребезги! Сдался и собственноручно отдал самую дорогую женщину на свете этому ублюдку. Разрешил ей быть с ним! Благословил!

Идиот!

Сигнал машин заставляет вынырнуть из липких мыслей и взглянуть на светофор. Уже давно горит зелёный. Медленно начинаю движение по оживлённой трассе в сторону дома. Остыл, уже не хочется гнать, подвергая опасности не только свою жизнь, но и судьбы других водителей. Кого-то из них дома ждут счастливые жёны и дети.

А что ждёт меня?

Пустота.

Я больше не крутой мужчина, занимавший пост директора корпорации Нефть "ВЕС", я не миллионер, не завидный жених.

Я — никто.

И даже моя Канарейка от меня отвернулась.

Мне обрезали крылья. Был гордым орлом, взлетевшим до предела, и сейчас момент падения настолько болезненный, что, кажется, мне не выжить. Больше никогда не подняться с колен: высокой должности не жди.

И жену твою будет трахать другой, более состоявшийся и успешный.

Вероника не такая, ей деньги не важны. Только почему она тогда предпочла швейцарского миллионера?

Кованые ворота распахиваются, и я въезжаю в свой двор. Смотрю по сторонам, выискивая что-то. Здесь Вероника хотела посадить яблоневый сад, а тут мечтала возвести детскую площадку. А сейчас зачем мне столько земли?

Зачем мне персонал, которому скоро нечем будет платить?

— Степан Ефимович, как всё прошло? — Лиза встречает на входе вместе с Виктором.

Смотрят на меня жалостливыми щенячьими глазами.

Неужели я настолько плохо выгляжу?

— Не спрашивайте, — снимаю пальто и швыряю его под ноги.

Желание одно — напиться до беспамятства, чтобы голова отключилась и навязчивые мысли не ходили за мной по пятам.

Вхожу в кабинет и открываю бар.

— Господин, что случилось? — Лиза не отстаёт от меня и уже стоит за спиной.

— Она выбрала другого.

— Кого? — недоверчиво жмётся.

— Амеля. Миллионера. Красавца.

Скулы сводит. Я вновь закипаю.

— Не верю, — домоправительница качает головой. — Вы что-то наговорили Веронике, да?

— Лиза, оставь меня в покое!

— Наша госпожа любит вас! И если бы вели себя как мужчина, то она бы вернулась.

— А я по твоему кто? Не мужчина? — презрительный взгляд мажет по пухлым щекам прислуги.

— Нет, — кривится, будто хочет мне в лицо плюнуть. — Вы — идиот.

— Пошла вон! — указываю на дверь.

— Я старше вас вдвое. Имейте уважение!

— Выметайтесь! — взрываюсь. — Пакуйте чемоданы и валите из моего дома! Все! Собирай всех и увози!

Лиза хлопает глазами и шевелит губами беззвучно. Видимо, мои слова повергли её в глубокий транс. И слёзы катятся с её светлых глаз.

— Уходите из моего дома, — повторяю почти не слышно.

— Хорошо, Степан Ефимович, — кивает и скрывается за дверью.

А я открываю бутылку, чтобы вновь погрузиться во тьму.

47

наши дни

Степан

Выхожу на улицу из полицейского участка. Боль сдавливает голову, а свежий осенний воздух кажется вязкой субстанцией и вдыхать его неприятно. Между домами полыхает яркий малиновый рассвет, жёлтые полосы облаков разрезают небо на части.

Мы просидели в кабинете полковника Шилова всю ночь, а никаких известий так и не поступило. Тишина. Давящая, скользкая, паршивая до коликов между рёбрами.

Где мой сын и что с ним?

— Стёпа, — Вероника выходит вслед за мной.

Оборачиваюсь и внимательно изучаю её белое измученное лицо с синими покусанными до кровоподтёков губами.

— Прости меня, Вероника. Я виноват.

— Уже не важно, — осторожно берёт мою ладонь холодными пальцами и сжимает крепко.

Смотрит в глаза, на ресницах блестят капли солёных слёз.

— Мы найдём сына. Мы вместе его найдём! И будем жить вместе, одной семьёй! — стараюсь подбодрить её, а голос срывается в хриплую дрожь.

Жена прижимается лбом к моей груди и всхлипывает. Я бы всё отдал, чтобы забрать её боль себе. Она не заслужила всего этого.

— Стоит признать, что это точно сделал не Константин и не Олеся, — шепчет она.

— Ты права, они не посмели бы. Моя бывшая Эвелина и конкурент Репин, естественно, тоже не причём.

— Про Артура мы последний раз слышали давно, когда он только с Людкой расстался, — продолжает также тихо, сильнее прижавшись ко мне.

— Твой швейцарец и продюсер — отметаются. Им это зачем? — даже усмехаюсь от собственной глупости, что мог выдвинуть такое предположение.

— Давай всё же позвоним твоему отцу, Стёп! Речь о нашем сыне! — отстраняется и

смотрит так, что сердце биться перестаёт.

— Хорошо, — достаю телефон, оледеневшими пальцами набираю номер, который не набирал уже полгода.

— Да, — голос отца как выстрел.

— Здравствуй, — закрываю глаза.

Как начать разговор с человеком, которого вычеркнул из своей жизни?

— Что тебе нужно? — по интонации ясно, что Волков старший не рад моему раннему звонку. — Ещё и в пять утра! Ты охренел, Стёпа!?

— Максима похитили, — выдаю резко, и повисает молчание.

Старику нужно секунд десять, чтобы понять смысл услышанного.

— Где ты?

— Я у полицейского участка, где Шилов работает.

— Выезжаю.

Убираю телефон обратно в карман брюк. Ника смотрит на меня вопросительно, но молчит.

— Отец скоро подъедет, — сообщаю без особого энтузиазма.

Не хотел бы его снова увидеть.

— Я уверена, что Ефим Святославович нам поможет! — выдавливаю скорбящую улыбку. — Пойдём в кабинет, тут очень холодно.

48

Три месяца назад

Вероника

— Мне кажется, что Волков подкупил суд, — обречённо закрываю лицо руками и выдыхаю тёплый воздух в ладони.

— Да быть такого не может! — Люда разводит руками.

— Ну как такое возможно, что нас уже три месяца не могут развести? — закатываю глаза. — На последнем заседании суда он... ты бы его видела, Людка! Сам на себя не похож. Похудел. Борода вот такая!

Показываю жестом себе почти до груди.

— Что он хочет вообще? — подружка хмурится.

— Примирения.

Отвлекаюсь на Максика, приползшего к моим ногам. Всё время, пока мы болтали с насущных проблемах, сынок играл с ложкой и кастрюлей, перебивая наш разговор оглушительным звоном.

— Гу-гу-гу-гу-гу! — задорно говорит на своём языке, когда сажаю его на колени.

— Ладно, Вероник. Разведут вас, потерпи! — Людка машет рукой и хитро прищуривается. — Как прошло твоё прослушивание?

— Не знаю, — качаю головой. — Я почему-то спела мимо нот. Разволновалась.

— Я уверена, что продюсеру ты понравилась! У тебя козырь в рукаве, ты ведь выигрывала в теле-шоу!

— Козырь, конечно, есть. Но я сомневаюсь, что из двадцати девушек выберут меня.

— А ты не сомневайся! — подмигивает. — Есть планы на вечер?

— Ефим Святославович заедет.

— Тогда окей. Созвонимся. Мне пора работать.

Провожаем Люду и спешим одеваться. По расписанию у Максика прогулка, тем более

погода потрясающая. Начало лета выдалось сказочным. Не слишком жарко, чтобы прятаться в тени деревьев от палящего солнца, но и не холодно, не нужно больше кутать ребёнка в сто слоёв. Хорошо будет, если сыночек уснёт в коляске. Сон на природе полезный и крепкий.

Два круга по парку возле дома, и маленький розовощёкий малыш начинает сладко зевать. Опускаю спинку прогулочной коляски и предлагаю сыночку соску. Он медленно моргает и закрывает глаза, забавно чмокая во сне.

Усаживаюсь на скамейке и достаю телефон. Самое время, чтобы найти ещё какие-нибудь конкурсы и прослушивания. Между делом делаю удачное селфи и заливаю его в соцсеть. Последнее время я стала более активной в интернете, и неожиданно люди стали ставить лайки и подписываться.

Моя жизнь не такая уж и плохая. Волков однозначно помог мне расправить крылья. Осталось только удачно взлететь.

— Вероника! — радостный голос за спиной звучит на высоких вибрациях, аж уши закладывает.

Максик начинает ворочаться во сне, и мне приходится встать, чтобы вновь укачать его. Мимолётно осматриваю худую девушку в светлых джинсах и с забавным пучком на голове. Прикладываю палец к губам, изображая просьбу больше так не кричать.

— Простите, — шепчет, подходя ближе ко мне.

Осматриваю её молодое красивое лицо и узнаю знакомые черты.

— Настя? — удивлённо моргаю. — Что ты здесь делаешь?

— Вышла на прогулку. Дядя Витя в магазин меня отправил.

— Виктор? В магазин? — всё ещё не могу вникнуть в происходящее.

Ну же, мозг, включайся!

— Ну, да! Мы тут квартиру купили недалеко, живём теперь вчетвером!

Настя пожимает плечами и улыбается.

— Подожди, какую квартиру? А как же Стёпа? — от шока начинаю активнее качать коляску.

— Стёпа... мудак. Так Лиза сказала! — по-детски блестит глазами.

— Вы больше не работаете у Волкова? — задаю вопрос на прямую, чтобы наконец рассеять туман.

— Мы ушли от него. Лиза сказала, что нам в том доме больше не рады.

Ошарашенно закрываю глаза и головой качаю. Как же Волков обходится без своего персонала? Он же шагу не мог ступить без Настеньки, которая наводила порядок, без Виктора, который знал всё и про всех, встречал гостей, напоминал о важных встречах. И уж тем более без Лизы. Эта волевая женщина держала весь дом, начиная от закупки элементарных продуктов для готовки и заканчивая финансовым распределением.

— Давно вы видели Стёпу? — нервно сжимаю пальцы.

— Три месяца уже прошло.

— Обалдеть. Так вот почему он...

Замолкаю.

Волков выглядел просто ужасно в суде, когда мы последний раз виделись. От сильного и смелого мужчины остались только воспоминания. Встреть я его внезапно на улице — не узнала бы.

— Вероника Алексеевна, а вы не хотите зайти к нам в гости? Я думаю, что все будут рады вас видеть! — радушно предлагает Настя.

Я смотрю на часы.

Максик скоро должен проснуться, с собой есть пара запасных подгузников и пюре. Почему бы не увидеться с близкими людьми?

— А кто четвёртый? Ты сказала, живёте вчетвером...

— Олеся решила остаться с нами, — поясняет Настя.

Неожиданно.

— Мы с удовольствием зайдём в гости. На самом деле я безумно соскучилась по всем!

По пути забегаем в магазин. Беру вкусный кремовый торт, чтобы порадовать друзей. Предвкушение встречи ощущается физически. Будто свечусь изнутри.

— У нас не очень большая квартира, — взволнованная Настя суетливо проворачивает ключ в замочной скважине и распахивает дверь.

Сын на руках прижимается ко мне, всё ещё сонный и удивлённый. Смотрит большими глазами по сторонам, будто в другой мир попал.

На пороге нас уже встречает Лиза.

— Вероника! — выдаёт с искренней радостью. — Максим Степанович!

— Привет! Максик, помаши рукой! Приве-е-ет! — беру сыночка за локоток и трясу.

— Какой большой стал!

Искренняя радость и улыбки сменяются, как только мы все вместе оказываемся на уютной маленькой кухне. Максим уже успел переселиться на коленки к няне Олеся, Лиза накрыла на стол, а Настя заварила всем вкусный чай.

— Пропадёт он без нас, — с задумчивым видом выговаривает Виктор, а после шумно отпивает из чашки горячий напиток.

— Взрослый мужик. Не пропадёт! У него охрана осталась, в конце концов! — строго внушает всем Лиза.

— Жалко Степана Ефимовича, — плачет Настя, нервно дёрнув худыми плечами.

— Да ладно, нечего его жалеть!

Видимо, Лизу Волков обидел больше всех. Она непреклонна. Даже не думает о том чтобы вернуться в тот просторный уютный дом и дать Стёпе ещё один шанс. И другим запрещает об этом заикаться.

— Он выгнал нас. Сказал, что мы ему не нужны. Всё! — продолжает домоправительница, измерив своих друзей строгим взглядом.

— Всё равно, я по нему даже скучаю, — Настя выдыхает, покосившись на грузную женщину с опаской.

— Нечего по нему скучать, — отсекает.

Повисает тишина. Даже Максимка молчит, покусывая сушку.

— Столько лет ему служили, а он... — Виктор встаёт из-за стола, оставив чашку на столе.

— Вот именно, а он неблагодарный! Слова доброго от него не услышишь! — тут же подхватывает Лиза и тоже встаёт.

Вслед за ними молча уходит и Настя, оставляя нас втроём.

— Вероника Алексеевна, он ведь любит вас, — Олеся поднимает на меня слезливый взгляд.

— Сомневаюсь.

— А вы не сомневайтесь! У Степана Ефимовича сейчас жизнь рушится. Корпорация больше ему не принадлежит, персонала рядом нет. И вы... больше не с ним.

— И что ты предлагаешь? Мне самой к нему пойти? Напроситься, чтоб принял обратно?

— Нет, — няня качает головой. — Сложно всё у вас. Я с первого дня поняла, что отношения ваши обречены. Даже...

Олеся резко замолкает, будто язык прикусила.

— Я к нему не вернусь, — ставлю точку и забираю ребёнка с её коленей.

После этой встречи долго прихожу в себя. С одной стороны я понимаю, какой он... Волков. Невыносимый. Высокомерный. Импульсивный. Никогда ничего хорошего в лицо не скажет. И собственных чувств он боится.

Но какого ему сейчас?

У него и вправду рухнул привычный мир.

— Ефим Святославович, а вы давно виделись с сыном? — отрываюсь от своей тетради со стихами.

Свёкр сидит на полу посреди комнаты прямо в офисном костюме, держит в руках игрушечную удочку и пластмассовую рыбу.

— Давно, — отвечает сухо, и взгляд его меняется.

— Может, вам стоит с ним поговорить?

— Вероника, он сам выбрал этот путь. Думаешь, я бы не отдал ему корпорацию, если бы увидел от него хоть какое-то стремление? Он же ничего не делает, только в бутылку смотрит и дым пускает своими сигарами!

— Ему, наверно, плохо, — произношу шёпотом.

— Наверно, — Волков старший согласно кивает, но потом безапелляционно добавляет. — Он этого заслужил!

Наверно, Ефим Святославович прав.

Перед сном ещё раз перечитываю написанные за вечер строчки и ложусь в постель. Беру в руки телефон, чтобы завести будильник, и обнаруживаю сообщение от ассистента известного музыкального продюсера.

"Приглашаем на итоговое прослушивание завтра в 13.00"

Сердце поднимается в горло и быстрее пульсирует.

Неужели, я прошла в финальный отбор?

_ 49 _

_ Степан _

Стою на втором этаже и осматриваю дом. Опустевший и тихий.

За три месяца так и не привык к этой пустоте.

— Степан Ефимович, доставка приехала, — кто-то из охраны тенью проскальзывает мимо. — Я отнёс еду в ваш кабинет.

— Спасибо.

Когда-то в стенах этого дома звучали голоса весёлых живых людей, ласковые фразы мейжены и плачмоегорёбенка. Даже наши ссоры с Вероникой сейчас кажутся чем-то сладким и желанным, лишь бы не было этого немного молчания.

Нет ни шорохов, ни криков.

Я будто один в огромной бесполезной вселенной. Раньше я работал, путешествовал, ходил на светские вечера и общался с людьми. Теперь меня никуда не зовут. А желание увидеть мир растаяло, как туман по утру.

Лишившись любви значимой женщины, я лишился жизни.

Прохожу в кабинет, где пахнет вкусной едой. Вот только засунуть хоть один кусок себе

в горло — настоящая проблема. От одного запаха меня тошнит и выворачивает наизнанку.

Застываю взглядом на фотографии с выписки Максимки. Вероника столько раз просила снять её со стены и никому не показывать, а я не слушал, гордился этим снимком. Наверно, этот день был последним счастливым.

И от Вероники остался только образ, вновь и вновь возникающий в моей голове. Желанные губы, потрескавшиеся от мороза, холодные бледные руки и мелкие созвездия родинок на лице... родная, но недостижимая.

Как глупо и неисправимо.

Подхожу к зеркалу и залипаю на своё отражение.

В кого я превратился? Стал похож на отца: опустил руки и решил больше не бороться за свою любовь.

Оставив ужин нетронутым, плетусь в сторону спальни, нарочно шаркаю ногами по полу, чтобы не слушать тишину. Засыпаю после долгих убивающих мыслей.

А на утро вновь голова раскалывается, а мысли продолжают роиться в голове.

— Степан Ефимович, можно? — женский голос заставляет приподняться на кровати и часто заморгать сонными глазами.

— Олеся? — не скрываю удивления.

— Ужасно выглядите! — фыркает по-доброму и косит уголки губ в хитрую улыбочку. — Я пришла, чтобы пригласить вас на обед. Собирайтесь.

— Олеся, мне не до этого! — отмахиваюсь.

— Это не обсуждается! — выдаёт безапелляционным тоном и руки под грудью складывает. — У вас час, чтобы подготовиться. И бороду, пожалуйста, сбрейте. Мы пойдём в приличное заведение.

Выходит, захлопнув дверь. Оставляет меня наедине с собственной протрацией и негодованием. Я точно не ожидал увидеть кого-то из своего бывшего персонала. Наверно, я слишком жестоко с ними обошёлся, когда наорал на Лизу и в грубой форме приказал убраться.

Эти стены долгое время были приютом для одиноких людей, объединённых крепкой дружбой. И именно они делали это место моим домом.

Нехотя поднимаюсь с кровати и принимаю душ. Прощаюсь с густой бородой, укладываю изрядно отросшие волосы, надеваю костюм. Сам не понимаю, для чего я это делаю. Приглашение Олеси кажется мне настолько абсурдным, что даже сосёт под ложечкой. Но я почему-то не могу отказать.

Наверно, потому что она единственный человек, пришедший в этот дом по собственному желанию за последние три месяца.

Оглядываю мужчину в отражении зеркала, и, наконец, узнаю того Волкова, каким когда-то был. Дерзким. С горящими глазами, жаждущими положить к своим ногам не только столицу России, но и весь мир.

— Степан Ефимович, — Олеся скользит одобрителем взглядом по моему лицу. — Первый шаг сделан.

— О чём речь?

— Я не скрывала того, что вы мне нравитесь. Однажды даже перешла черту дозволенного, — поджимает губы и краснеет. — Но я больше не претендую на ваше сердце. Знаю, что оно занято.

— Занято, — бурчу себе под нос. — Только какой от этого смысл, если я уже всё

потерял.

— Я помогу вам вернуть Веронику. Сегодня у вас с ней свидание!

— О боже... — шиплю.

Только этого не хватало.

— Решила поиграть в сваху? — смотрю на няню с насмешкой.

Как же это глупо...

— Да, — отвечает твёрдо. — Не облажайтесь.

50

Вероника

Такси ждёт меня у подъезда уже больше десяти минут, а я в спешке пытаюсь найти свои красивые туфли. Помню, что убирала их на обувную полку, но они, как по волшебству, оттуда исчезли. Уже вся вспотела и умаялась.

— Вера, может эти подойдут? — заботливый отчим дядя Петя вырастает за моей спиной с туфлями-убийцами в руках.

О нет, снова эти сумасшедшие шпильки...

— Я в них упаду! — отмахиваюсь.

Нервы поднялись до предела.

Олеся позвала меня на праздник. У неё, оказывается, сегодня день рождения. Наша няня решила собрать персонал и посидеть в дорогом ресторане, а я в такой ответственный день умудрилась потерять удобную обувь.

— Верочка, так это ты раньше падала, сейчас то, наверно, научилась в каблуках ходить, — дядя Петя одаривает меня добродушной улыбкой.

Эх, была не была! Всё равно времени на поиски у меня больше нет.

— Ладно, — хватаю туфли и стремительно обуваюсь.

Вроде, не так уж и плохо.

С божьей помощью дохожу до такси и расслабляюсь. Уверяю себя мысленно, что всё пройдёт хорошо. Главное дойти до столика, а потом я усядусь поудобнее и всё. Падений не предвидится.

Ресторан, который выбрала Олеся, довольно дорогой. Сначала я удивилась её выбору, ведь заведение больше подходит для романтических встреч, чем для празднования дней рождений. Но эту мысль я стёрла из своей головы, словно ластиком.

У Олеси давно не было свиданий. Наверно, поэтому она и решила устроить свой праздник на широкую ногу, с роскошью и при свечах.

Осторожно вхожу в ресторан. Администратор оглядывает меня оценивающим взглядом, прищуривается, будто пытается узнать.

— Вероника Волкова? — сладкий голос молодого юноши обволакивает.

— Да, — коротко киваю.

— Прощу, вас уже ждут! Следуйте за мной! — выдаёт весело и направляется в вип-зал.

Иду за ним, стараясь контролировать каждый свой шаг. Смотрю себе под ноги, балансируя на шпильках, как канатоходец.

— Ваш столик, — красивый жест худой руки администратора выписывает в воздухе полукруг.

А меня словно кипятком по спине обдаёт и тут же в холод бросает. Зависаю на мгновение, открываю рот, но звука не издаю. Связать своё потрясение и смятение в связную речь не получается.

— Аааа... Вы уверены, что.... - начинаю бубнить себе под нос.

— Ошибки нет, — сладкий голос становится механическим.

Моргаю несколько раз, осматривая Волкова за моим столиком.

Неужели, Олеся и его пригласила к себе на праздник?

Робкими шагами начинаю продвигаться к без пяти минут бывшему мужу, перед глазами туман, в голове — пустота. Смутно вижу, что Стёпа встаёт из-за стола, чтобы встретить меня. Сердце быстрее стучит в груди, как заведённый двигатель.

Нога предательски проскальзывает. Я даже слышу, как трещит шпилька, прежде чем сломаться.

Я так и знала!

Взвизгнув, я лечу вперёд. Если не пропашу носом метра два, это уже будет настоящая удача!

Одна секунда, и крепкие мужские руки сжимают меня в свои объятия, подхватывают за талию и спасают от катастрофы.

Туфля слетела с моей ноги, и теперь лежит на мраморной плитке, сияет сломанной шпилькой с каким-то ехидным коварством.

Я так и знала, что эта обувь меня подведёт! Чувствовала спинным мозгом!

Стараюсь отвлечься на что угодно, лишь бы не думать о том, что в данную минуту меня держит на руках мужчина, которого я бесконечно люблю. Не вдыхать его запах. Не позволять себе расчувствоваться и дать слабину.

Хотя мой напускной лёд уже плавится под горячими пальцами мужа.

— Поставь меня! — рявкаю, намеренно выбрав озлобленную интонацию.

— Не хочу, — выдыхает мне на ухо, запуская мурашки по шее.

Волков внимательно наблюдает за моей реакцией, ощупывает взглядом каждую мурашечку, оценивает мои шальные глаза, полные ужаса и восторга.

Я будто лечу в парашютом, и ещё не знаю раскроется ли он. Предстоит мне разбиться насмерть или насладиться полётом? Завораживает и устрашает.

Стёпа делает несколько шагов и легко, будто я вовсе ничего не вешу, усаживает меня на мягкое удобное кресло. Только сейчас я с опаской осматриваюсь по сторонам, встречаясь с десятками глаз, нацеленными на меня.

Конечно, как можно пропустить такой спектакль?

Пока я прихожу в себя, прикусывая губы до крови и стараясь успокоить разыгравшийся пульс, Волков поднимает с пола мою несчастную поломанную туфлю.

— Шпильки-убийцы, — искренне улыбается.

Уголки мои губ нервно вздрагивают в ответ.

— А где все? — хлопаю ресницами.

— Кто "все"?

— Ну Олеся, Виктор... Настя...

Пазл в голове медленно складывается.

Это подстава! Олеся соврала, чтобы организовать нашу встречу с Волковым.

— Вероника, я...

— Ага! Я всё поняла! — уже вскакиваю с кресла, по холодный взгляд останавливает.

Словно никому неведомые силы заставляют меня остаться на месте.

— Олеся всё подстроила! — шиплю я, хватаясь за голову.

С одной стороны, мне неприятен такой поступок с её стороны, но с другой... наверно,

нам с мужем нужна эта встреча, чтобы последний раз обсудить всё в непринуждённой обстановке. Он отец Максимки. Нужно договориться обо всём до следующего заседания суда.

— Я сделал заказ за нас двоих. Скоро подадут, — садится напротив и сразу меняется в лице.

Атмосфера медленно перестаёт быть раскалённой. И если до этого я сидела, словно на дымящихся углях, то теперь откинулась на спинку кресла и выдохнула.

— Я так понимаю, ты не настроена на свидание? — интонация скорее утвердительная.

— Не настроена.

— Значит, мы можем просто поговорить о погоде, вкусно поесть и разойтись. Мне тоже свиданий не хочется.

Как отрезвляющая пощёчина.

— Ты издеваешься? — смотрю диким волком, желая испепелить сидящего напротив мерзавца.

— Я говорю серьёзно. Идея Олеси мне не понравилась, но сопротивляться было бесполезно.

— Волков, ты неисправим! — закатываю глаза.

51

Степан

Жена смотрит на меня так, будто ненавидит каждой клеточкой своей широкой души. И от этого взгляда под кожей проносятся искры, а заготовленная правильная речь не идёт.

Вместо этого льётся какое-то говно... Соберись, идиот!

Тяжело вздыхаю, прочищаю горло и резко кладу свою ладонь на её руку.

Кожа Вероники тёплая. Бархатная. До бешенства приятно к ней прикоснуться. Кровь отливает от мозга в пах, и я ощущаю движение в штанах.

Впервые за долгие месяцы у меня эрекция!

— Вероника, — выдавливаю хрипло. — На самом деле я хотел сказать...

Замолкаю. Закрываю глаза.

И почему так тяжело выжать это из себя? Что за страх быть отвергнутым, глупым?

Молчание длится слишком долго.

— Что, Стёпа? — убирает руку, разрывая этот недолгий контакт.

Как ножом по горлу.

— Я хочу начать всё сначала, — голос дрожит, как у юного мальчишки.

И почему все думают, что любовь — это выбрать подходящую женщину и прожить с ней до конца своих дней? Любовь не имеет ничего общего с выбором. Она пронзает сердца людей, подобно ядовитой стреле. Затмевает рассудок, заставляет пульс ускориться до предела и тут же вовсе остановиться. Любовь прошибает молнией. Ты можешь тысячу раз выбирать правильную женщину, подходящую тебе до мельчайших деталей, а любить будешь не идеальную, колючую, не подходящую.

И вот я смотрю на свою Веронику и понимаю, что она и есть та самая женщина. Я не выбирал её. Она появилась в моей жизни неожиданно, растянувшись перед моими ногами из-за своей неловкости, и с того момента я влюбился в неё до беспамятства. До одержимости.

Какой бы ответ она сейчас не дала, я не отстану. Я буду добиваться её. Потому что она, чёрт возьми, пробудила во мне чувства, перевернула мой мир и моё представление о любви.

Она затмила всех своим ангельским голосом и чистым смехом. Я полюбил каждую её веснушку, яркую улыбку и волны мягких волос. В сердце хранятся воспоминания о всех мурашках, которые бегали по её коже от моего голоса или от прикосновения.

Она необыкновенная. В ней есть та космическая глубина, которую не понять другим людям. Непонятная, смешная, странная... дикая, неудержимая, волевая.

— Стёпа, ты дурак? — сталкиваюсь с холодным взглядом и болезненно сглатываю ком в горле.

Пальцы бесконтрольно сжимаются в кулаки.

— Я серьёзно, Вероника. Давай попробуем?

— Тебе мало всей боли, которую мы друг другу причинили?

Зависаю, переваривая её слова. Не нравится мне такая реакция.

Ну и баран! Ожидал, что запрыгнет в мои объятия и растает, как кубик льда на ярком солнце!

Раньше у меня не было проблем. Я легко получал всё, что мне хотелось. Деньги, славу, друзей, любовниц. Всё можно было купить. Кто-то стоил чуть дороже, кто-то продавался за дёшево. И, кажется, только Веронике не интересовал мой статус и мои миллионы.

Чтобы получить Волкову снова, мне придётся побороться не только с её характером, но и с самим собой, потому что первые шаги даются слишком сложно. Хочется поджать хвост и спрятаться, как трусливая дворняга.

Но я не пёс. Я — Волков! А значит, я добьюсь поставленной цели, какой бы строптивой она не была.

— Прости меня за всё, — виновато опускаю взгляд. — Прости.

Неловкость момента скрашивает появившийся вовремя официант с ароматными блюдами и игристым напитком.

Вероника с наслаждением вдыхает запах, даже глаза закрывает. Её лицо становится добрее.

— Давай просто поедим, поговорим о погоде и разойдёмся, — строго чеканит, принимаясь за трапезу.

— Нет уж, дорогая жёнушка, — следую её примеру. — Я буду надоедать тебе до тех пор, пока твоё сердечко не отгадает.

— Этого не будет! — гневно.

— Приятного аппетита, Вероника, — усмехаюсь.

Сама не успеешь опомниться, как снова станешь моей.

После сытной порции итальянкой пасты, Ника берётся за алкоголь. С восхищением наблюдаю за каждым грациозным жестом, вновь проскальзывает мысль о том, как сильно она изменилась. Из робкого цыплёнка в прекрасного лебедя!

— Так что на счёт моего предложения? — изгибаю бровь вопросительно, смотря в её глаза.

— Стёпа, мы разводимся! Всё уже решено!

— Ты правда хочешь расстаться и всё забыть?

Лицо Ники мрачнеет. Я отчётливо вижу, как туманится её взгляд, наполняясь грустью и тоской.

Да она же ведёт борьбу с собственными чувствами!

Запуталась, как и я. Сердце у неё скулит, воеет, разрывается. Это своим прокаченным мозгом она больше не хочет иметь со мной ничего общего, но её душа...

— Я люблю тебя! — встаю с кресла и резко нависаю над женой.

Пару секунд смотрю на её сочные губы, манящие и желанные. Вероника застыла. Даже грудная клетка не колыхнется от вздохов — задержала дыхание.

Мягко прикасаюсь губами к её сладким и пересохшим от волнения и неожиданности. Легко и невинно. С трепетом. У самого дух замирает!

Она не отталкивает, и это добрый знак. Размыкает губы, и я с осторожностью обхватываю её нижнюю, чувствую привкус игристого напитка, и голова идёт кругом. Пьянею.

Я изголодался по своей безупречной девочке. По запаху кожи, по вкусу, по запаху.

Тяжело выдыхаю и отстраняюсь.

Хорошего понемножку...

— Стёпа, — выдыхает, лаская потоком тёплого воздуха мою щёку. — Почему ты раньше этого не сделал?

Потому что я трус...

Закрываю глаза и обречённо усмехаюсь.

Ну не могу я ей признаться, что боюсь собственных чувств.

— Так мы попробуем всё сначала? — поворачиваю голову, и желанные губы вновь оказываются в миллиметрах от моих.

— Да.

52

Вероника

— Пойдём отсюда, тут слишком душно, — безапелляционно заявляет Стёпа, небрежно кинув на стол несколько пятитысячных купюр.

Моё сознание шатается, словно маятник.

Либо я сделала самую большую глупость в своей жизни, либо в ком-то веке поступила правильно!

Волков берёт меня на руки и уверенно направляется к выходу из ресторана. Я даже не жалею, что эта чёртова шпилька сломалась, подарив мне возможность оказаться в крепких объятиях мужа. Машина уже ждёт нас у самого входа.

— Куда мы поедим? — интересуюсь с осторожностью.

— В любую гостиницу, которую ты выберешь.

— Хочу туда, где мы кормили оленей, — без раздумий.

То место запомнилось мне, как одно из самых замечательных. Не смотря на то, что в наших отношениях тогда была полная неразбериха, как в общем-то и сейчас, мы стали ближе именно там.

— Ты хоть расскажи, что делала все эти полгода? — муж смотрит на меня с нежностью.

Я помню этот его взгляд. Именно так он смотрел на меня, когда я была на девятом месяце и ждала роды. Думала, вот бы поскорее родить! А нужно было наслаждаться моментами.

— Искала работу. Подрабатывала. Растила нашего сына.

— Как Максимка? — этот вопрос я ждала с особым трепетом.

— У Максимки уже получается вставать на ножки и стоять без опоры. А ещё у него прорезались три зуба! — перечисляю оживлённо. — Я начала вводить прикорм. Максик уже ест и каши, и фруктовые пюре, и даже мясо!

— А не рано? — Волков негодуя хмурится.

— Стёпа, сколько месяцев твоему сыну? — мажу строгим взглядом по его вытянувшемуся лицу.

— Ты думаешь, я не помню, сколько месяцев моему сыну? — пытается увильнуть от ответа.

— Ну, так сколько?

Повисает неловкое молчание.

— Девять, — отвечает после паузы.

— Молодец, посчитал! — прищуриваю взгляд, подготавливая новый вопрос. — А какого числа он родился?

— Четырнадцатого сентября, — самодовольно улыбается.

Ну, хотя бы что-то о своём ребёнке помнит.

— Ника, я же не идиот. Как я могу забыть день, когда стал отцом?

Закрываю глаза.

— Я обижена на тебя за то, что ты недостаточно помогал мне. Знаю, я вела себя неадекватно, но у меня было очень много страхов. И я нуждалась в твоей поддержке и любви. А ты пропадал на работе! — начинаю исповедь. — Я думала, что не нужна тебе.

— Я говорил, у меня были серьёзные проблемы. Ты ведь знаешь, что корпорацией я больше не руковожу?

— Знаю. Но это тебя не оправдывает. Ты фактически оставил меня одну с малышом на руках.

Волков виновато улыбается.

— Теперь работы нет. Есть только мелкие бизнесы. Кафе, клубы. Там все вопросы решаются проще. Теперь я буду с вами, но я больше не миллионер.

— Какая досада! — наигранно изображаю грусть. — А я, кстати, была на прослушивании сегодня днём. Заключила контракт. Скоро буду записывать свои песни.

— Хорошая новость. Скоро моя жена будет зарабатывать больше меня!

На какое-то время мы замолкаем, но эта тишина в салоне машины больше не тяготит. Кладу голову на сильное мужское плечо, а грубые пальцы любимого сжимают мою руку. Долгожданное спокойствие и умиротворение, которое мы заслужили.

— Ник, а у тебя что-то было с Домиником? — бросает вопрос с нескрываемым отвращением.

— А у тебя с твоей бывшей?

— Естественно, нет! — бросает брезгливо.

И почему я готова слепо ему довериться?

— И у меня, естественно, нет, — отвечаю тихо.

Сильнее сжимает мою ладонь, гладит большим пальцем по коже, запуская тёплые приятные ощущения внутри: в тёмных уголках моей израненной души зажигаются блёклые фонарики надежды.

Хочется верить, что Стёпа не переставал думать обо мне. Что он мечтал меня вернуть и разрабатывал стратегии, как поскорее это сделать.

Машина медленно и плавно въезжает на территорию красивого отеля. Водитель Волкова, как и всегда, не обмолвился ни словом. Только сейчас осознаю, сколько секретов хранит этот человек, ведь он слышал множество наших разговоров о личном, но никому не раскрыл ни одной тёмной завесы.

— Пойдём? — Стёпа ласково мурлычет мне на ушко, и у меня от его бархатного голоса

пальчики на ногах поджимаются, как в самом начале наших сложных отношений.

— Пойдём, — в сердце зарождается прежняя нежность, накрывает меня огромной волной, как бескрайний океан.

До отеля Стёпа несёт меня на руках. Я обнимаю его за шею, вдыхаю запах дорогого одеколona, как в старые добрые времена, стараюсь не улыбаться слишком откровенно, чтобы не показывать всех яростных чувств, внезапно обрушившихся на меня, как снег на голову. Медленно начинает смеркаться. Яркого закатного солнца уже нет, и на потемневшем серо-голубом небе появляются первые звёздочки. Вдыхаю летний воздух до предела, пока лёгкие не обожжёт, наслаждаюсь этой болью. А сердце в груди радостно трепыхается.

— Самый дорогой номер для двоих, — Стёпа не опускает меня на пол у ресепшена, так и держит на руках, как трофей, и красивая брюнетка за мраморной стойкой с нескрываемой завистью косит глаза на моё слишком счастливое лицо, которое я прячу, уткнувшись в мужское плечо.

— Пожалуйста, четвёртый этаж. Номер с балконом.

Поднимаемся по ступенькам, и чем выше, тем сильнее я предвкушаю нашу сладостную ночь, где будем только он и я.

53

Торопливыми движениями открывает наш номер, распаивает дверь и заходит, внося меня на руках в уютную комнату.

Ноги тут же становятся ватными, когда осознаю, что пути назад уже не будет. Он не отпустит. Хотя бы на эту ночь.

Как только пятки касаются пола, голова начинает кружиться. Мне было настолько хорошо в сильных мужских руках, что теперь я ощущаю волнение и непривычную дрожь в коленях.

Уже забыла, каким томным бывает предвкушение.

Смело прохожу вглубь просторной комнаты. На модной мебели лежит полутьма, за лёгкой тканью полупрозрачной тюли играют блики от уличных ламп. Атмосфера сразу начинает казаться интимной, и я отдаю себе отчёт, что так и было задумано. Это же лучший номер! И девушка на ресепшене явно поняла, что мы приехали поздним вечером в отель не чтобы вдаваться в философские беседы. Эта мысль на секунду заставляет кровь разогнаться, даже щёки горят.

Мягкой поступью подхожу к окну, осматриваю ровную аллею, ведущую от здания до выхода с территории, работающий фонтан в виде милых дельфинчиков, ажурные фонари и кованые распахнутые ворота рядом с парковкой.

Замираю, когда чувствую на своей талии прикосновения жадных пальцев. Стёпа сжимает ладони, обжигая кожу даже сквозь ткань моего вечернего платья, и я невольно закрываю глаза, утопая в блаженстве.

Когда последний раз мы были рядом? Просто обнимались, мягко и невинно касались раскалённых тел друг друга, дышали одним кислородом на двоих... прошло уже так много времени... будто наше счастье было в прошлой жизни. На секунду становится больно от этой мысли, по сердцу ударяют жалящие кнуты.

— Я соскучился, — Волков нарушает устоявшуюся тишину тихим голосом, почти дрожащим.

— И я соскучилась... словами не передать, насколько сильно...

Обхватываю пальцами его руки, и меня ведёт. Шатает. И только его объятия не дают

мне упасть. Он облапил меня, как медведь.

В душе разгуливается нежная боль от воссоединения, ведь я по-настоящему страдала без него, выла и металась, как бабочка в стеклянной банке. И когда Стёпа утыкается носом в мой затылок и шумно вдыхает запах моих волос, я больше не могу контролировать ситуацию: слёзы внезапно брызгают из глаз и текут по щекам прозрачными водопадами.

— Ну, милая, ты чего? — шепчет успокаивающе на ухо, когда я потихоньку всхлипываю.

— Мне так плохо было без тебя! Я никому не говорила, что больно! Никому! — слова вырываются из меня яростным потоком, и я не могу найти в себе силы, чтобы заткнуться и не ляпнуть лишнего. — Я так боялась, что мы уже не будем вместе, что ты помирился с этой сукой Эвелиной и обо мне забыл!

— Я постоянно о тебе думал, Ника. Глушил боль коньяком и виски, чтобы память отрезало, но так и не смог перестать вспоминать о тебе.

Резким движением муж поворачивает меня, встречаемся взглядами и молчим. В его глазах столько неподдельной тоски, что у меня во рту пересыхает и пульс замедляется.

Проводит пальцами по моей щеке, вытирая влажные дорожки слёз, сжимает мой подбородок и наклоняется, чтобы вновь прикоснуться к моим губам. Я отвечаю на поцелуй сразу, не медля ни мгновения. Обхватываю его плечи руками и земля уходит из под ног. Стёпа отрывает моё тело от пола одной рукой, делает несколько шагов в сторону кровати, целует как изголодавшийся зверь.

Вся тревога, боль и обида улетучивается, как только чувствую яркий вкус его губ, ловкий язык, скользнувший в моём рту. Меня опаляет от желания, и за спиной вновь вырастают крылья.

— Если ты не хочешь, я могу... — выдыхает мне в лицо жаром, скрывая сбившееся дыхание и неровное сердцебиение.

— Я хочу, — выдаю уверенно и сама впиваюсь в его губы поцелуем.

Диким. Ненасытным. Мы ударяемся зубами до боли, и поцелуй приобретает металлический привкус крови, но мы не придаём этому никакого значения. Словно звери продолжаем терзать друг друга, испытывать.

Стёпа садится на кровать, и я оказываюсь сверху, находит молнию на платье и тянет вниз, распаковывая моё тело, словно подарок. Шумно дышит, хаотично покрывая поцелуями мою шею и обнажённые ключицы. А я чувствую его набухший член, которому слишком тесно в штанах и меня прошибает молниями. В глазах темнеет от удовольствия, мучительное желание становится физически ощутимым, оживают все спящие бабочки.

Одним движением муж возвращает меня на пол, дёргает за подол платья, и оно послушно падает к моим ногам. С любопытным блеском на самом дне его тёмных глаз, он осматривает моё тело в тёмных чулках и кружевных трусиках.

— Какая же ты красивая, — гортанный хриплый стон.

Притягивает в свои объятия, заставляя забыть о разлуке, о страхах, обо всём на свете! Прикасается влажными губами к моему животу, заставляя все мышцы напрячься. Я уже горю от желания, как спичка. Чувствую, как мокро стало между ног, но это больше не заставляет меня смущаться. Наоборот, испытываю радость. Я мокрая для него, готовая на всё, покорная.

Непослушными пальцами принимаюсь расстёгивать пуговицы на его дорогой рубашке, а он отвлекает меня прикосновением к влажной ткани между моими ногами. Издаю слабый стон, стараясь сконцентрироваться на чёртовых пуговицах, которые никак не поддаются, но Стёпа проникает пальцами под кружево, скользит по складочкам, задевает набухшую бусину

клитора, и я сдаюсь. К чёрту эту рубашку! Пусть делает со мной всё, что захочет. Я готова играть по его правилам. Опытные пальцы проникают в меня, глубоко и жадно, набирают темп. Одной рукой он ловко доводит меня до пика, второй прижимает к своему горячему телу, губами играет с затвердевшим соском.

Впиваюсь ногтями в его плечи, когда чувствую скорую громадную волну беспощадного цунами. Седьмое небо уже совсем близко, я инстинктивно двигаю бёдрами, глубже насаживаясь на его пальцы. Стоны разрывают тишину, по спине катятся прохладные капельки пота.

Он позволяет мне взорваться.

Наслаждается моим удовольствием.

Ловит кайф от того, как бесконтрольно дрожат мои ноги. Их просто судорогой сводит от яркой вспышки незабываемого экстаза, и Волков довольно улыбается.

Резким движением поднимает меня с места, и уже через секунду я чувствую лопатками мягкую кровать подо мной. Прихожу в себя, переводя дыхание, наблюдаю, как мой мужчина расстёгивает брюки, как они падают на пол вместе с трусами. Прикусываю губу и пальцами сильно сжимаю одеяло, когда вижу его набухший член.

Казалось бы, я только что получила желанную разрядку, но моё тело не насытилось. Узлы возбуждения вновь завязываются внутри меня, и всё ещё пульсирующее пространство вновь хочет заполниться, только в этот раз вовсе не пальцами.

Стёпа будто читает мои мысли, нависает сверху, касается губами моего полуоткрытого рта, прикусывает, посасывает. Головка члена упирается в складочки, покрытые моим соком, скользит по ним, задевая клитор. Волков ловит мой стон новой порцией поцелуев, плавно качает бёдрами, дразня меня.

— Хочешь ещё? — спрашивает с издёвкой.

— Давай уже! — нетерпеливо обхватываю его бёдра ногами, заставляя скользнуть в мою раскалённую плоть.

— О боже... да! — рычит, проникая в меня до предела.

Разгоняется. Берёт меня страстно и грубо. Я насколько увлечена процессом и своими ощущениями, что забываю дышать. С каждым новым его толчком мне всё приятнее, мучительная сладкая боль бежит по телу жаром.

— Вероника... — выдыхает моё имя, как что-то запретное, что нельзя произносить. — Какая же ты узкая!

— Да, любимый, да! — задыхаюсь от нехватки воздуха и сминаю ладонями рубашку, которую он так и не снял.

— Я скоро кончу, — замедляется и целует меня в мочку уха.

— Я тебе помогу, — выскальзываю из-под его мощного тела.

Толкаю в плечо, и Стёпа послушно ложится на спину, а я перемещаюсь ниже.

Глажу его пульсирующий член своей рукой, а после наклоняюсь и целую бархатную кожу. Обнимаю губами и провожу вниз, лаская языком и слегла прикусывая зубами. После одобрительного стога ускоряю движения. Мне нравится доставлять ему удовольствие. Нравится, как громко он дышит, как запрокидывает голову и невнятно что-то бормочет. Движения становятся всё смелее, глубже, быстрее.

Член пульсирует, и я ощущаю, как тёплая жидкость заполняет мой рот. Думала, что будет противно, но гортанные стоны Стёпы и его пальцы на моём затылке заставляют меня наслаждаться происходящим.

Глотаю, вытираю рот рукой и улыбаюсь.

— Вероника, ты — чудо!

Притягивает к себе, и я послушно падаю в его объятия. Кладу голову на его широкую грудь и закрываю глаза.

И чего я боялась столько времени!?

Секс по-прежнему такой же потрясающий, как и до родов, а все мои страхи и опасения были вымышленными.

Друзья!

У наших героев, наконец-то, всё налаживается, но впереди осталось ещё несколько испытаний!

Пишите в комментариях "хочу продю", и тогда сегодня днём я выложу ещё одну главу

Ваша Р.Старкова

54

два месяца назад

Степан

— Мама опять задавала вопросы, — уныло начинает Вероника, устроившись на соседней подушке. — Она начинает подозревать, что я провожу время с мужчиной.

— Ну конечно! — насмешливо сужаю глаза. — Ты в прошлый раз соврала, что поедешь к Людке в ресторан помогать, а твоя подруга в этот же вечер завалилась к тебе в гости и спалила тебя.

— У мамы был такой шок! — издаёт подобие смеха, но я то понимаю, что это от нервов.

Нежно провожу ладонью по её волосам, разбросанным в хаосе по белоснежной наволочке, наблюдаю, как глаза закрывает и губы растягивает в притягательную улыбку. Красивая до зависти! Вот честно, сам к себе порой её ревную.

— Как твой новый бизнес? — переводит тему, сбрасывая с себя одеяло, оголяет красивое тело без какого-либо намёка. Но...

Как можно обсуждать работу, когда тут такое...

— Ты меня опять возбуждаешь, — рычу довольно, увесистой ладонью мну её оголившееся бедро.

— Ну Стёпа! Я уже больше не могу! — бормочет недовольно и отодвигается. — Я правда устала, сегодня записала ещё один трек, завтра встреча с продюсером.

— Не нравится он мне! — выдаю слишком грубо.

— Савицкий очень хороший! С ним мои песни зашли в пятьдесят лучших. И скоро у меня съёмки в телешоу.

— Ты же говорила, что на телеке всё куплено!

— Куплено. Но ни в этот раз! — самонадеянно кивает. — И вообще, это только для того, чтобы поскорее пробиться выше и начать уже полноценную карьеру певицы. Ты вообще представляешь, что я скоро смогу гастролировать по всей России? Буду полные залы собирать! Петь для своих людей, которым нравится моё творчество!

— Это Савицкий тебе мозги так промыл?

— Волков, прекрати! — цокает языком недовольно и ёжится. — Ты что, не веришь в меня?

— Я не верю Савицкому.

О нём я наслышан. Хотелось бы, чтобы все грязные сплетни о нём оказались просто сплетнями, не имеющими ничего общего с реальными событиями. Однако я помню, что

говорили обо мне после разрыва с Эвелиной, и отчасти это было чистой правдой. Такой же чистой, как утренняя роса. Мои собственные "друзья" распускали слухи, что я трахаю каждую женщину, которая ко мне хоть на метр приблизится. Я и не скрывал, что число моих любовниц перевалило за десяток, но богатеи на светских вечерах между собой перешёптывались так, будто у меня тысячи женщин. А СМИ это впитывали, как губки, и распространяли в массы. Через год после развода с бывшей женой я всерьёз задумался о своей репутации, только опровергнуть шумные факты оказалось сложно.

Так что даже если этот Савицкий и не пропускает каждую новую звезду через свою постель, то каждая десятая точно выбивается на большие сцены именно плоским способом.

— А мне? Мне ты доверяешь? — Ника переворачивается на живот и укладывается мне на грудь своим обнажённым телом, смотрит в глаза с дерзким вызовом и коварством.

— Доверяю, — тяну с неохотой. — Будь осторожна, ладно? Ты моя жена, не забывай.

— Об этом никто не знает, — шепчет мне в губы, опалая горячим дыханием, а после сладко целует.

— Почему ты не хочешь, чтобы все узнали о воссоединении семьи? — отстраняюсь от томных ласк.

— Я же уже говорила: хочу посмотреть на твоё поведение. Ты же знаешь, что у нас сложные отношения...

— Сложные? — изгибаю бровь от возмущения. — Ну, конечно, я ведь тот ещё конченный абьюзер!

— Не дуйся! Вот исполнится Максюшке годик, и мы всем расскажем. Осталось потерпеть всего ничего!

Так то оно да. Но неоправданные подозрения и сомнения порой наводят на меня лютый гнев и ужас. Иногда такая мысль в голову закрадывается, что дыхание перехватывает и пульс взвинчивается до смертельной отметки.

А вдруг Вероника не хочет афишировать наше примирение, потому что в статусе свободной женщины ей проще построить карьеру, которой она так внезапно стала грезить наяву?

Нет, нет. Моя Канарейка не такая.

Была не такая при нашем знакомстве. А сейчас у неё глаза горят по-другому. Вероника огрубела, и из бесформенного камня превратилась в гранёный алмаз. Моя драгоценная девочка больше не простушка из ресторанчика среднего класса. Её узнают на улицах, в соцсети почти миллион подписчиков, она не нуждается ни в деньгах, ни в чьём-то одобрении. Как локомотив прёт только вперёд.

— Стёпа, ты чего загрустил? — проводит рукой по моему прессу, запускает пальцы под белоснежное одеяло, всё ниже и ниже.

Я бессилён перед ней. Обезоружен. Сокрушён.

Она — мой единственный смертельный яд и излечающее плацебо в одном флаконе.

И я больше не могу потерять её.

55

Вероника

Протягиваю руки, и Максик маленькими неуверенными шагами топает в мою сторону. Задорно смеётся, когда падает ко мне в объятия, оголяет свои шесть зубов в искренней детской улыбке, а у меня сердце плавится.

Сыночку скоро год. Осталось каких-то полтора месяца, и мы отпразднуем первое его

день рождение. Время неумолимо движется вперёд, жизнь меняется, дети незаметно растут, а мы...

Мы стареем.

Оборачиваюсь к родителям и пару минут залипаю на лицо моей мамы, покрытое заметными морщинками. Она устало улыбается, прикрыв глаза, а отчим ласково прижимает её к себе и гладит по руке.

Редко выдаются вечера, когда мы можем провести время все вместе, но вот сегодня собрались за ужином, успели обсудить почти всё на свете. Я то к Стёпе срываюсь, то на студию, то к Людочке в ресторан. Мама подрабатывает в продуктовом магазине, а дядя Петя так и не забросил свои вахты, вот-вот должен уехать на три недели.

Пролетел почти год!

За это время многое произошло. Чем-то я могу гордиться, а что-то меня шокировало и выбило из привычной колеи. Хотя где она, моя дорога? Ровная и простая, как у многих других! Почему-то меня шатает из стороны в сторону всю жизнь, то я счастлива до безумия, то нахожусь в глубокой депрессии.

Укладываю сыночка после десяти, на свои дела уходит ещё около часа, и, наконец, ложусь в постель. Стёпа написал около двух десятков сообщений. Соскучился. Ждёт встречи. Любит меня.

А у меня на неделе совсем времени не будет, чтобы с ним увидеться.

Утро обрушивается на меня беспощадной перекличкой будильников. Мой телефон громко сигнализирует на прикроватной тумбочке, в соседней комнате разрывается дядин Петин. Поднимаюсь на постели, отключаю звук. Встаю.

Максимка уже привык, на звон будильники уже даже внимания не обращает. Мирно сопит, удобно устроившись на подушке, только позу лениво поменял, даже не проснулся.

— Доброе утро, — мама встречает на кухне.

— Доброе, — на автомате щёлкаю кнопку чайника, достаю кружку с полки, кидаю в неё пакетик чая.

— Мне тоже завари, — мимо проходит отчим, целует маму в щёку и скрывается в ванной комнате.

— Дядь Петь, ты надолго? Мне на студию через два часа.

— Успеешь! — недовольно.

Эта квартира немного тесновата для нас четверых. Спасает то, что дядя Петя часто на вахтах, а то бы я уже не выдержала и убежала обратно в дом Волкова, там у меня своя собственная ванная была, всегда свободная.

— Опять на студию? — улавливаю нотки негодования в мамином голосе.

— Ты же побудешь с Максимкой?

Чайник закипает. Наливаю кипяток в кружку. Оборачиваюсь через плечо, чтобы посмотреть на маму, которая молчит. Вид у неё суровый, брови сдвинула к переносице и губы надула.

— Ма?

— Вероника, ну сколько можно! Ты что, звезда? Студии, песни, продюсер этот твой! Ты к нему по ночам уезжаешь? К этому мерзкому лысому дядьке?

Сердце агонией вспыхивает в грудной клетке, и я даже теряю дар речи от таких высказываний.

— Что? — только и могу выдохнуть в раскалённый воздух.

— Я же знаю, что всё в шоу-бизнесе через постель! — беззастенчиво продолжает мама, переведя на меня осуждающий взгляд. — Спишь с мужиком, который в два раза тебя старше! Да был бы толк! Денег как не было, так и нет!

— Мам, что за стереотипы про шоу-бизнес? — усмехаюсь сквозь злость.

— Всё, Вероника. Я с Максимкой сидеть не буду! Ищи нормальную работу! Вон, к подружке своей в ресторан устраивайся официанткой, тогда поговорим.

Отворачиваюсь. Взгляд расфокусируется, и пульс долбит в ушах.

Искать причины такого странного поведения мамы совершенно не хочется, поэтому стискиваю челюсть и скрываюсь в комнате. Нахожу в телефонной книге номер Олеси и, выдохнув, пишу ей в мессенджер:

"Привет! Можешь сегодня посидеть с Максимкой?"

Сжимаю мобильник в руке, по спине течёт холодный пот, пока жду ответ. Сегодня очень важный день. Савицкий сказал, что у него для меня необычное и очень выгодное предложение, которое даст блестящий пинок моему продвижению. Продюсер требовательно смотрел на меня, когда сообщал это, а ещё улыбался зловеще и интригуяще. Мне нельзя сегодня опаздывать!

Максимка тянется в кроватке и открывает сонные глаза, и я отвлекаюсь. Когда я рядом с сыном, то забываю обо всём на свете. У него каким-то образом получается вытеснить из моей души весь негатив и заполнить меня светом и радостью через край.

— Доброе утро, котёнок! — глажу его по пышной шевелюре.

— Ма-ма-ма! — повторяет цепляясь пальчиками за подвеску на моей шее.

— Ты мой золотой мальчишка! — наклоняюсь, чтобы поцеловать.

Телефон вибрирует на столике, хватаю его в надежде, что ответила няня. Но нет.

"Доброе утро, любимая! Куда пропала? Сегодня увидимся?"

Стёпа стал требовать моего внимания. С тех пор, как мы помирились, он всегда находит время и на свидания, и на переписки, и на короткие телефонные звонки. Мне его повышенный интерес очень нравится, я чувствую свою значимость и ценность в его жизни.

"Доброе утро! На этой неделе я занята."

Отправляю в ответ и откладываю телефон. Пока жду ответ от Олеси, успеваю покормить Максимку манной кашей и помыться. Времени на сборы остаётся всё меньше.

— Мамочка, пожалуйста, побудь с Максимкой! Я обещаю, что на студии буду не долго! — умоляю почти на коленях.

— Ладно, — бубнит.

Вижу, что соглашается в неохотой.

Нужно возвращать няню Олесю в нашу жизнь на постоянно основе.

Через полчаса выезжаю, уже опаздываю. Савицкий будет в ярости!

56

На студии появляюсь с опозданием.

Крадусь по коридору, словно мышка. В комнате звукозаписи слышу отдалённые голоса.

— Ну и где твоя Канарейкина? — фыркает женский голос.

— Ну потерпи немного, Лора, она вот-вот появится, — ласково отвечает Савицкий. — Нельзя быть такой капризной, звезда моя.

— Ты же знаешь, что мне нельзя задерживаться, у меня ещё фотосессия сегодня.

— Надеюсь, в одних трусиках? — пошлая усмешка. — Фотки скинешь?

Застываю у входа, как каменное изваяние. Нужно идти, но ноги не слушаются. Мама

учила, что подслушивать нехорошо, но я и с места не могу сдвинуться.

— Александр Владимирович! — комнату заполняет женский смех.

— А ну, покажи мне свой образ, — требовательно.

Закрываю рот рукой, а надо бы уши. Собираюсь с силами, выдыхаю. Раньше, услышав такое, я бы испугалась и сбежала, поджав хвост.

Отмираю и стучу в дверь.

— Извините за опоздание, — выдаю гордо и уверенной походкой прохожу в центр маленькой комнатки. Стараюсь игнорировать, как Лора спешно одёргивает подол неприлично короткой юбки.

Девушку узнаю не сразу, но спустя пару секунд до меня доходит! Это же Лора Шорох! Хлопаю ресницами растерянно.

— Наконец-то! — известная певица прерывает тишину, громко цокнув языком.

— Ну, девочки, вот вы и встретились. Лорочку представлять не нужно, а это — Вероника Канарейкина. Мы должны её зажечь! Зовите звукача, будем писать хит.

Заворожённо смотрю на Лору. Она — мой пример для подражания. У неё миллионы слушателей, на её концерты билеты скупают тысячами! Я знаю наизусть текста почти всех её песен... и вот она стоит передо мной. Сверкает золотыми украшениями, пафосно и дорого.

— Канарейкина, алло! — звезда складывает руки под грудь. — Звукача зови!

— Да, хорошо, — лепечу испуганно.

Оставляю сумочку на кресле и выдвигаюсь на поиски, а у самой шум в ушах. Кровь прилила к щекам, кожа горит.

Божечки, неужели Савицкий хочет, чтобы я и Лора Шорох записали совместный трек? О таком я и мечтать не могла! Сердце ускоренно стучит, каждый удар отзывается а ушах. Кровь превратилась в раскалённую сталь от напряжения.

Я ведь не напридумывала себе это... мне это не снится!

На всякий случай щипаю себя за руку, больно и неприятно обжигает кожу.

Нет, не сплю!

Нахожу звукача и зову его в комнату звукозаписи.

Лора и Александр Владимирович непринуждённо обсуждают предстоящий концерт в Питере, когда я появляюсь на пороге замолкают.

— Звукач сейчас придёт, — сообщаю я.

— Хорошо. Чтож, девочки. Я предлагаю сегодня записать одну из песен Вероники. Уверен, что ваш дуэт выйдет уникальным и ярким.

— Мою песню? — снова теряюсь.

Не ожидала.

Риски высоки. Все подумают, что текст написала известная певица, а моё имя рядышком могут даже не заметить.

— Вероника, поверь, это очень перспективное предложение. Если песня зайдёт слушателям, то Лора разрешит тебе выступить в Питере на концерте вместе с ней. Для тебя это шанс не только прославиться, но и заработать.

Вспоминаются слова мамы, что мои попытки выступать на сцене до сих пор не принесли результата, и лучше бы мне отказаться от мечты, бросить всё и снова устроиться официанткой, и кровь закипает от бешенства.

В этот раз я точно не сдамся.

— Я согласна, — сжимаю пальцы так, что слышен хруст костяшек.

Хочу доказать самой себе, что достойна большего, чем принимать заказы и разносить еду.

Проходит два с лишним часа, прежде чем нам удаётся сделать всё, что было задумано. И когда Савицкий утвердительно качает головой после очередной записи, у меня за спиной вырастают крылья.

Всё получилось! Скоро моя песня взлетит, нас с Лорой будут слушать, меня начнут узнавать всё больше людей! Я буду творить музыку для своих преданных слушателей. Буду стараться для них!

Проверяю телефон на наличие пропущенных и смс, облокотившись на столик в коридоре. В душе клоочет радостный трепет, предвкушение смешивается с безумной волной счастья. Сомнений нет — всё будет классно!

— Вероника, — окликает голос Лоры, и я оборачиваюсь.

— Что-то случилось? — рассматриваю её взволнованное лицо.

— Нет, есть разговор, — цепко ловит мой локоть и направляется вперёд, как танк, ничего не своём пути не замечая.

Я чуть ли не бегу за ней семенящим шагом до самой гримёрки.

Дверь захлопывается, Лора резко включает свет. В комнате никого.

— Послушай, если хочешь на большую сцену, то... — морщится и взгляд отводит. — Ты должна быть более благодарна нашему продюсеру.

— В смысле?

— Не строй из себя глупенькую куколку. Ты понимаешь, о чём я говорю. Мой тебе совет: Савицкого не зли. Не ответишь ему лаской ты, а сорвётся он на всех своих девочек. Ок?

— Он никогда ко мне не приставал, — бормочу растерянно.

— Конечно, нет. Знает, жук, что ты бывшая Волкова! — Лора хитро прищуривается, разжигая во мне огонь непонимания и смятения. — Подожди, Вероника, и Савицкий запросит цену за твоё продвижение.

57

***за две недели до похищения ребёнка**

— Может, всё таки не поедешь? — Стёпа сжимает мои ладони своими пальцами и с тоской смотрит в глаза.

— Я не могу отказаться, — качаю головой и опускаю взгляд.

Это невыносимо. Когда всё только наладилось в отношениях с мужем, я вынуждена улетать в Питер.

Карьера или семья?

Голова гудит, как пчелиный улей. Я не могу выбрать. Не могу. Я долго шла к большой сцене. Моя мечта исполняется наяву. У меня есть мои слушатели, которым помогает моя музыка. Девочки пишут мне в соцсетях о том, как проживают собственную боль через мои треки, что им легче, что мой голос исцеляет. Я обязана петь для них.

Но тут моя семья. Мой сын, мой муж, мой дом. И они не горят желанием разделить мою радость.

— Будь осторожна, — Волков прижимает меня к себе, и на душе становится гадко.

Я словно разрываюсь: плюнуть на всё и не уезжать или идти до конца.

Савицкий ведь оказался прав, и совместное выступление с Лорой Шорох принесло мне

популярность. А теперь у меня собственный сольный концерт на три тысячи слушателей. И все билеты раскуплены.

Как я могу дать заднюю?

— Я улетаю всего на два дня, — напоминаю строго. — Олеся будет с вами, поможет с Максимкой. Моя мама приедет вечером, всё проконтролирует. Всё будет хорошо.

— Вероника, — гладит ладонью мою щёку, и я закрываю глаза от удовольствия. — Пожалуйста, пусть мой охранник будет рядом с тобой. Я не доверяю Савицкому. Не дай бог он начнёт к тебе приставать.

— Не начнёт.

— Ты красивая и сексуальная! А вдруг...

— Стёпа! — сдерживаю порыв закатить глаза. — Мне пора. Посадку объявили.

Целую губы мужа, теряясь в этом моменте. А дальше самолёт, облака за стеклом иллюминатора, Питер... и мои бесконечные мысли. Сейчас в моей жизни наступил тот редкий момент, когда я счастлива по-настоящему. Все важные сферы моей жизни наконец-то наладились. Я пою для людей, которых лечит моя музыка. У меня есть чудесный сынок и любящих муж-бизнесмен. Мама счастлива, больше не заливает запоями, живёт с хорошим мужчиной.

Бабушка Аня могла бы мной гордиться.

Закрываю глаза, чувствуя влагу на ресницах. Давно я не вспоминала о любимой бабуле! Если бы она была жива, то с удовольствием понянчилась с правнуком, а ещё она слушала бы каждую мою новую песню, читала бы мои тексты. И давала бы мудрые советы для моих отношений с Волковым. Мне не хватает её в реальной жизни.

Самолёт приземляется, я выдыхаю с облегчением. Страх от перелётов так и не пропал. Наоборот, даже усилился. Одно дело лететь куда-то на частном самолёте Стёпы, и совсем другое на общественном.

— Как добралась? — Савицкий встречает у отеля.

— Всё хорошо, спасибо, — искренне улыбаюсь.

— А это кто? — продюсер кидает брезгливый взгляд на мужчину позади меня.

Боже, я уже и забыла...

— Это Андрей. Мой охранник.

— Откуда он у тебя? — недовольная ухмылка.

— Не спрашивайте...

Завтра вечером у меня концерт. Сразу после мы поедem в аэропорт, и я вернусь к мужу. А сейчас лежу в постели и не могу сомкнуть глаз.

Это будет моё первое выступление на такую большую аудиторию.

Нервничаю ли я? Безумно! Счастлива ли я? Без сомнений, да!

Телефон противно пиликает на большой кровати, и мне достаточно лишь подвинуть руку, чтобы взять его. Замираю, когда вижу смс с незнакомого номера. Сердце пропускает удар, а после стремительно набирает скорость. Слышу, как кровь течёт по венам, закипая.

Дрожащим пальцем щёлкаю на всплывшее уведомление, открывается чат с перепиской.

"Твой муж тебе изменяет, пока ты думаешь, что у вас всё наладилось"

Взгляд становится туманным, пространство вокруг превращается в липкую субстанцию. Дышать тяжело. Смотрю на цифры номера, стараясь сфокусироваться и прийти в себя.

Это бред! Быть такого не может! Стёпа сейчас дома вместе с няней и нашим сыном.

А что если он... с Олесей...

Закрываю рот рукой и вздрагиваю. Слёзы текут по лицу.

"Наивная маленькая Вероника... долго ты будешь унижаться перед ним? Ваш брак — фальшивка! Он тебя пожалел, когда ты залетела. А любит он совершенно другую женщину".

Всё это кажется чей-то злой шуткой. Стёпа не мог так со мной поступить! Он бы не стал возвращать меня в свою жизнь, если бы любил кого-то ещё. Он бы не интересовался моими успехами, не стремился бы проводить вместе каждую свободную минуту. Не было всех этих трепетных признаний в любви и долгих разговоров по ночам. Ему было бы это не нужно, если бы он изменял.

На экране всплывает фотография моего драгоценного мужа и Эвелины. В постели. Не знакомой мне простыни. Рыжеволосая красотка улыбается, закрывая одеялом обнажённую грудь, а рядом Стёпа, лохматый и сонный. Это их утреннее селфи.

Дрожащими руками набираю ответное смс, но тут же вижу на экране "отправка сообщений ограничена".

Звоню по неизвестному номеру, но там лишь автоответчик.

По позвоночнику прокатывается лютый холод, хочется выть и лезть на стену от адской боли, заполнившей грудную клетку. Мне словно переломали рёбра и вырвали сердце.

Чёрта с два я поведусь на эту провокацию! Но тогда почему мне так сильно больно?

Набираю номер мужа, чтобы всё выяснить. Мне жизненно необходимо услышать его голос. Выговориться. Рассказать о том, что кто-то хочет обмануть меня, опорочить его в моих глазах.

Я не верю! Не верю!

Длинные монотонные гудки обрывают три коротких сигнала. Стёпа не отвечает на мой звонок, и подлый червячок сомнений проникает в мозг ядовитой мыслью о том, что всё это может оказаться правдой.

Тогда зачем Волкову я, если он спит с Эвелиной?

Встаю с кровати и вытаскиваю из холодильника ледяную воду. Пью жадными глотками, горло обжигает холодом, а пальцы уже ищут в записной номер няни Олеси.

— Где Волков? — выпаливаю резко, как только прекращаются гудки.

— Вероника Алексеевна, что-то случилось?

— Где мой муж?

Говорить больно и голова кругом.

— Он... куда-то уехал.

Прижимаюсь спиной к стене, чтобы не потерять равновесие. Комната плывёт перед глазами и ноги не держат, будто я тряпичная пустотелая кукла.

— Куда? Олеся, куда он поехал? — шепчу из последних сил.

Я, наверно, сойду с ума сегодня ночью.

— Он не отчитывался. Надел костюм, обулся и сорвался куда-то, — сообщает отстранённым голосом.

Вытираю слёзы тыльной стороной ладони, скатываясь на прохладный пол. Поджимаю колени и кладу на них голову. Мне уже не важно, что говорит голос няни из телефона, упавшего рядом. Меня окутывает боль.

Я не хочу верить в измену.

Но всё не может быть так сладко! У других, возможно. Но в моей жизни не бывает всё сахарно. Я всегда по горло в проблемах. То денег нет, то любовь кинжалом ударяет между лопаток. И сегодня, видимо, мне был нанесён последний смертельный удар.

Давно я не был в Санкт-Петербурге! А тут такой повод — первый большой концерт у любимой жены. Значимое событие, которое я не могу пропустить.

С Вероникой даже разговора не было о том, чтобы я поехал вместе с ней. Наверно, она хотела чтобы один из родителей остался рядом с Максимкой. Но я не стерпел и купил билет на самолёт ещё за две недели до концерта. Уверен, няня и моя тёща прекрасно справятся с ребёнком и без моей помощи. От меня толку то особо и не будет.

Самым сложным было не проболтаться об этом Веронике.

Устрою ей сюрприз.

Представляю, как она рада будет увидеть меня с красивым букетом и колоссальной поддержкой. Знаю, что она нервничает перед выходом на сцену, хоть никому никогда в этом не признается.

Еду в такси из аэропорта, осматриваясь по сторонам. Небо серое и пасмурное повисло над крышами, первые звёзды загораются на мрачном полотне.

— Андрей, ну что там? — прикладываю телефон к уху и закрываю глаза.

— Савицкий час назад спустился в бар, Вероника Алексеевна в своём номере. Всё тихо.

— Я подъезжаю. Если Волкова куда-то соберётся, сразу сообщу.

Предчувствие какое-то беспокойное. Будто буря на горизонте. Обычно внутренняя тревога никогда меня не подводила, но последний год показал, как сильно я могу иногда заблуждаться.

Главное, что сейчас всё наладилось. Ника вернулась домой вместе с Максимкой, построила карьеру, у меня бизнесы идут в гору, уже приносят стабильный доход. А Нефть "ВЕС" под руководством отца снова занимает лидирующие позиции.

Жизнь всё расставила по своим местам.

В какой-то момент мои веки тяжелеют, и я проваливаюсь в сон, но звонок телефона быстро вырывает меня в реальность.

— Да, Андрей, — устало зеваю.

— Степан Ефимович, Вероника Алексеевна спустилась в бар. Вам лучше поспешить! — его беспокойный голос заставляет моё сердце сжаться.

— Что там?

— Увидите всё своими глазами.

Такси тормозит у входа в большой и красивый отель, и я спешно выбегаю на улицу. Холодно. И дождик накрапывает. Санкт-Петербург приятной погодой не балует. Ветер такой, что с ног сдувает.

Вдыхаю полной грудью, стараясь успокоиться. Я доверяю своей жене, и точно знаю, что она не позволит своему продюсеру Савицкому ничего лишнего.

Поднимаю взгляд на яркую вывеску, перевожу дух, а пальцы бесконтрольно сжимаются в кулаки. И паршивые мысли, как стая тараканов, царапают черепную коробку изнутри мерзкими лапками.

Вхожу в просторный холл отеля, Андрей меня уже встречает. Вид у него мрачный и пугающий.

— Что случилось? — выпаливаю вопрос, и он эхом разносится по пустующему холлу.

— Господин, вы должны это увидеть.

Вероника

Смотрю на своё отражение. Долго. Взгляд рассеянный, и губы дрожат от озноба, гуляющего глубоко под кожей. Прикусываю нижнюю до боли и пальцами сжимаю край столешницы так, что ногти ломаются. Вновь подкатывают слёзы отчаяния, но я не позволяю себе провалиться в истерику.

Гордо вскидываю подбородок и отхожу дальше от зеркала, чтобы увидеть себя в полный рост.

Нарядилась в новое платье с откровенным разрезом на бедре.

Сделала макияж на скорую руку и волосы завязала в высокий хвост.

Хороший образ, чтобы провести вечер в баре нашего отеля и забыться.

Выхожу из номера, озираясь по сторонам. Не хотелось бы наткнуться на Андрея, которого мой муженёк приставил ко мне. Я то знаю, что Волков сделал это не ради моей безопасности. Что со мной может случиться?

Стёпа сделал это для того, чтобы его охранник за мной шпионил и докладывал о каждом моём шаге.

Всё тихо. Андрея не видно.

Спускаюсь на первый этаж, от лифта до бара рукой подать. Оборачиваюсь, чтобы удостовериться, что шпион не сидит у меня на хвосте.

В моих планах сейчас занять местечко за барной стойкой, заказать один единственный коктейль и пить его неторопливо, наблюдая за посетителями. В номере я схожу с ума, а там где многолюдно, мне будет проще отвлечься от собственных грызущих мыслей.

Я знаю, какая она... Эвелина. Коварная рыжеволосая стерва, которая может пойти на любую подлость, лишь бы получить желаемое. Только непонятно для чего ей понадобилось порочить Стёпу в моих глазах на этот раз. Он больше не глава многомиллионной корпорации, и стрясти с него почти нечего. От этого только хуже: вообще не понятно, чего Эвелина хочет.

Я хорошо помню тот вечер, который Волков провёл в компании бывшей жены. Как пела, сдерживая слёзы, а он сидел с ней за одним столом и непринуждённо что-то обсуждал. И уехали они вместе.

Даже если между ними что-то было, могу ли я считать это изменой?

Мы фактически не были вместе. Я сама ушла от него и в тот момент была не намерена мириться и сходиться вновь. А сейчас у нас всё наладилось.

Пока не поговорю с мужем, выводы делать не буду. Вот когда вернусь, заявлю ему с порога о полученных накануне сообщениях и фотографии. Я всё заскринила. И даже если переписка каким-то чудным образом исчезнет, у меня останутся доказательства. Посмотрим, что Волков на это скажет.

А пока мне просто нужно отвлечься.

Занимаю свободное место за баром и делаю заказ.

Спиной ощущаю на себе тяжёлый взгляд. Ёжусь и оборачиваюсь.

— Вероника, — Александр Владимирович широко улыбается, обнимая правой рукой незнакомую мне девушку. — Что ты тут делаешь?

59

Становится не по себе от пожирающего взгляда продюсера и его пассии. А у девушки и платье почти такое же, как у меня. Чёрное, обтягивающее, с пикантным разрезом на бедре. И на ней, нужно признать, оно сидит гораздо лучше, чем на мне.

Савицкий заметно пьян. Глаза никак в кучу собрать не может, будто смотрит насквозь, но зрачки горят дьявольским пламенем похоти.

— Одиноко в номере, вышла расслабиться, — оправдываюсь я, поджимая губы.

Я не хотела, чтобы Александр Владимирович заметил меня. Но теперь диалога не избежать. Может, оно и к лучшему: так я точно отвлекусь от мыслей про бывшую жену моего Стёпы.

— Виолочка, погуляй, — убирает руку с талии незнакомки, а та лишь растерянно хлопает ресницами.

— Я не Виола... Виолетта! — поправляет, надув губы.

— Это уже не важно, — Савицкий фыркает и двигает свободный барный стул ближе ко мне.

Виола — Виолетта обижено уходит. Знать не хочу, какими методами Александр Владимирович располагал её к себе и что обещал, но по расстроенному виду девушки догадаться не сложно.

— Красивое платье, — комплимент звучит скользко.

— Спасибо, — выдыхаю и делаю глоток спиртного.

Вкусный мохито с кубиками льда одаривает свежестью и расслабляет.

— Ну что, Канарейкина, завтра твой первый большой концерт, — потирает руки и глаза прищуривает, осматривая мои длинные ноги в разрезе платья.

Я молчу.

Просто не знаю, что ответить, чтобы не язвить. Хочу поправить Савицкого, что я не Канарейка, а Волкова. Напомнить, что я замужняя женщина с маленьким ребёнком.

— Ты, должно быть, благодарна мне? — мужской голос понижается, становится интимнее.

А в мою голову закрадывается воспоминание о том, что говорила мне Лора Шорох: я должна быть благодарна, и когда продюсер запросит цену за моё продвижение, обязана ответить на его ласку.

Уголки моих губ нервно вздрагивают.

— Да, Александр Владимирович, благодарна. Спасибо вам! — поворачиваю корпус, чтобы не смотреть ему в глаза.

Молюсь, чтобы он ушёл на поиски своей Виолы-Виолетты и продолжил заигрывать с ней.

Но Савицкий лапает меня взглядом. Сквозь шумные голоса и музыку слышу, как дышит тяжело. Стул со скрипом пододвигает ближе и касается коленом моего бедра.

Вздрагиваю всем телом.

— Расслабься, Вероника, — выдаёт возбуждённо.

А после сильная мужская ладонь оказывается на моей спине и стремительно съезжает ниже, к самому копчику.

Становится душно, и я уже жалею, что вышла из номера.

— Александр Владимирович, вам не стоит так трогать меня.

— Не нравится? — удивлённо.

— Я замужем, — всё же решаюсь напомнить об этом факте.

— Твой муж за шестьсот пятьдесят километров отсюда. Он не узнает, что я тебя потрогал! — Савицкий усмехается, сжимая моё платье своими пальцами. — Если, конечно, ты ему не расскажешь, — выдыхает строго. — А ты ведь не расскажешь, верно?

— Степан приставил ко мне охранника. Если он увидит, как вы меня трогаете, то беды не миновать.

— Охранник... точно... — продюсер кривится, но руку убирать не спешит.

— А знаете, Александр Владимирович, в номере нас никто не увидит, — перевожу на него лукавый взгляд. — Вы идите, а я удостоверюсь, что мой охранник за мной не следит, и присоединюсь к вам!

В пьяном взгляде загорается неудержимый огонь.

— Так бы сразу, Канарейкина, — встаёт, пошатнувшись.

Наклоняется ко мне и целует в висок, оставив мокрый след.

— Жду тебя, милая! — напоследок лапает мою ногу и шатающейся походкой выходит из бара.

С облегчением закрываю глаза и улыбаюсь. Пронесло... остаётся надеяться, что Савицкий зайдёт в свой номер и сразу же уснёт.

— Извините, — Виола — Виолетта усаживается на освободившийся рядом со мной стул. — А вы к Александру Владимировичу пойдёте?

Меня перекашивает от её вопроса.

— Нет, — осматриваю её наивное лицо с накачанными губами, прохожусь взглядом по похожему на моё платье и пожимаю плечами. — Если хочешь, можешь пойти к нему. Номер сто пятьдесят второй.

...

Степан

У входа в бар не протолкнуться, но мне всё же удаётся заглянуть.

Сердце перестаёт стучать, когда вижу жену в объятиях старого мудака Савицкого. Нагло трогает её спину, скользит ладонью ниже, сжимает лёгкую ткань платья. А она улыбается.

Улыбается, мать её!

Вместо того, чтобы пресечь его телодвижения, сидит и бесцеремонно глазки ему строит.

— Степан Ефимович, пойдёмте в номер, — одёргивает меня Андрей.

Заметил, как я закипаю от бешенства.

Глаза наливаются кровью, и я ничего почти не вижу. Красная пелена застилает взгляд.

Часто моргаю. Вероника наклоняется к своему продюсеру, что-то шепчет ему.

Наверняка какую-нибудь пошлость. Выражение лица у старого урода уж больно довольное.

Он встаёт, поцеловав её в голову. И я теряю контроль.

Срываюсь с места, но Андрей успеваает перехватить.

— Степан Ефимович, не нужно. Сделаете только хуже. Вероника не простит вас, если у неё завтра концерт сорвётся.

Не простит... то есть я должен закрыть глаза на то, что моя законная жена позволяет Савицкому до неё дотрагиваться! Должен простить?!

Андрей ухватывает меня за пиджак и выводит из бара.

— Я не понимаю, чего ей не хватает, Андрюха? — скулю, как дворовый пёс, и залпом вливаю в себя алкоголь.

— Господин, перестаньте! Ничего такого Савицкий не сделал! — звучит неутешительно.

В номере слишком душно. Я задыхаюсь от собственного лихорадочного пульса и беспощадной злости. Разорвать готов этого продюсера голыми руками, проломить ему

башку, чтобы думал, кого лапает.

— Проверь, где сейчас Вероника, — указываю на дверь, и Андрей, тяжело вздохнув, выходит из номера.

Смотрю на наручные часы, а стрелки безумно медленно ползут по циферблату. Секунда, две... минута... выдыхаю.

Слишком долго!

Терпеть нет никаких сил, и я срываюсь из номера вслед за своим главой охраны. Крадусь, как идиот, по лестнице вверх, осматриваюсь. В длинном коридоре замечаю блондинку в чёрном платье. Качая бёдрами, она проходит к одной из дверей и стучит. Я прячусь за перила, взгляд мутнеет.

Не могу разглядеть, Вероника ли это... но платье и походка слишком похожи. Лица я не вижу.

Дверь распахивается, и девушку в чёрном платье встречает Савицкий.

А я сажусь на ступеньки и обхватываю голову руками.

Это она... моя Вероника...

Возвращаюсь в номер, словно в бреду. Стягиваю галстук и рубашку.

— Степан Ефимович, Вероника не открыла мне дверь, — появившийся Андрей сообщает неутешительные новости.

— Я её видел, — шепчу, покрываясь потом. — Она у Савицкого.

60

Всё, что я запланировал, осуществлять не хочется от слова "совсем". Видеть не могу Веронику после произошедшего. В моей поддержке она явно не нуждается. Савицкий её пусть поддерживает и успокаивает. Кровь закипает в венах, когда представляю, как продюсер трахает мою жену.

С утра выезжаю в аэропорт, и господин случай предоставляет мне возможность купить билет в самолёт на ранний рейс.

Андрей остался в отеле, чтобы следить за безопасностью Вероники. Вечером она выступит, и в ночь вылетит домой.

В моих планах дождаться её и высказать всё, что я о ней думаю. А ещё лучше будет, если перед этим я соберу её вещи, и как только дорогая жёнушка зайвится на порог моего дома, я выставлю её за дверь. Пусть катится к чертям! Куда захочет! Хоть в объятия к своему продюсеру Савицкому, хоть в Швейцарию к миллионеру Амьелю.

Я улетаю из Питера с полной опустошённостью и ноющей болью в затылке. Я никак не ожидал такой подставы от Волковой.

Теперь понятно, почему она не могла встретиться со мной неделями... занята была, отработывала свою карьеру.

— Я дома! — сообщаю громко, забыв, что встречать меня некому.

Персонал в дом я так и не вернул. Здесь обитают только призраки-охранники, которых я вижу редко.

— Добрый день, Степан Ефимович, — Олеся с мальчишкой на руках выплывает из столовой.

Ставит Максимку на пол, и тот торопливо идёт ко мне.

Сердце сжимается при виде сына.

Хватаю его на руки, прижимаю к себе и улыбаюсь. Вдыхаю запах родного человечка, растворяюсь в моменте. Тревога и боль отступают на какое-то время.

— Вероника звонила вчера, — сообщает няня, переминаясь с ноги на ногу в сторонке. — Она спрашивала, дома ли вы... а я не знала, что сказать, чтобы не испортить сюрприз.

— Никакого сюрприза не получилось, — отрезаю сухо, окинув Олесю недоброжелательным взглядом.

— Почему?

— Потому что эта сука трахается со своим продюсером.

Глаза нянечки расширяются.

— Быть такого не может... — лепечет еле слышно.

— Пока все думают, что Вероника святая, она...

— Не выражайтесь при ребёнке! — перебивает и подходит ближе, протягивает руки, и Максимка с радостным воплем ныряет в её объятия. — Пойдём, Максим Степанович. Папа наверно, очень устал.

Вскидывает подбородок и поднимается по лестнице на второй этаж, исчезает за поворотом, оставив только шлейф ненавязчивых приятных духов.

Я не знаю, как не сойти с ума и дождаться Веронику. С удовольствием бы сейчас залил своё горе. Напился бы до беспамятства. Лишь бы внутренний голос не твердил мне о том, что я пригрел на груди змею.

История повторяется.

Сначала мне бессовестно изменяла Эвелина. Теперь и Вероника скатилась до её уровня.

Переодеваюсь и направляюсь в бассейн. Лучше так скоротаю время, чем буду выпивать. Если Волкова вернётся домой, а я пьян, то разговора не состоится.

Я хочу смотреть на неё трезвыми глазами и слушать, как она будет оправдываться и выкручиваться. А потом распахну перед ней дверь и выгоню. Навсегда. Из дома. Из сердца. Из мыслей.

...

Вероника

Концерт получился такой, что у меня до сих пор мурашки. Прошло уже достаточно времени, а я всё ещё проживаю те эмоции, которые накрывали меня на сцене. И стоит только закрыть глаза, я словно наяву вижу их... своих людей... подпевающих моим песням, слушающих меня внимательно. Чувствую их светлую энергию и поддержку.

Я не думала, что у меня когда-то получится прикасаться к сердцам людей через свои песни.

Это было мечтой. Тем, что спрятано от меня за громадной непробиваемой стеной.

А теперь это часть моей жизни!

Машина ловко заворачивает на огромную территорию нашего дома. Лениво загораются фонари с датчиками движения. Наконец-то увижу родных, поделюсь своими чувствами и эмоциями. Расскажу, как сначала было страшно, а потом я увидела тысячи влюблённых глаз, и тревога испарилась. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Прохожу в просторный коридор, Андрей заносит мой чемоданчик и оставляет у двери.

— Спасибо, — улыбаюсь ему, а он мрачный такой, словно кто-то умер.

Молча уходит, даже не посмотрев на меня.

Конечно, охрана Волкова никогда многословностью не отличалась, но тут мог бы хоть что-то ответить.

Крадусь по лестнице. Знаю, что все спят. Время близится к утру, примерно пол

четвертого. На часы принципиально смотреть не хочется, чтобы не расставаться, ведь сна у меня ни в одном глазу. Я заряжена энергией после концерта настолько, что ещё долго не смогу уснуть.

Распахиваю дверь в спальню Стёпы и замираю. Кровать пуста. Мало того, муж даже не расстелил её.

Странно... Стёпа же знает, что я должна прилететь сегодня ночью...

Мысли спутываются в узлы, щекочут нервы.

А что, если он у Эвелины? Вдруг полученные с неизвестного номера сообщения были настоящими? Может Волков на самом деле мне изменяет?

Присаживаюсь на кровать и глаза закрываю, дышу полной грудью в попытке собраться и перевести дух. Внутри всё замирает, и пальцы с силой сжимаются в кулаки. Почти до боли.

— Вернулась? — в слух вонзается низкий мужской голос.

— Привет, — выдыхаю, распахнув глаза.

— Я вещи твои собрал, они в твоей комнате, — говорит спокойно и размеренно.

А у меня душа уходит в пятки.

Выгоняет меня, потому что больше не хочет обманывать. Приведёт Эвелину сюда, будет с ней жить.

Значит, всё это правда!

— Почему ты раньше не сказал? — чувствую нахлынувшие слёзы от обиды и негодования.

Стёпа проходит в центр комнаты. В полутьме теперь отчётливо видно его лицо, освещённое ночником. Смотрит куда-то отстранённо, поджимает губы и хмурится.

— Как ты могла, Вероника? — переводит на меня тяжёлый взгляд, от которого мурашки по коже.

— Я?

— Я тебе верил, а ты... с Савицким...

Смотрю в глаза мужа, сверкающие безумной ревностью, и никак не могу понять, в чём он хочет меня обвинить.

— Стёпа, причём тут мой продюсер? — скрываю своё возмущение, но голос шипит.

— Ты ещё и дурой притворяться будешь? Я всё знаю, Вероника! — говорит на повышенных тонах, заставляя мой пульс ускориться.

— Что же ты знаешь? — встаю с кровати и делаю уверенный шаг к нему, сокращая расстояние до миллиметров.

Стёпа не отрывает от меня разъярённого взгляда, дышит тяжело и вена пульсирует на его виске.

— Не шути со мной, девочка, — обжигает дыханием моё лицо.

— Я тоже кое-что знаю, муженёк! — складываю руки на груди в защитном жесте, губы вздрагивают в улыбке.

— Я просто вот чего понять не могу, — с колкой усмешкой. — Неужели для тебя твоя карьера дороже меня и Максимки?

— Бред какой-то, — закатываю глаза. — Это твоя бывшая тебе так дорога, что ты спишь с ней в тайне от меня! А хотя я понимаю... наши отношения начались с того, что ты хотел Эвелину вернуть, — обжигаюсь собственными словами и прикусываю щёку изнутри до отрезвляющей боли.

— Стрелки переводишь? Изменяешь, но хочешь сделать меня виноватым? — между

бровями Волкова образуется глубокая впадина.

Достаю телефон из кармана и открываю ту самую переписку.

— Вот, полюбуйся, — демонстрирую мужу гадкие сообщения и фотографию, на которой он в полусне обнимает свою бывшую жену, лёжа на постели.

— У нас ничего не было, — оголяет зубы в зловещем оскале. — Эвелина в тот вечер подсыпала мне какую-то херню в вискарь, а потом хотела воспользоваться мной. Но ничего не было. У Олеси есть доказательства.

— Я не верю!

— Повторяю ещё раз. У Олеси есть доказательства! — упрямо цедит сквозь зубы. — А вот ты чем докажешь, что не спала с Савицким?

— Почему я должна это доказывать? С чего ты вообще это взял?

— Я был в Питере вчера. Видел вас в баре. Он целовал тебя и лапал. А потом, — голос Стёпы срывается, и он морщится, как от боли, прикладывает ладонь к груди.

— Что потом? — сверлю взглядом его лицо.

— Ты зашла в его номер, — шепчет.

Обходит меня и садится на кровать.

— Стёпа, я не изменяла. В баре была девушка в таком же платье, как у меня. Это она вчера заходила к Савицкому! — сыплю оправдания, но потом закипаю от злости и тут же взрываюсь. — Ты правда думаешь, что я способна на измену? — вскрикиваю.

— Иди к себе в комнату, — говорит тихо, почти не слышно.

— Ответить, ты мне не доверяешь? — делаю шаг в сторону мужа, чтобы заглянуть в его наглые недоверчивые глаза.

— Пошла вон! — рывкает грубо, и по моей спине тут же бежит холодная волна.

Замираю на месте, буквально прирастаю к полу. Хочу что-то сказать, но воздуха становится мало.

— Уходи, Вероника! Убирайся! — встаёт с места и, сильно схватив меня за плечо, выталкивает из спальни.

Дверь с шумом захлопывается прямо у меня перед носом.

61

Сижу в своей комнате, взгляд застыл на чемоданах, в которых я не так давно, счастливая и окрылённая, перевозила вещи в этот проклятый Волковский дом!

Выгнал меня. Выставил из своей спальни. Обвинил в том, чего я никогда бы не сделала.

Волков в своём репертуаре...

Вытираю мокрые щёки тыльной стороной ладони и шумно выдыхаю.

Скоро проснётся Максимка, и мы благополучно уедем куда-нибудь подальше. Только я и сын. Вдвоём. Денег у меня теперь достаточно, чтобы снять квартиру и жить своей жизнью без мерзких обвинений и лживой любви.

Эта драма в отношениях меня вымотала...

А Люда, после развода с Медведевым, говорила, что сказочные богачи не для таких девчонок, как мы!

Права была... у богатых, видимо, с головой не всё в порядке.

— Нужно как-то помочь им, — выговорила Олеся, сложив руки под грудью. — Так больше продолжаться не может.

— Ты же понимаешь, что они как кошка с собакой. Цапаются из-за мелочей. Я считаю,

что счастья у них уже не будет! — Лиза покачала головой и отпила из чашки горячий шоколад.

Компания домработников собралась в кафе в центре города через несколько дней после отъезда Вероники. Каждый из них желал Волковым только счастья, но как помочь, никто не знал.

— У них общий ребёнок, которого они оба любят. Да и к друг другу у них определённые чувства есть. Последняя их ссора вообще произошла на пустом месте! — не унималась Олеся, стараясь вразумить друзей и заставить их придумать хоть какой-то план по примирению Стёпы и Ники.

— Я тоже считаю, что вмешиваться не стоит, — пикнула Настя, покосившись на Лизу.

— Ну как же так... — няня обречённо заныла, закрыв глаза от усталости. — Волковы как дети малые! Но они же не могут друг без друга!

— Смогут, — отрезала Лиза, отодвигая опустевшую чашку в центр стола. — Взрослые они, Олеся. В наших советах не нуждаются, поверь.

— Тут советами уже не поможешь. Вероника со Степаном Ефимовичем видется не хочет категорически! А Волков так вообще снова в депрессии. Бороду не бреет, не моется, почти не ест! — жалостливым голосом вещала Олеся.

Её сердце болело и сжималось каждый раз, когда она заходила к Волкову домой и интересовалась у охраны, как господин себя чувствует. Пару раз молодая девушка даже готовила Степану суп и уговаривала съесть хоть ложечку. Ради сына!

— Ты бы прекращала за ним ухаживать, как за инвалидом, — колко усмехнулась Лиза.

Конечно, она тоже переживала за Стёпу, хоть и злилась на него за то, как не задумываясь он выгнал весь персонал в тот злополучный день. И до сих пор не извинился!

— Вот, верно! Степан Ефимович зрелый мужчина, сам справится! — Настя самодовольно кивнула, но тут же смущённо опустила взгляд в опустевшую десертную тарелку.

Из-за юного возраста она верила в любовь всем сердцем. И пусть ей никогда не приходилось по настоящему влюбиться, до головокружения и пресловутых бабочек, описанных в прочитанных девушкой романах, Настя видела, как между Волковыми проносятся искры. Какое-то время она даже мечтала, чтобы и у неё были такие отношения. Нежные. Трепетные. А временами и огненные, опаляющие крылышки.

Ей бы хотелось, чтобы всё было как раньше. Степан Ефимович и Вероника Алексеевна снова любили бы друг друга и берегли. И все бы они вновь жили в доме у Волкова. Но Настя выбрала позицию властной Лизы и во всём поддерживала её слова, а о своём собственном мнении напрочь позабыла.

— Бестолковые вы, девки! — голос Виктора, тихий и размеренный, разорвал тишину за столиком.

Три пары женских удивлённых глаз впились в него с непониманием.

— Волковы — наша семья. Мы обязаны их помирить! — заключил мужчина и загадочно улыбнулся. — Доставайте блокноты и ручки. Записывайте. План таков...

62

день икс

Вероника

— Ты же понимаешь, что нам придётся поговорить? — голос мужа из трубки звучит совсем не ласково.

— О чём? — прячусь за равнодушием.

Ковыряю ложкой свой десерт, заказанный полчаса назад. Думала, что хотя бы сладкого смогу поесть, но аппетит так и не пришёл.

— Вероника, хватит! — рывкает так, что я интуитивно отстраняю телефон от уха. — Я хочу видеть сына!

— Хорошо, попрошу Олесю. Она заедет к тебе вместе с Максимкой.

Душа трещит по швам. Я точно знаю, что приняла верное решение: не видеться больше с Волковым. Наши кошки-мышки продолжают очень долго, и изрядно всем надоели. Нужно найти в себе силы поставить точку. На этот раз окончательно.

— Жди, Стёпа. Олеся заедет около шести, после сна Максимки.

Сбрасываю вызов и замираю взглядом на маленьком красивом тортике, а недавно услышанный голос продолжает звенеть в ушах. Он говорит жалостливое "прости, был не прав", и я наивно хочу ему довериться. В сотый раз!

Руки прошибает электрическим разрядом, и я сильнее сжимаю дрожащими пальцами чайную ложку.

К чёрту всё!

— Принесите счёт, — улыбаюсь пробегающему мимо официанту.

— Вам всё понравилось? — смотрит на нетронутый десерт, изгибая густую бровь.

— Ага, спасибо. Можете забрать, — отодвигаю чашку с чаем и тарелочку.

Расплатившись, еду на съёмную квартиру в жёлтом такси. Мысли не отпускают не на секунду. С тех самых пор, как случилась последняя ссора с мужем, я сама не своя. Ощущение пустоты не проходит, чем бы я не занималась. Даже блог начала вести активнее. Поэтому и приходится ездить куда-то, что-то снимать, фотографировать, ретушировать, заливать и писать под постами мудрые и правильные мысли. Хотя чаще я публикую видео под собственные песни и строчки из них же.

— А вот и мама! — Олеся встречает меня на пороге, держит Максимку за руку.

Мальш улыбается и бежит ко мне. Обнимает.

Всё таки мальчик у нас получился на удивление ласковый.

Время рядом с сыном пролетает незаметно. Собираем башни из кубиков, пробуем рисовать, смотрим мультик. Дальше дневной сон.

— Олесь, Волков хочет Макса увидеть. Съездишь? — выхожу на кухню после того, как уложила сыночка.

— Да, хорошо, — отвечает тихо, а я смотрю в её глаза, загоревшиеся странным блеском.

Секунду мешкаю, стараясь угадать причину внезапной радости няни, но потом отгоняю от себя неадекватные мысли.

Волков и Олеся... Нет! Если бы между ними что-то было, я бы уже об этом знала.

— Какие у вас планы на вечер? — осторожно интересуется Олеся, поставив на стол две кружки с какао.

— Не знаю.

— Вам бы съездить развеяться. Вы давно не общались с подружкой Людой!

Она права...

Я и правда никуда не хожу последнее время. А если и выбираюсь из дома, то только в полном одиночестве.

Так и с ума сойти можно...

_ Степан _

— Наконец-то, — встречаю Максика и Олеся в своём доме.

На лице играет глупая улыбка, как у маленького мальчика. Беру крошку — сыночка на руки, и тревожные мысли меня оставляют. Не видел его давно. Вырос. Кажется, совсем взрослый. Уже ходит, показывая пальцем в разные предметы, издаёт много звуков. Иногда даже "па-па" проскальзывает, отчего моё сердце превращается в золу.

Проводим время в игровой. Максим с удовольствием и живым интересом рассматривает оставшиеся здесь игрушки, я за ним наблюдаю, иногда отрывая взгляд и рассматривая няню.

Олеся устроилась на удобном диванчике и активно пишет кому-то смски, стучит маникюром по экрану. Взгляд встревоженный, губы то расплываются в загадочную полуулыбку, то поджимаются и превращаются в узкую полоску. Она явно чем-то обеспокоена.

— Как дела у Вероники?

От моего вопроса Олеся вздрагивает, и тут же оживляется. Широкая улыбка озаряет её лицо и глаза... становятся хитрыми, с прищуром.

— У Вероники Алексеевны всё супер! — скандирует не своим голосом. — Сегодня она будет ужинать в ресторане у подруги Люды.

Последние слова произносит сособойинтонацией.

— Олесь, ты на что-то намекаешь? — спрашиваю в лоб, наблюдая, как вытягивается её лицо.

— Я же... уже вмешивалась в ваши отношения и... это я свела вас снова...

— И что?

— Степан Ефимович, почему бы вам не поехать сейчас к ней?

Вопрос звенит в ушах.

А, собственно говоря, почему бы и нет?

Мы так и не обсудили возникшую ситуацию. Я выставил жену за порог своей комнаты, она горделиво схватила чемоданы и съехала. А я чуть не помер в ту ночь. Давление подскочило. Наш семейный доктор приезжал, вколол мне укол и следил за моим состоянием добрые часов пять. Всё было сделано тихо, чтобы никто не видел, что мне плохо. Я не хотел никого напрягать, особенно Веронику. Если бы я показал свою слабость, наверно, жёнушка бы приняла это всё за симуляцию с моей стороны.

И сейчас предложение Олеся выглядит весьма разумным. Поеду и поговорю с Никой. Спокойно.

Уже через каких-то сорок минут стою рядом с "Горизонтом". Начинает накрапывать дождь, мелкие капли ложатся на белоснежные лепестки цветов, купленных для Вероники. Такие же нежные, как она. И колючие! Сжимаю ладони крепче, наблюдая за женой.

Она сидит в уютном помещении в компании чашки какого-то напитка, освещённая ярким жёлтым светом. Блики играют на её милом лице и белом платье. Задумчиво смотрит то на свои руки, то куда-то вдаль. Взгляд совершенно отстранённый.

И о чём она думает в этот момент?

Дождь расходится не на шутку, и мне стоит сдвинуться с места и пойти к ней, если не хочу промокнуть до нитки. Но я не в силах оторвать взгляд и успокоить ускоренное сердцебиение. Жутко бесит, что на меня так влияет какая-то женщина...

Не какая-то. Только эта. Единственная и неповторимая.

Вхожу в ресторан, и по коже проносится приятное тепло. Атмосфера всё же здесь чудесная, располагающая на душевные романтические вечера. У Люды получилось создать

уникальный ресторан, и за это нужно отдать ей почтение.

— Вероника, — произношу тихо, подойдя со спины.

Она едва уловимо вздрагивает и оборачивается. Смотрит на меня расширенными от удивления глазами, а потом резко меняется в лице. Сужает глаза строго и прикусывает нижнюю губу.

— Почему ты не с ребёнком? — укоризненно.

— С ним осталась Олеся. А я пришёл поговорить.

— Не о чем тут говорить, Стёпа, — встаёт с диванчика и равняется со мной.

Стоит рядом, смотря в мои глаза пронзительно, уничтожающе. И у меня опять кровь станет. Физически ощущаю, как струится по спине холодный пот.

— Я принёс цветы, — выдавливаю подобие улыбки.

— Я вижу, — кивает коротко и собирается уйти, но я ловлю её за локоть и тяну к себе.

Шумно выдыхает от неожиданности, но успевает поставить ладонь мне на грудь и застыть. Хочу обнять. Почувствовать её тепло. А она как айсберг. Ледяная.

— Не начинай, пожалуйста, свой спектакль. Люди смотрят! — сипит мне в лицо, отталкиваясь.

Но я не намерен отступить.

— Извини, Ника.

— Поздно.

63

— Давай сядем и всё обсудим! — собственный голос кажется механическим, не живым.

— Нет, Стёпа, — упрямится Вероника. — Мы едем к тебе домой, я забираю Максимку и всё. Точка. Никаких "нас" больше нет.

Смотрю в её глаза, полные боли. И осознаю, что теперь это точно финал. Спектакль окончен, свет погашен, зрители медленно расходятся. Пальцы сильнее сжимают локоть жены, потому что это единственное, что сейчас удерживает нас рядом друг с другом. Я как дурак хватаюсь за соломинку и надеюсь, что это нас спасёт.

— Ладно, — ослабляю хватку, и Волкова вырывается.

Опаляет меня ненавидящим взглядом.

— Славно, — её губы вздрагивают в защитной улыбке.

— Славно, — выдыхаю через силу.

Если любишь — отпусти...

— Я вызвала себе такси, встретимся у тебя дома, — уведомляет меня с полным безразличием и разворачивается.

Я остаюсь один с этим проклятым букетом цветов. Провожая Волкову взглядом. Идеальная. Ну просто божественная! Её силуэт отдаляется от меня так же стремительно, как приходит осознание конца наших отношений. Хочется психануть, дать волю эмоциям, перевернуть к чертям все столы в этом заведении, перебить всю посуду, раздолбать в крошку маленькие миленькие лампочки с дурацким жёлтым светом.

Но я делаю глубокий вдох, перевожу дух, вызываю себе машину.

Мой чёрный внедорожник приезжает раньше, чем такси Вероники. Жду её у входа в дом, который когда-то был нашим. В мыслях по крупницам собираю счастливые воспоминания, стараюсь сохранить их на задворках памяти: каждый поцелуй розовых сладких губ, каждое прикосновение нежных ладоней к моей коже, каждое слово "люблю", прощёпанное искренне и нежно.

В какой момент отношения рухнули? Что важного я упустил? Уже столько выводов сделано, столько опыта впитано, но мы так и не смогли сохранить чувства.

Такси плавно паркуется рядом с лестницей. Вероника выходит торопливо. Дождь всё ещё идёт, пусть и не сильный, но небо затянуто чернильными тучами и ветер такой, что с ног сдувает. Обязательно будет буря!

— Ты чего здесь? — жена косится в мою сторону, проходя мимо.

— Тебя ждал, — открываю перед ней дверь.

В доме тихо. Даже слишком.

— Олеся! — кричит Вероника из светлой прихожей. — Поехали домой! Собирай ребёнка!

Эхо разносит её голос по пространству, а в ответ лишь немое молчание.

— Где они? — посылает в меня взгляд-проклятье.

Пожимаю плечами и снимаю пальто. Медленно поднимаюсь по лестнице, каждый шаг слышен в тишине дома. Ника тоже скидывает верхнюю одежду и идёт за мной по пятам.

Чем выше мы поднимаемся, тем больше тишина пугает. Прошибает до мурашек. Первым делом проверяем в детской игровой комнате: игрушки разбросаны, на маленьком столике стоит бутылочка с соком. Ни няни, ни ребёнка.

— Может, они спят? — выдвигаю версию.

— Быть не может. У Максимки режим. Он бы не уснул в такое время! — шелестит Ника за моей спиной.

— Степан Ефимович! Вероника Алексеевна! — в писклявом голосе няни скопилось столько чувств и эмоций, что пронзает до дрожи.

Мы с Волковой синхронно оборачиваемся, и я застываю, как каменный, смотря в заплаканное лицо Олеси.

— Простите меня, простите! — срывается на высокие вибрации, захлёбываясь слезами. — Я такая дура!

— Что случилось? — не слышу собственных слов за гулким сердцебиением.

— Максима Степанова похитили! — няня закрывает лицо руками.

Парализующий страх заставляет меня перестать дышать, а затем глаза застилает кровавая пелена.

Кто его похитил? Кто посмел?

— Стёпа, что ты стоишь! Ты слышал? — Вероника в панике, глаза шальные. — Олеся, как это случилось? Что произошло?

— Я... Я... Не знаю! Я поставила видео-няню и вышла из игровой на одну минуту... в туалет... а потом, когда вернулась... Максима уже не было.... Я ничего не понимаю...

— Ты обыскала дом? Может, он где-то спрятался?

— Я каждый угол облазила. Его нет. Его украли! Украли!

Одним рывком распахиваю двери своего дома, вылетаю на улицу. Дождь без устали лупит землю, в лужах играют пузыри. Они надуваются белым куполом и бесследно лопаются, превращаясь в грязную пену. Точно так же, как моя вера в лучшее, в искреннее и светлое. А косая ливневая стена смывает следы счастья безвозвратно.

— Макси-и-и-ик, — верещит Вероника с таким надрывом, что у меня сердце взрывается и в хрустальную крошку размалывается.

Она выбежала за мной в одном лёгком кипельно-белом платье, которое стало мокрым ментально и прилипло к худому телу. Губы её дрожат, и кожа почти такого же цвета, как

это чёртово платье: белоснежная, с серыми впадинами. Падает коленями в грязь, поскользнувшись, ногтями впивается в сырую землю и кричит что есть силы.

Моя охрана сразу бежит поднимать Волкову на ноги, но молодая женщина заливается слезами и скулит, как дикое животное, раненое ядовитой стрелой.

— Вероника, иди в дом! — бросаю резко и отворачиваюсь.

Смотреть на неё слишком больно.

Я должен помочь Веронике, успокоить, пообещать, что всё хорошо будет.

А будет ли?

Моя голова сейчас лопнет, и мозги придётся собирать на мокром асфальте.

Водитель подгоняет большой внедорожник, тормозит в сантиметре от меня, и я запрыгиваю в машину.

— Нет, нет! Я поеду с тобой! Я поеду! — голос Вероники эхом разрывает пространство.

Но я с силой захлопываю дверь, стараясь вдохнуть воздух полной грудью. Страх сковывает, туманит рассудок, лапает омерзительными щупальцами. Бегущей строкой "а что если..?", а дальше картинки с кровавым месивом, от которых под кожей проносятся мурашки.

Водитель срывает тачку с места, и только за коваными воротами я могу сфокусировать взгляд в экран телефона.

— Как так получилось, Андрей? Почему не досмотрели? — рявкую в телефонную трубку начальнику охраны.

— Извините, господин...

— Срочно поднимай всех знакомых. Кто-то решил объявить мне войну, похитив моего наследника!

64

Вероника

Ефим Святославович приезжает к полицейскому участку спустя полчаса. К этому времени я чувствую, что обессилела окончательно. Хожу по кабинету полковника, кутаюсь в пальто и пытаюсь согреться, но от одной мысли, что я могу больше никогда не увидеть сына, под кожей загорается обжигающий холод. Меня трясёт изнутри. Не помогают ни успокаивающие таблетки, ни обещания Шилова разобраться как можно быстрее.

Волков тоже потерян и сломлен. Его отсутствующий взгляд замер на пустой стене, а лицо не передаёт никаких эмоций.

— Как вы могли допустить такое? — Ефим Святославович говорит размеренно и тихо.

Даже удивительно, как у него получается контролировать собственные эмоции после двадцати минут диких криков на Шилова. Я ожидала, что он и на меня будет точно также орать, не фильтруя своих колких слов. Волков старший уже поднял на уши своих знакомых... И я верю, что они нам помогут.

Я хватаюсь за эту мысль, как за спасительную соломинку. И на какое-то время мне становится легче. Верю в лучшее.

— Нужно ехать домой, — неожиданно выдаёт Стёпа, встаёт с места и направляется к двери.

Домой? Вот так просто?

— Ты прав, сын. Тут ловить нечего, — пожимает плечами Ефим Святославович.

— Ты со мной? — муж переводит взгляд на меня, а я лишь с недоумением моргаю.

Как домой? Мы должны что-то сделать! Нужно поехать вместе с друзьями Ефима

Святославовича разыскивать Максимку!

— Вероника, вы сидите здесь всю ночь. Ты очень устала. Нужно поспать! — рассудительный Волков старший качает головой. — Как только что-то станет известно, я сообщу.

— Я не хочу спать, — шиплю.

— В любом случае, нет смысла тут больше сидеть. Ты поедешь со мной? — Стёпа снова смотрит на меня с надеждой.

— Да, — киваю коротко.

По дороге мы молчим. Каждый занят своими размышлениями. Я уверена, что муж думает о Максимке. И водитель тоже. Всё всполошились из-за случившегося. Хорошо, что моя мама не знает...

Боже, как я скажу об этом маме, если сынок не найдётся..? Она этого не переживёт... хотя я не знаю, переживу ли сама?

— Ника, не плачь, — подбадривает Стёпа, осторожно накрыв мою руку своей широкой тёплой ладонью.

Его прикосновение отзывается электрическим импульсом. Меня уносит из реальности, мне становится легче. Всклипнув, укладываю голову на плечо Стёпы, закрываю глаза и... молюсь. Как умею. Как бабушка Аня научила меня много лет назад.

— Приехали, Ника, — ласково выговаривает Стёпа мне на ушко, и я распахиваю глаза.

Всё же уснула... судорожно, невесомо, почти не ощутимо задремала, пригревшись на груди сильного мужчины.

Сразу замечаю, что в столовой Волкова горит свет.

— Доброе утро! — дверь распахивает Виктор, и я замираю.

Рядом со мной столбенеет Волков.

Мы оба пялимся на низкорослого мужчину и не знаем, как реагировать.

— Что ты тут делаешь? — Стёпа оживает первым.

— Я тут не один, — спокойно сообщает Виктор, приглашая нас войти.

Я сжимаю дрожащими пальцами руку мужа и практически теряю сознание, когда выцепливаю в прихожей силуэты Лизы, Насти и Олеси. Видимо, няня рассказала домомучителям, что случилось с Максимкой, и они приехали нас поддержать. Только вот это напрасно. Никакие слова не помогут, потому что я лишилась ребёнка! Лишилась части своей души и сердца!

— Вы сейчас будете в шоке и возненавидите нас, — Лиза исподлобья смотрит на мою руку, которой я крепко сжимаю рукав пальто Волкова. — Это мы! Мы всё организовали.

Мурашки бегут по телу голопом, а мозг отказывается соображать. И пока я собираюсь с мыслями и пытаюсь хоть что-то понять, Стёпа хмурит брови и сильно сдавливает мою талию пальцами до ощутимого дискомфорта.

— Организовали что? — понижает голос до грубого баса.

— Максим Степанович спит в своей кровати. С ним всё хорошо! — слова Олеси бальзамом по сердцу растекаются.

Как только до меня доходит смысл услышанных слов, внутри включается лампочка счастья. Восторг накрывает, как лавина, сразу всю с головой. Интуитивно делаю шаг вперёд, чтобы поскорее увидеть сына. Прикоснуться к нему. Убедиться, что он в порядке. Но Волков держит за талию так, что сдвинуться не могу. Перевожу рассеянный взгляд на него: злится. Так сильно, что вена вновь пульсирует на его виске. Кажется, муж покрылся испариной... и

поседел за эту ночь.

Сжимаю пальцы в кулаки.

— Да вы хоть представляете, что натворили? — чеканю сквозь зубы с нескрываемым раздражением.

Радость от осознания, что Максик в целости и сохранности тут же сменяется гневом. Нас обвели вокруг пальца самые близкие люди, которым мы доверяли! Вот так просто обманули! Заставили меня за эту ночь мысленно умереть раз сто!

— Охрана была в курсе вашего плана? — догадывается Стёпа.

— Ну конечно! Мы всех подговорили! — Лиза смело задирает нос.

— Зачем? — выдыхаю вопрос обессиленно и веки закрываю.

— Да потому вы как дети малые! — укоризненно причитает домоправительница. — Этот балбес когда-то многомиллиардной корпорацией управлял! Был мужиком, который вперёд шёл по головам, как локомотив! Одним взглядом вгонял конкурентов в панику! А сейчас что? Нытик и бездарь!

— Лиза! — шипит Волков, прерывая пламенные речи.

— Да что Лиза? — женщина взмахивает руками. — Я молчала слишком долго, Степан Ефимович! Думала, что у вас просто кризис среднего возраста! Надеялась, что вы опомнитесь и поймёте, что в вашей жизни самое главное!

— И что же?

— Холодный ум и горячее сердце! А у вас сердце остыло, а голова как кипящая вода бурлит!

Перепалка затихает. Лиза и Стёпа буравят друг друга глазами несколько секунд, а затем пожирающий взгляд женщины стреляет в меня.

— А эта... — начинает тихо, глубоко вздохнув. — Вместо того, чтобы излучать любовь и светиться изнутри как раньше, погрязла в собственных выдуманных обидах и совершенно забыла, как пользоваться мозгом.

От услышанного выпадаю в осадок. Молчу.

Наверно, я и правда была слишком импульсивной, когда пилила Стёпу за его задержки на работе, или когда собрала вещи и уехала после нового года. Страдала, плакала, скулила, но не подпускала его к себе, нацепив маску гордой суки не принимала помощь и сгорала живо от собственной глупости. Видимо, я и правда перестала "пользоваться мозгом".

— Знаете, дорогие мои, вам лучше держаться друг от друга подальше, — Лиза качает головой, давая этот ценный совет. — Вы друг друга разрушаете. И ребёнок ваш не будет счастлив в такой семье.

— Как ты смеешь это произносить, Лиза? — голос Волкова гудит в голове.

— Уж простите, господин. Накипело! Ваши отношения вот тут уже сидят! — прикладывает ладонь к горлу, явно давая понять, что устала от наших любовных качелей.

— Мы взрослые люди, мы сами решим, расходиться нам или остаться вместе! — Стёпа прижимает меня к себе так, что сквозь верхнюю одежду чувствую жар его тела. — Я люблю Веронику и больше никуда её не отпущу.

— Тогда будьте добры сделать так, чтобы мы больше не придумывали, как вас помирить, — заключает Виктор.

65

Степан

Вероника сидит у детской кровати, а я люблюсь ей со стороны. Она не знает, что я

шпиону. На её лице трогательная улыбка, тёплая и добродушная, руку она положила на детское одеялко, а с густых ресниц капая слёзы. Вытирает их ладонью свободной руки и неслышно всхлипывает.

— Ника! — окликаю шёпотом, и жена оборачивается.

Нехотя встаёт с места и, ещё раз взглянув на Максимку ласковым взглядом, направляется ко мне грациозной походкой.

— Прости меня, — выдыхаю, когда она равняется со мной.

— Я сейчас не в состоянии вести серьёзные разговоры, — тяжело вздыхает, посмотрев в мои глаза с отчуждением.

— Но нам нужно поговорить, — настойчиво требую я.

— Волков, отстань! — рычит тихим голосом. — Я сказала же, что устала!

— Нужно решить все разногласия между нами.

— Я спать хочу, скоро сын встанет, а я уставшая! — сокрушается Ника и отходит в сторону.

Сделав несколько шагов, оборачивается. Впивается в моё лицо строгим взглядом.

— Ты идёшь? — недовольно бубнит.

— Куда?

— В спальню! Или мы опять будем спать отдельно? — закатывает глаза.

— Иду! — отзываюсь с победным воодушевлением.

Когда Вероника засыпает на моём плече, я ещё долго не могу сомкнуть глаз. Мысли, как стая комаров, кружатся в голове и не дают уснуть.

Я рад, что мой персонал всё это подстроил. И пусть у меня прибавилось седых волос, сгорели миллиарды нервных клеток и тремор рук теперь не отпустит ближайшую неделю, главное желание исполнилось.

Всё встало на свои места! Вероника дала нашим чувствам ещё один шанс. И я не подведу.

В этот раз я возьму себя в руки. Остужу голову и зажгу своё сердце, как Лиза посоветовала. И не разочарую свою Канарейку! Никого больше не разочарую.

— Как на Максимкины именины испекли мы каравай! Вот такой вышины! Вот тако-ой низины! Вот такой ширины! Вот тако-ой ужины! Каравай, каравай! Кого хочешь выбирай! — залиvisto поём все вместе, встав в хоровод вокруг развесёлого годовалого малыша.

Максик смеётся искренне, улыбается, оголяя свои белые зубки и со всех ног, вперевалочку, летит в объятия Вероники.

— Ну тут и думать не надо, конечно, к маме! — мой отец от счастья просто с ума сходит.

Даже кажется на мгновение, что Волков старший помолодел. И морщины разгладились, и на лысоватой макушке снова волосы выросли.

— Давайте теперь торт есть! — Настенька хлопает в ладоши и с предвкушением хватается за нож.

Сегодня у нас меню без изысков. Вероника так захотела: домашний оливье, селедка под шубой, шашлык, который я впервые в жизни жарил сам под чутким руководством мужиков из моей охраны, нарезки из сыра и колбасы, и, собственно говоря, главное украшение стола — торт, который испекла Настя.

Первый день рождения нашего сына отмечаем в тесном семейном кругу. Максиму

сегодня ровно год. Стыдно признать, что я весь год был хреновым отцом. Я не видел, как сын сделал первый шаг. Заливал глотку алкоголем, когда Вероника переживала бессонные ночи из-за прорезывающихся зубов. Я не стал опорой и надёжной защитой. Не дал жене ощущение безопасности. Вёл себя как кретин и только добавлял проблем своей семье.

Это настолько задевает что-то в моей душе, что выть хочется.

— Стёпа, ты чего такой задумчивый? — мурлычет Вероника мне на ухо, обвивая меня руками крепко.

— Не выспался, наверно! — добрая усмешка от свекрови Наташи.

— Ну конечно, молодые, ночью не до сна, — веселится дядя Петя.

— Ник, пойдём на разговор, — тяну Волкову за руку, уводя на кухню, подальше от ушей и глаз.

— Что такое? — взволнованно.

— Слушай, я такую вину чувствую. За весь этот чёртов год столько наворотил! — сердце сжимается от боли.

— Стёп, успокойся. Главное, что теперь всё хорошо. Я тебе доверяю! Я знаю, что ты всё исправишь и больше не обидишь нас! — её слова вселяют надежду.

Надежду на то, что все наши мечты и желания исполнятся. А желаний много!

Во-первых, мы запланировали слетать куда-нибудь отдохнуть в тёплую страну. Пора начинать Максимке мир показывать. Обязательно нужно взять с собой Олесю, Настю, Лизу и Виктора. Повеселиться всем вместе.

Во-вторых, я вернусь скоро в Нефть "ВЕС". Отец смилостивился! У нас состоялся важный разговор, и все обиды как рукой сняло. Честно, после этого дышать легче стало.

В-третьих, мы решили, что хотим ещё одного ребёнка. Девочку. И как только Максиму исполнится полтора года, активно займёмся этим вопросом.

И самое главное: мы пообещали друг другу разговаривать обо всех проблемах и никогда не пускать отношения на самотёк.

— Волков! — Вероника целует меня в нос. — Пойдём торт есть, а то не достанется!

— Хорошо, родная. Идём.

Больше книг на сайте - Knigoed.net